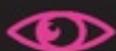

Хинд Аль Кассеми

ЧЕРНАЯ КНИГА

المرأة الشرقية

ИСТОРИИ ЖЕНЩИН ВОСТОКА

Кто сказал, что арабские женщины слабые?

Annotation

Зная, как пугает запад «черная паранджа» востока, вызывая страх и неприязнь своей непроницаемостью, Хинд Аль Кассеми, автор книги, принцесса королевской семьи ОАЭ и успешная молодая бизнес-вуман, раскрывает в ней жизнь обычных арабских женщин как она есть, без прикрас. Истории, рассказанные Хинд, абсолютно подлинные, как подлинны и все переживания, переданные в них. Она убирает границы и снимает завесы между двумя мирами, делая людей ближе друг другу и способствуя взаимопониманию и сохранению мира на планете.

- [Аль Кассеми Хинд](#)
 -
 - [Искренне твой](#)
 - [Принцесса и нищая](#)
 - [Не покину тебя никогда](#)
 - [Зеница ока](#)
 - [Трава на чужом участке](#)
 - [Плата за любовь](#)
 - [Вуду в Нью-Йорке](#)
 - [Кошмар за деньги](#)
 - [Первая любовь](#)
 - [Без ума от тебя](#)
 - [Из князей в грязи](#)
 - [Свобода в крови](#)
 - [Благодарности](#)
-

Аль Кассеми Хинд

Черная книга. Истории женщин востока

Hend AL Qassemi

The black book of Arabia

© Hend AL Qassemi, текст 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Искренне твой

Сара родила своих трех дочерей – старшую, затем двух близняшек – буквально одну за другой. Между двумя беременностями прошло всего несколько месяцев. Незапланированные дети, изменение гормонального фона и веса (Сара резко располнела с сорок второго до пятидесятого размера) совершенно лишили ее самоуважения и уверенности. Ее семейная жизнь превратилась в бесконечный вихрь ежедневной суеты. Домашние дела, уход за детьми, множество новых обязанностей почти не оставляли двадцатипятилетней молодой маме свободного времени.

Когда-то весь мир лежал у холеных ножек прелестной и обворожительной Сары... Раньше она была организованным, успешным менеджером, стильно одевалась и одной лишь ослепительной улыбкой и к месту сказанным одобрителем словом могла вдохновить сотрудника на великие свершения. Теперь же она не знала ни минуты покоя. Она превратилась в домохозяйку, ее тело не могли привести в порядок никакие диеты, а из-за гормональных сбоев она казалась себе слабой, ущербной, убогой неудачницей. Возможно, она чувствовала себя недооцененной, или тосковала по тем временам, когда долг и обязательства не мешали ей желаниям и мечтам. Как бы то ни было, она все чаще ловила себя на мысли, что ее любимый муж Али может изменить ей.

С утра, едва проснувшись, Сара невольно представляла, как Али разглядывает других женщин – делового партнера, коллегу, продавщицу в магазине. По вечерам она кипела от злости, воображая любимого наедине с загадочной красоткой: они обнимались, шептались, полуприкрыв глаза, и нежно улыбались друг другу... Когда день подходил к концу, Сара, накормив детей, без сил валилась на кровать, измученная своими подозрениями, тревогой и внутренней борьбой. А ночью, естественно, каждые несколько часов приходилось вставать, чтобы покормить и перепеленать и старшую дочку, которой был год и четыре месяца, и ее четырехмесячных сестренок-близняшек, часто страдавших кишечными коликами.

У Али, мужа Сары, были теплые карие глаза; своим высоким, под два метра, ростом он был отчасти обязан матери-немке. Али всегда внимательно относился к жене и пользовался уважением на работе. У него были короткие темные волосы, на подбородке – аккуратно подстриженная щетина, которая очень шла ему. Когда Али улыбался, на щеках появлялись

ямочки, и мужчина становился похож на добродушного великана. Он был хорошим собеседником, отзывчивым и тепло благодарным за любую оказанную ему услугу. Естественно, всем нравилось находиться рядом таким человеком. Многие завидовали его харизме и особому умению понимать людей. Али был воплощенным обаянием, а еще хорошим мужем и отцом: он носил в бумажнике фотографии дочерей, и его лицо озарялось радостью, когда он говорил о них.

Сама Сара питала бесконечную любовь к своим детям, но не могла смириться с тем, что сотворил с ее телом долгий и тяжелый период беременности: некогда плоский живот превратился в «кенгуриную сумку» обвисшей кожи, неровные серебристые следы растяжек напоминали дорожную карту. Она пыталась избавиться от них с помощью кремов *Sephora* – густых смесей кокосового масла и химических веществ, получивших высокую оценку потребителей в модных журналах и блогах. Следы стали менее заметными, но все еще отливали серовато-белым в большом зеркале ванной комнаты, когда она включала над ним свет: шрамы, оставшиеся после беременности... Каждый день ее самооценка страдала, а облегающая одежда на вешалках покрывалась пылью.

Сара часами стояла перед зеркалом, вспоминая о былой красоте, и выходила из ванной с угнетающим чувством жизненного краха и отвращения. Это же чувство заставляло бывшую красавицу уклоняться от объятий мужа: ей не хотелось, чтобы он касался ее обвисшей кожи.

Еще хуже было то, что три пластических хирурга один за другим отказались проводить восстановительную операцию и советовали ей – умоляли ее – постараться самой сбросить вес, уверяя, что лишь в этом случае они вместе добьются наилучшего результата. Тем более, что с момента родов прошло всего четыре месяца: «Слишком короткий срок», – сказали они. Операцию, по их словам, имело смысл делать тогда, когда она больше не захочет иметь детей. Врачи советовали потерпеть еще от трех до шести месяцев, чтобы дать телу прийти в норму, но Сара ничего не желала слышать.

Индустрия моды придумала кучу всего, чтобы сделать будущих матерей счастливыми, а вот женщине после родов она ничего не могла предложить. Саре оставалось только любоваться своими старыми облегающими нарядами и перебирать то, что она носила, когда была похожа на беременного бегемота. Естественно, она выбирала просторную одежду, потому что та была удобной и позволяла без особых проблем кормить грудью. Соображения удобства служили предлогом, чтобы скрыть недостатки тела. Сара тосковала по прежним временам.

На лице у нее появились веснушки и неровные пигментные пятна, известные как «маска беременности». Смуглые женщины более склонны к ним, и с каждой беременностью пятна становятся все заметнее. Сара пыталась осветлить кожу с помощью кремов: многие говорили, что у ее мужа кожа светлее, чем у нее, и ей это не нравилось. Однажды во время их с Али свадебного путешествия кто-то спросил, откуда они, и заметил, что Али, в отличие от жены, похож на европейца. «Его мать – немка, – ответила Сара. – Наверное, дело в этом». В другой раз одна европейская дама поинтересовалась: «Вы из Индии или из Африки?»

Али говорил супруге, что его не заботят перемены, произошедшие с ее телом, но она ему не верила. Кроме того, муж думал, что Сара просто страдает от послеродовой депрессии. Он даже читал кое-что на эту тему, поскольку угнетенное состояние жены и ее замкнутость тревожили его. Молодой отец в какой-то степени чувствовал себя виноватым и считал, что им все же не стоило торопиться со второй беременностью, чтобы дать телу Сары прийти в прежнюю форму.

В постели, когда Али нежно протягивал жене руку, она дергалась от его прикосновения, как от удара током. Со временем он даже начал бояться случайно задеть ее, повернувшись во сне. Он знал, что Сара раздражена и несчастна, но учитывал, что она только что подарила ему главную гордость и радость всей его жизни. Тем ни менее, Али не хватало прежней близости с женой. Его обижало, что любимая не хочет спать с ним, но надеялся, что ей просто нужно время смириться со своим нынешним состоянием или же привести себя в форму диетами и спортом, как бывало раньше. Однако, занимаясь тремя маленькими дочками, Сара просто не находила времени соблюдать режим питания и тренировок. Она была рада, если ночью удавалось урвать несколько часов сна, чтобы потом не задремать за столом, ухаживая за детьми.

Сара пыталась сбросить вес, но диеты не давали результата, физические упражнения выматывали, к тому же каждая минута была занята детьми и хозяйством. Молодая мама кормила грудью; малышки плохо переносили смесь – у них начинались колики. Грудное вскармливание позволяло, с одной стороны, ей дольше спать и чувствовать себя отдохнувшей, но вызывало зверский голод: в желудке дико ныло, если как следует не поесть. А стоило дать детям искусственную смесь, как у них начинал болеть животик, и они потом всю ночь плакали, не давая спать.

Матери Сары повезло: та до сих пор была стройной, как в юности, хотя это и стоило ей немалых трудов. И теперь мать постоянно отпускала язвительные замечания в адрес сариной фигуры. Она уверяла, что всего

лишь пытается помочь дочери сбросить вес, но ее выдавали трудноскрываемые нотки превосходства и, может быть, даже тайного удовольствия от сложившейся ситуации. Отец регулярно и занудно, как часы, напоминал Саре, что когда-то она мечтала участвовать в школьных конкурсах красоты, позировать перед фотографами в нарядах из собственных модных коллекций и вести свой блог о моде. Его шутки задевали в ее ранимой душе очень большие струны, но никто кроме нее этого не замечал. Подруги присылали Саре фотографии, которые просто приводили в бешенство: снимки с прошлых вечеринок, свадеб и встреч, тех, на которых она была самой стройной из всей компании. Проще было вообще ни с кем не видеться, чем объяснять, как ей тяжело привыкнуть к своей новой жизни и особенно внешности. Мир не желал принимать ее в нынешнем облике, и оттого ей самой было еще сложнее принять себя такой, какая она есть.

Младшие девочки постоянно болели, старшая росла и каждую минуту к месту и не к месту выдавала новые слова, а Сару захлестывала неуверенность в себе. Будучи неспособной оценить многочисленные попытки мужа облегчить ее состояние, она чувствовала себя разбитой и измученной. Сара всячески избегала мужа дома и тем более – в постели, а глубоко в душе у нее пылала обида. Глядя в зеркало в кабинете врача, Сара видела темные круги под глазами, морщины, пигментные пятна и проступающие капилляры, и спрашивала себя, зачем она, такая страшная, теперь нужна мужу. Смешно вспомнить – когда-то она была тревогу из-за пары лишних килограммов, а теперь располнела сразу на двадцать пять. Молодая женщина чувствовала себя толстухой и не хотела показываться никому на глаза.

– Жирная корова, – однажды произнесла она, лежа в кровати с мужем. – Я просто жирная корова. Ты меня больше не любишь.

– О чем ты? – переспросил Али.

В полусне ему показалось, что Сара имеет в виду коровье молоко для детей: она часто говорила о разных видах детских смесей, от которых у дочек колики, и как она пыталась давать им молоко без лактозы, козье молоко, соевое молоко, и на эти продукты дети реагировали лучше.

– Я отвратительна. Я ненавижу себя, ненавижу то, какой я стала. Я толстая, как бочка, и ни во что не влезаю. Приходится шить одежду на заказ... – ее голос дрогнул, по щеке тихо скатилась слеза, до которой никому не было дела.

– Дорогая, ты же только что родила, да еще и двойню. Все будет хорошо. Один ребенок – это уже огромный труд, а ты у меня одна делаешь

вдвое больше! – Али на секунду замолчал. – А давай съездим куда-нибудь на выходные, – вдруг предложил он, надеясь, что смена обстановки поднимет Саре настроение.

– А с детьми мне что делать?! – закричала в ответ она. – У меня грудь лопнет, если не взять их с собой. И вообще, кому я могу их доверить?! Каждый раз, когда твоя или моя мать соглашаются с ними посидеть, они не укладывают их спать вовремя, а я потом я же и мучаюсь с невыспавшимися детьми!

Молчание. Он пытался помочь – не получилось. Женщинам не угодишь, подумал он. Мы просто говорим на разных языках, и слишком много теряется при переводе «на женский». Говорят, если женщину баловать, она будет тебя любить. У него это никогда не срабатывало. Никогда. Когда Али хотел попросить свою маму помочь с детьми, Сара назвала его маменькиным сынком. Если он предлагал обратиться за помощью к теще, жена говорила, что он снюхался с ее матерью. Предлагал и нанять для детей кормилицу, на что Сара обзывала его транжирой и сокрушалась, что так они никогда не построят дом своей мечты. «Не угодишь» – это неотъемлемое свойство всех женщин, по мнению Али. А ведь он просто хотел подольше поспать, прежде чем зазвенит будильник. Муж Сары много работал и уставал. Как мужчина он пытался помочь супруге и хотел, чтобы она не обижалась на его неуклюжесть – ведь он же не нарочно оступался.

Сарин страх потерять мужа постепенно и незаметно точил ее. Молодую женщину начал одолевать страх. Вопрос был уже не в «если», а в «когда», «где» и «как». Когда Али не отвечал на ее звонок, она представляла его в отеле с другой женщиной: как он нажимает на кнопку лифта, как они заходят в номер, конечно же, шикарный «люкс» на верхнем этаже, и эта чужая женщина смотрит на город, расстилающийся под ее стройными ножками, а Али стоит позади нее с букетом алых роз. Он непременно бросит Сару с детьми, потому что Сара уже не так красива, как раньше. Сцены в ее голове, чувства казались совершенно реальными, как будто она не представляла, а на самом деле видела все это. Целыми днями пламя ревности пылало в этой несчастной душе, сжигая ее изнутри. Сара слишком много времени проводила одна с детьми и со своими внутренними демонами.

В конце концов она решила раз и навсегда «вывести супруга на чистую воду» и «доказать», что Али – на первый взгляд, хороший муж и любящий отец – на самом деле изворотливый, коварный изменник. Угли тлели, и нужно было лишь подуть на них, чтобы разгорелся всепожирающий огонь.

И вообще, разве каждый мужчина не мечтает об идеальной женщине? Неужели Али будет терпеливо ждать, пока она безуспешно пытается вернуть себе стройность и шарм? Его измена – просто дело времени, а она не могла спокойно сидеть и ждать, пока какая-нибудь дрянь не украдет ее семейное счастье.

Сара изобретала все новые способы испытать Али. Как ей казалось, чтобы выяснить, не поглядывает ли он на сторону, лучше всего было попытаться соблазнить его другой женщиной. Но кем? Сара стеснялась рассказать о своих страхах подругам. Она давно уже не виделась с ними и не отвечала на их звонки. Нельзя же теперь просто ни с того ни с сего позвонить им, да еще и с таким непристойным предложением. Они не поймут ее страха, ее отчаянного желания понять, не перестала ли она нравиться ему. Сара представила, как подруги будут смеяться над ней, и ее бросило в дрожь. К тому же она знала слишком много случаев, когда супруг «глотал наживку» и действительно уходил к другой. Ей нельзя было так рисковать. Она подумывала, не обратиться ли для такого дела к профессионалам, но тогда ее можно будет вычислить по денежным тратам. А если искунительнице все удастся, вдруг она захочет больше денег и начнет шантажировать Сару, угрожая рассказать обо всем мужу? Нет, ей нужен кто-то, кому можно доверять.

Наконец в ее женскую головку пришла нужная и такая очевидная мысль: она сама это сделает. И это будет просто. Легко. Безопасно. Неопровержимые доказательства. Никакого шантажа. Отличный план! Она расставит ловушку, сама превратившись в другую женщину. Просто и гениально, подумала Сара. Она начала обдумывать свой план, пока это не превратилось в ее единственное излюбленное развлечение. У жены Али кружилась голова от волнующего предчувствия, она восхищалась собственным хитроумием и наконец-то с улыбкой кормила и укладывала спать детей.

Вскоре она купила сим-карту с другим номером, создала поддельный аккаунт на *Facebook* и в *WhatsApp* и попыталась заставить мужа «поговорить» с ней. Конечно, по телефону он узнал бы голос жены, поэтому она только писала сообщения. Чтобы не быть похожей на какую-то мошенницу и завоевать его доверие, она посылала ему его любимые цитаты, изречения и красивые картинки, которые находила в интернете.

*Если ты любишь, не говори: «Бог – в моем сердце»,
скажи лучше: «Я – в сердце Божием».*

Не трать время на споры о том, каким должен быть хороший человек. Будь им!

и еще:

Качая пресс, я не считаю повторения. Я начинаю считать, только когда становится больно, потому что лишь тогда это имеет значение. Боль делает тебя чемпионом.

Сара знала, что нравится Али в женщинах и на какие кнопки надо жать, чтобы пробудить в нем интерес. Так ей было еще проще плести свою сеть, и она не сомневалась, что рано или поздно он увлечется «незнакомкой» и попадет в ловушку. Ей было интересно открывать все новые способы обольщения, возбуждать мужчину, играть его чувствами. Сара снова с волнением ощущала себя женщиной. Она забывала о своих болях внизу живота, возникавших каждый раз, когда она резко вставала; она забывала, что больше не чувствует себя привлекательной. Это давало истерзанной сомнениями женщине желанную уверенность в себе. Приятно грешить, зная, что все зависит от тебя, все под контролем, и все это можно прекратить в любой момент.

Однако Али ни разу не ответил на все ее уловки. И вместо того, чтобы убедиться в его верности и успокоиться, Сара только злилась и упорно не прекращала попыток его соблазнить. Сара часами сидела в интернете в поисках фраз и картинок, которые могли бы заинтересовать его. Бесплезно. Но она уже вступила в борьбу: она не могла ошибиться.

Отчаявшись привлечь его внимание, она отправила ему «селфи» – на самом деле это была фотография страницы из журнала с чарующими глазами модели, глядящими из-под чадры. Сара выбрала модель латиноамериканского типа и сделала на телефон несколько снимков, чтобы послать их ему позже. Али всегда нравились смуглые женщины.

Теперь она спала отдельно, в другой комнате, чтобы создать благоприятную атмосферу для своего плана: сбить мужа с пути истинного и заставить его согрешить, как согрешил Адам. Али не отвечал на ее сообщения и мягкие, но настойчивые попытки соблазнить его, однако природное упрямство не позволяло женщине наконец признать, что она не права. Сара своими руками создала привлекательную, сильную, интересную женщину, безнадежно влюбленную в Али. И ей хотелось просто пообщаться. Ему не обязательно было отвечать ей взаимностью, она

просто хотела знать, что он получает ее сообщения. И однажды, после нескольких месяцев молчания, Али ответил.

Его заботливая собеседница сразу же стала интересоваться, как у него дела. Позавтракал ли он? Как себя чувствует? Что делает? Сара обрадовалась, но старалась сдерживать себя и действовать осторожно. Ей не терпелось подвергнуть Али решающему испытанию, но сначала они, как и полагается, стали говорить о пустяках. Месяц за месяцем Сара окружала собеседника вниманием и заботой, и постепенно начала получать все больше сообщений и электронных писем от Али, который искал у «Тамары» утешения и поддержки. Медленно, но верно она сумела превратить его короткие ответы в связные предложения и, в конце концов, в целые абзацы.

Она была Тамарой, одинокой, но образованной и красивой женщиной. Естественно, в своих беседах они затрагивали и тему его брака. Давно ли он женат? Счастлив ли он? Доволен ли? Поначалу Али утверждал, что счастлив, но после нескольких настойчивых вопросов наконец признался, что его жена изменилась. Сара по-прежнему оставалась прекрасной матерью, это верно, но женой она была никакой. И пока супруга все сильнее замыкалась в себе, оплакивая утраченную красоту и разжигая в себе пламя ревности, Али нашел в Тамаре то, чего ему не хватало с Сарой. Сара не препятствовала этому: ей хотелось проверить, настолько ли он недоволен жизнью, чтобы решиться на измену. Муж Сары жаловался, что его жена больше не находит для него времени, а сама Сара втайне наслаждалась часами, которые он проводил с ней в интернете. Сара считала, что любой мужчина охотнее всего тратит время на то, что больше всего ценит, будь это друзья, жена, любовница, дети, работа или даже хобби, вроде рыбалки или общения с другими мужчинами в *меджлесе*. Если мужчина проводит время с тобой, значит, ради тебя он жертвует всем остальным. Если он тебя избегает, значит, его просто больше не интересует то, что ты можешь ему дать, что ты можешь сказать ему или сделать для него. И теперь Али часами разговаривал в интернете с ней.

В одном из сообщений Тамара нахально спросила, какого рода близости ему не хватает. Али рассказал кое о чем, что нравилось ему в постели с Сарой. Значит, Али ценит то, что жена делает для него – Саре было приятно это слышать, но ее злило, что муж открыто обсуждает их интимную жизнь с посторонним человеком. Тамара спросила о его фантазиях. Он стеснялся рассказать о них жене, но на расстоянии говорить об этом было проще, и он поведал Тамаре о них. Невероятно, но, даже изменяя, он думал о Саре; он описывал ее не такой, какой она была до

родов, а такой, какая она сейчас. Сара улыбнулась, подумав, как легко сделать мужа счастливым, но позволила Тамаре пообещать Али исполнить его мечты. Тамара не просто была готова сделать все, о чем он попросит, – она сама страстно этого хотела. Она описывала ему свои самые смелые фантазии, и даже больше. Она дразнила его, играла с ним, смешила его. Он наслаждался этим общением и был с ней абсолютно откровенен. Он писал ей, какая она замечательная и как он мечтает встретиться с ней, говорить с ней, быть с ней.

Тамара хорошо его знала. Она годами внимательно изучала его. Результат спортивного матча, который он смотрел, песня любимого исполнителя, новый фильм с любимым актером или актрисой – все становилось пищей для общения. Сара мечтала делиться с ним всем этим, и Али ответил на ее желание. Она создала для него «вторую половинку», с которой ему было интересно общаться. Ему нравилось заботиться о своей женщине и чувствовать, что его ценят за это. Для ее супруга, как оказалось, были важны такие простые вещи, как, например, написать СМС-ку, когда проснешься, когда придешь на работу, как сядешь обедать. Сара не могла этого понять, ей всегда эти сообщения казались одинаковыми и скучными, но она хорошо играла свою роль и не прекращала щебетать ему «Доброе утро» и «Приятных снов», иногда добавляя строчку из стихотворения или интересную цитату.

Удовольствие от каждого его ответа постепенно напомнило Саре о той не так уж крепко забытой страсти, которую она когда-то испытывала к мужу. Когда Али был дома, она замечала, что становится скучной, потому что каждый раз, когда ей приходило в голову что-то интересное или остроумное, она приберегала это для Тамары. Когда его не было, она искала в интернете любопытные штучки, которыми Тамара сможет поделиться на страничке в фейсбуке или в личных сообщениях. Когда он отвечал на пост или сообщение, – а такое бывало не всегда – она нежилась в лучах его внимания. Это было все равно что флиртовать со сказочным принцем, только лучше – ведь Али был любовью всей ее жизни.

Но переполнявшие Сару сильные чувства пропадали, стоило ей вспомнить, что его мечты и внимание обращены к Тамаре. И неважно, что это тоже была она. Невинная проверка на супружескую верность превратилась в сущий кошмар, отравлявший каждую минуту ее жизни. Радость от внимания и привязанности Али к Тамаре не могла сравниться с разочарованием, которое испытывала Сара, наблюдая, как муж отдаляется от нее с каждым разговором в чате, с каждым словом, с каждым смайликом.

Сара уже сама была не рада своей затее, но чем больше они с Али

общались, тем труднее было от этого отказаться. И главное, как теперь объяснить мужу, что она устроила все это, чтобы уличить его в неверности? Он слишком горд, чтобы стерпеть такое, да и она тоже. Теперь ей хотелось испытать его. Захочет ли он встретиться с той другой? Переспать с ней? Жениться на ней? Неужели он забудет, что у него есть жена, которая родила ему троих детей, которая раньше была красива и когда-нибудь может снова прийти в форму, которая переживает тяжелый период и из-за этого чрезмерно ревнива?

Али стал уговаривать Тамару встретиться, чтобы наконец сорвать запретный плод. Он отправлял СМС-ки. Он писал ей на электронную почту. Он ухаживал за ней так же страстно, как несколько лет назад – за Сарой. Попробуйся она поговорить с ним по телефону, ее обман тут же будет раскрыт, поэтому Тамара отказывалась разговаривать с ним, пока он женат на Саре. Она предложила ему развестись, но он даже думать об этом не хотел. Это растрогало Сару до глубины души, но теперь она понимала, что своими руками создала монстра. Тамара, ее дитя, выросла и превратилась в женщину, которая контролировала Али и испытывала его на предмет денег и брака. Ее влюбленный муж посылал незнакомке денежные переводы и предлагал жениться, но наотрез отказывался бросить нынешнюю супругу и детей.

Она не отвечала. Он продолжал писать ей. Чтобы оттолкнуть его, Сара начала критиковать то, что ему нравилось, говорить то, что непременно должно было рассердить его, обсуждать неинтересные для него темы. Ничего не помогало. Споры только добавляли их отношениям пикантности. Дело вышло из-под контроля. Сара всячески пыталась прекратить это общение, оттолкнуть Али, даже неприглядными способами, но безрезультатно. Дома она замечала, что муж страдает, отказывается от еды и целыми днями грустит. Его письма к Тамаре жгли ей глаза:

Тамара, единственная моя!

Растворившись в любви к тебе, я обрел свою потерянную душу. Душу, о которой я бы так и не узнал, если бы не полюбил тебя. Безнадежно, искренне и глубоко. Я мечтаю только об одном – передать свою любовь тебе. Я – человек слова, и мне столько нужно тебе сказать. Я словно задыхаюсь, когда не могу поговорить с тобой и выразить свои чувства.

Солнце твоей любви ослепило меня, но я вижу не крошечную тьму, а тысячи прекрасных цветов,

названий которых я не знаю. И если мне суждено умереть, я буду умолять свою жену привести тебя на мою могилу, потому что даже прах мой будет тосковать по тебе. Я хочу быть с тобой в жизни и в смерти. Не нужно приносить розы, ведь ты – самая прекрасная роза, какую я когда-либо видел, а исчезнув, своими шипами ты изранила мне сердце.

Я бы положил к твоим ногам весь мир, но ты говоришь, что у тебя уже есть свой. Что я могу дать тебе, чтобы ты пожелала быть со мной? Я не хочу жить без тебя ни дня. Я улыбаюсь, только когда ты в моих мыслях. Глупо, правда?

*Пока я дышу, мое сердце будет тосковать по тебе.
Давай убежим вдвоем? Прошу тебя <3*

Теперь настал черед Али блуждать по долине потерянных душ. Его взгляд стал безжизненным, он похудел. Его короткая ухоженная борода превратилась в неопрятную двухнедельную поросль – не из соображений религии или моды, просто он перестал за ней ухаживать. Ему было все равно, как он выглядит, а выглядел он почти больным. На все вопросы он отвечал, что дело в проблемах на работе. Сара приглашала в гости его сестер и родителей, надеясь поднять ему настроение. Все замечали, что Али сам не свой. Словно его похитили инопланетяне, и теперь от него осталась лишь пустая оболочка.

Теперь дома Сара пыталась поддержать мужа, воплотить в жизнь те фантазии, которыми он поделился с Тамарой. Но все без толку. Али был влюблен в Тамару, и Сара ничего не могла поделать с его чувствами. Тамара была одновременно беспощадной и милосердной, спасительницей и искусительницей – всем, о чем он мечтал и к чему стремился. Он не мог встретиться с ней и все глубже погружался в грусть и апатию. Он плакал в ванной, и Сара слышала его рыдания за шумом струящейся из душа воды. Заметив на жене красивую обновку, он тут же спрашивал, где она ее купила, чтобы тайком купить такую же и послать своей возлюбленной Тамаре. Сара сначала с удивлением, а потом уже завороченно наблюдала, на что он готов ради своей любви. Как только он ни изворачивался, чтобы очаровать и увлечь Тамару. Сара хранила все, что он присылал, чтобы однажды продемонстрировать ему, сколько денег он потратил на свою интернет-возлюбленную. Но когда подарки стали слишком дорогими, ее забавная игра приняла совсем дурной оборот; теперь, если бы тайна

раскрылась, у всех участников этого спектакля осталось бы неприятное послевкусие на душе.

Он не переставал посылать СМС-ки:

Ты нужна мне.

Я умру без тебя...

Как ты можешь так поступить со мной?

У тебя нет сердца. </З

Проси все что угодно – я на все готов, только вернись.

Сара перестала отвечать. Она вынула из телефона сим-карту и сожгла ее, боясь, что Али узнает правду о Тамаре. Если все вскроется, он никогда ее не простит.

Однажды Сара привезла дочек на работу к Али, чтобы отметить его «Неожиданный Не-День Рождения», надеясь устроить веселое развлечение для всей семьи. Ей хотелось вернуть его. Она жалела, что привела свой план в исполнение, и отчаянно пыталась исправить то, что натворила. За прошедшее время она похудела и справилась со своей депрессией – теперь все непременно должно было наладиться.

Али обнял и поцеловал дочек, вежливо поблагодарил жену, но в его безразличном голосе не было ни следа радости. Под конец вечеринки он, извинившись, вышел, сел под деревом и снова принялся писать Тамаре, надеясь вернуть свою потерянную любовь.

Прошел почти месяц с тех пор, как Сара вынула из телефона сим-карту. Али тосковал по Тамаре, а Сара страдала по мужу. Она делала вид, что не замечает его пошатнувшегося здоровья и разбитого сердца, и пыталась смотреть вместе с ним его любимые египетские комедии и американские мыльные оперы, но он только безразлично тарачился в экран, словно окаменев изнутри.

«Что я наделала?» – теперь не переставала думать Сара. Она молила Бога помочь ей, указать верный путь, простить ее за то горе, что она причинила любимому...

«Прости меня, я не знаю, зачем я это сделала, – молилась она. – Он не заслужил таких страданий. Я так его люблю, я не представляю жизни без

него. Я хочу все исправить».

Али бродил по дому как призрак; потерял сон и аппетит, стал рассеянным и необщительным. Однажды его нашли спящим в машине, и его рука во сне поглаживала мобильник. Он был похож на наркомана, которого лишили привычной дозы. На его «ломку» было страшно смотреть. Наркоманов лечат психотерапией и антидепрессантами, а у него не было ничего, кроме утраченной любви. Тамара была его наркотиком, манией, навязчивой идеей, а теперь он потерял ее. Тамару окружала завеса тайны, и потому их с Али не разделяли ни грех, ни обида, ни разочарование – ведь он вообще ни разу ее не видел. Она только дразнила, влекла, возбуждала его, не желая удовлетворить его любопытство. Али был охвачен жестокой, сводящей с ума тоской, и его открытая, чувствительная душа была беззащитна перед нею. Он не понимал почему Тамара исчезла. Она являлась ему во сне, и он просыпался, плача, как ребенок.

Али, твердо решивший, что никогда не бросит жену и всегда будет ей верен, тихо плакал от отчаяния и смятения, пока не засыпал снова, а Сара слушала его рыдания. Проснувшись утром с темными кругами под глазами, он вяло принимался собираться на работу. Перед уходом он крепко обнимал дочек, словно боясь, что умрет и больше никогда их не увидит. Когда-то у него был острый ум, обаяние и хватка истинного бизнесмена – теперь же на него было больно смотреть.

Тамара не могла открыть ему правду, но отправила ему на электронную почту последнее письмо: она просила его прекратить, ведь это было несправедливо по отношению к жене, к детям и к ней самой. Больше он не получил от нее ни строчки. Она написала, что уезжает учиться в Гарвардский университет, чтобы получить степень МВА. Она охладела к нему, потому что он обременен семьей, а ей не нужен этот «багаж». Она хотела развиваться и делать карьеру. Это было жестокое письмо – жестокая ложь во спасение.

Не прошло и нескольких минут, как пришел ответ от Али. Он развелся с Сарой. Он свободен и готов жениться на ней.

Он послал Тамаре соглашение о разводе в последней попытке доказать свою любовь к ней. Он бросил жену, как и обещал. Наконец-то он целиком принадлежит ей.

Сара позвонила Али, но он не брал трубку. Он ждал звонка от Тамары. Теперь, когда он свободен, она, конечно, с радостью выйдет за него. Ведь они любят друг друга. Она понимает его лучше, чем его собственная жена. Она нужна ему, он так истово верит ей и боготворит ее, что покинуть его теперь – все равно что солнцу перестать светить с небосклона.

Сара бросилась в спальню. Все вещи Али пропали. Она бегом спустилась в гараж. Его машины не было. Он оставил ее. Он ушел к другой.

Он ушел от нее к ней же.

Дорогая Сара.

Я не знал, что у меня такое непокорное сердце, но оказалось, это так, а непокорное сердце нельзя приручить. Я пытался бороться с собой, но не смог остаться. У тебя будет все что нужно, и мои дочери не будут нуждаться ни в чем. Но я влюбился, и моя любовь победила меня. Я не могу приказывать своему сердцу, разуму и душе – они повелевают мной.

Может быть, я проявил слабость. Может быть, ее любовь стала для меня спасением, когда я умирал от твоей холодности, как от жажды. Я не виню ни тебя, ни себя. Просто мое сердце выбрало другую, и ты, как и я, вольна выбирать, с кем тебе быть.

Я не изменял тебе, но больше не могу быть с тобой, потому что Ангел смерти приходит ко мне по пять раз на дню. Каждый раз, склоняясь в молитве, я невольно молю Бога вернуть мне её. Когда я преклоняю колени на коврике, мое сердце разбивается, и я взываю к ней, страстно желая, чтобы она молилась рядом со мной. Нам можно иметь четырех жен, но мое сердце способно вместить только одну любовь. Она завладела моим сердцем.

Я пытался разобраться, что хорошо, а что дурно. Она для меня – все, что есть хорошего в мире, и она же – все дурное во мне, потому что я не с ней.

Она – любовь, о силе которой я не подозревал, поэма, которую я не смог написать, жизнь, о которой я всегда мечтал. Каждый раз, когда я мысленно прощаюсь с ней, что-то во мне умирает. Я понял, что по-настоящему любить – значит позволить себе быть уязвимым. Признаю, я сам позволил себе стать таким. Но Сара, я рад этому, потому что благодаря этой любви я почувствовал себя живым. Это подлинное чувство. Это все, чего я всегда хотел, все, что мне

нужно.

Я уезжаю в Америку учиться, и попробую начать новую жизнь. Надеюсь, ты найдешь в себе силы простить меня и жить дальше. Желаю тебе всего хорошего и надеюсь, что мы оба в этой жизни получим то, чего заслуживаем.

Искренне твой,

Али.

Принцесса и нищая

Отец Лулу был с юга Саудовской Аравии, из Наджрана, но переехал в Эр-Рияд после женитьбы на своей двоюродной сестре Фатиме, которая жила в столице. Он продавал верблюдов, овец и коз. В тех краях это был прибыльный бизнес, хотя и несколько старомодный: торговцев скотом считали ограниченными и чересчур традиционными. Отец был скуп: при любой возможности он старался поторговаться и сэкономить, стремился из всего извлечь выгоду. Его верблюды приносили ему миллионы саудовских риалов, но он продолжал собирать остававшийся от скота навоз и продавал его как удобрение.

Фатима родила ему восьмерых детей – трех девочек и пятерых мальчиков. Когда дети подросли, она открыла салон красоты в районе Аль-Тахасусси и Аль-Алия. Салон считался очень престижным, и туда приходили женщины состоятельные, из высшего общества. Бизнес не стоял на месте и спустя два года Фатима уже зарабатывала хорошие деньги и заводила новые полезные знакомства.

Однажды в салон пришла высокая, простоватая с виду марокканка лет под тридцать, одетая в старую абайю. Она хотела устроиться на работу, но не имела ни соответствующего опыта, ни образования, и Фатима вежливо ответила отказом. Женщина сказала, что согласна работать за гроши и готова начать с самых низов, если ей позволят ночевать в салоне после закрытия и честным трудом зарабатывать на жизнь. Она не ушла даже после разговора, и пыталась помогать как умела – убирала, мыла, делала посетительницам комплименты. Ее отчаянные попытки быть полезной и раздражали, и трогали, так что в конце концов Фатима сдалась и разрешила женщине работать за минимальную плату и ночевать в салоне, пока ей не найдут подходящее дело.

Марокканка Хадейя искренне старалась и вскоре начала овладевать основами профессии. Она узнала, что парикмахеры хорошо зарабатывают, в отличие от других сотрудниц, в основном низкооплачиваемых филиппинок, которые делали массаж, терли посетительниц в турецкой бане, занимались косметологией, эпиляцией и маникюром. Прическа же – это самое главное: она требует времени, но считается необходимым завершением образа для любой девушки, мечтающей блистать красотой. Парикмахеры получали и самые щедрые чаевые, особенно когда выезжали к клиенткам на дом: это стоило вдвое дороже, и чаевых, соответственно,

было гораздо больше.

В конце концов Хадейя научилась укладывать и красить волосы, и вскоре достигла таких успехов, что стала делать прически самой Фатиме. У нее так хорошо это получалось, с ней было так приятно работать, что Фатима начала приглашать ее к себе на дом, где Хадейя стригла и ее саму, и ее мужа.

А еще через год муж Фатимы развелся с ней, и ее салон, который был оформлен на имя мужа, перешел к той самой Хадейе. Торговец верблюдами бросил двадцатисемилетнюю супругу и выкинул ее на улицу посреди ночи, заявив, что собирается жениться на Хадейе. Когда несчастная Фатима попыталась протестовать, он спокойно сказал, что оформил развод еще утром, протянул ей бумаги и велел убираться прочь.

Сердце Фатимы было разбито. Она поселилась у своего второго сына и его жены, который чуть позже построил для матери на своем участке отдельный дом. Но скандальная история о «полуночном разводе», как его теперь называли, стала достоянием общественности. Некоторое время даже салон бойкотировали, но в конце концов привычка, удобство и отличное расположение хозяев возобладали над негативными настроениями. К тому же всем хотелось узнать, как Хадейя заставила взрослого, богатого мужчину бросить жену, с которой они прожили вместе столько лет, и жениться чуть ли не на прислуге.

А Лулу стала плодом этого скандального союза. Ее и других детей от этого скандального брака считали зачатými во грехе, отродьем коварной соблазнительницы. Матери запрещали своим детям есть за одним столом с Лулу, ее братом и сестрами, боясь колдовства и сглаза. В результате такого воспитания другие дети просили детей Хадейи не причинять им вреда или научить их колдовать. Лулу, ее младшие сестры и брат в ответ улыбались или делали вид, что не понимают, о чем речь: осознавать, что происходит, было слишком страшно. Порой они пытались защитить себя и мать от нападок, но все было тщетно: окружающие уже составили мнение о их семье.

Среди одноклассников были дети ливанок, сириек, алжирок и марокканок, вышедших замуж за саудовцев, но их не презирали, как Лулу, и ей было это очень обидно. В своем позоре она винила мать, так и не простив ей постыдного замужества. В такой ситуации Лулу не могла завести друзей и была уверена, что в будущем не найдет себе достойного мужа. Даже дети марокканок избегали ее, говоря, что она опозорила всех марокканцев. Лулу задыхалась в этой атмосфере презрения и мечтала уехать в другую страну, чтобы все ее несчастья наконец прекратились. Ей

хотелось свободы – свободы от строгих законов Саудовской Аравии, где женщины не могли водить машину, были обязаны закрывать лицо и маялись от скуки. Она хотела, чтобы ее считали такой же, как все, из нормальной саудовской семьи, или даже, как ей порой мечталось, из королевского рода. Когда ее поднимали на смех и дразнили, она отвечала, что когда-нибудь станет принцессой. Если ее мать смогла окрутить саудовца, то она, Лулу, точно сумеет очаровать какого-нибудь принца! Лулу плохо училась и была полновата, но успокаивала себя тем, что мужчины все равно предпочитают крупных женщин.

Девочка никак не могла смириться с тем, что окружающие смотрят на нее свысока. И без того громкий скандал усугублялся всеобщим раздражением и завистью, потому что Хадейя успешно руководила салоном красоты. Люди по-прежнему осуждали отца Лулу: ведь его нынешняя супруга осмелилась укубить руку, которая не только кормила ее, но и дала ей крышу над головой, дала ремесло, позволяющее заработать на жизнь. Но отец – к тому времени ему было уже семьдесят – завещал все свое состояние новой жене и ее детям, так что после его смерти восемь детей от первого брака не получали ничего. К этому решению подтолкнула его Хадейя: по ее словам, она боялась, что без его покровительства сироты окажутся совершенно беззащитными. Тогда отец Лулу решил, что все деньги и имущество достанутся детям его новой, любимой жены. Он даже купил здание, в котором размещался салон, и оформил его на Лулу.

Девочка часто рассказывала о своем смущении и обиде няне, марокканке берберского происхождения. Няня, полная высокая женщина, до безумия любила свою маленькую избалованную подопечную, которую растила с трехлетнего возраста. Няня знала о Лулу всё: и о ее добросердечии, и о дурных сторонах характера. Когда няне было сорок пять, ей сделали предложение, и она согласилась выйти замуж, пока еще не поздно. Лулу так и не простила свою любящую наперсницу за то, что та ее бросила: она восприняла нянино решение как предательство и больше не желала ее видеть. В каком-то смысле для Лулу няня была ближе и роднее, чем мать, а решив выйти замуж, та словно бы отказалась от собственного ребенка.

При росте около метра шестидесяти Лулу весила семьдесят четыре килограмма, что вполне естественно, если три раза в день питаться фаст-фудом. Ходила она с трудом, а в магазине не могла найти себе подходящую одежду: приходилось покупать брюки большого размера, чтобы они сошлись на животе, а потом укорачивать их по росту. Любимой одеждой подрастающей девушки были эластичные леггинсы и футболки – они

подходили под любой размер. Лулу страстно мечтала выйти замуж за какого-нибудь принца, но никто не претендовал на ее руку. Она была слишком маленькой и пухлой, да к тому же плохо училась и не могла увлечь мужчину разговором, чтобы тот заинтересовался ею или хотя бы просто позвонил поболтать.

Лулу очень хотелось получить блестящее образование и через полезные знакомства проникнуть в высшее общество, чтобы найти себе мужа в тех кругах, доступ в которые сейчас для нее был закрыт. Желая попасть в элиту, она была готова пойти на все: платить, обманывать, интриговать, работать, учиться (хотя она и знала, что у нее нет способностей к учебе).

Работать в салоне было нелегко. Лулу быстро надоело обслуживать других, ей хотелось, чтобы у нее была собственная прислуга. Каждое утро становилось началом очередной войны между мечтой и реальностью. Лулу считала унижительным для себя заниматься черной работой: ведь она ходила в элитное учебное заведение, хотя до сих пор не научилась поддерживать разговор о деньгах и оставлять на тарелке недоеденный круассан. У ее отца были миллионы, но карманных денег ей хватало только на дешевый обед; питалась она исключительно фаст-фудом и всегда доедала все до конца. Лулу училась вместе с девушками из высшего общества – предметом ее восхищения, – говорила с тем же арабским акцентом и перенимала их хорошие и плохие привычки. И все же, как она ни старалась, повсюду ее окружало презрение и одиночество. Лулу боролась с собой и не теряла надежды. В конце концов, даже у ее матери, нищей иммигрантки, получилось, а она, как ее дочь, сейчас была в гораздо лучшем положении.

Девушка плохо знала английский и сдавала экзамены только благодаря дорогим подаркам и взяткам. Она тщетно пыталась перейти с ручки и бумаги на ноутбук и высокие технологии, которыми так хорошо владели ее одноклассницы. Она не опускала руки, но в компании всегда сидела молча. Лулу не прогоняли, поскольку она никому не мешала. Ей просто хотелось быть такой же, как остальные девушки. Но раз за разом, когда она оказывалась среди одноклассниц, в ее душе поднималась буря негодования; половину класса составляли принцессы, а вторая половина состояла из детей богатейших семей Эр-Рияда.

Большинство учительниц Лулу, будучи также представительницами не бедного класса, посещали салон и она пользовалась этим козырем. Лулу отказывалась брать деньги за свои услуги, и они, смутившись, старались помочь ей в учебе. Хадейя тоже делала все возможное, чтобы вписаться в

общество, к которому она теперь принадлежала. Она каждую пятницу посылала на факультет кускус, старалась всем угодить – и ей это удавалось. В конце концов о прежней хозяйке салона забыли; невысокие цены для заведений такого класса и удобное расположение на одной из главных торговых улиц Эр-Рияда привлекали множество клиентов. Спустя много лет Хадейя в итоге стала своей в обществе, которое прежде презирало и избегало ее. Преподавательницы, врачи, студентки университетов и колледжей, свахи и домохозяйки сидели в ее салоне, пили марокканский чай и болтали с сотрудницами-марокканками, лакомились сладостями, делились кулинарными рецептами и советами, как ухаживать за кожей, волосами и ногтями, сплетничали о красавице Сальме, королеве Марокко.

Отец Лулу не хотел посылать дочь учиться в Европу или Америку. Она еще никогда не бывала за границей – это и стоило слишком дорого, а ни в какую зарубежную учебную программу ее так и не приняли. Лулу же наотрез отказывалась доучиваться в Саудовской Аравии, так что скуповатый отец собирался отправить ее получать высшее образование в Кувейт. Это было дешевле, чем учиться в Лондоне или Калифорнии, к тому же Лулу была обожаемым первым ребенком от любимой Хадейи и отцу хотелось, чтобы она жила поближе. Лететь полдня или целый день в далекую холодную страну – это было для него слишком. Лулу несказанно расстроилась. Все ее подруги уезжали получать высшее образование за границу, а ее не взяли ни в один зарубежный университет из-за плохой успеваемости и слабого владения английским.

Делать нечего, девушка отправилась с тяжелым сердцем в Кувейт. Нелегко будет найти богатого сказочного принца в такой маленькой стране, рассуждала она. Это не великолепная Америка, где в престижном университете ей поднесли бы этого принца на блюдечке. «В окружении титанов ты сам становишься титаном», – говорила ей мать, когда Лулу жаловалась на насмешки одноклассников. Но уехать – даже в Кувейт – все равно было лучше, чем оставаться под надзором родителей, консервативной саудовской полиции и суровых традиций, которые не позволяли ей одеваться и жить как хочется. К тому же путешествовать было интересно и увлекательно.

В первую неделю в кувейтском университете Лулу тосковала по дому и плакала каждую ночь, представляя, как ее одноклассницам, должно быть, хорошо под калифорнийским солнцем. Лулу вспомнила о клиентке из маминого салона, которая утверждала, что знает женщину из кувейтской правящей семьи, и вскоре попросила их познакомить. Может быть с ней будет интересно и Лулу снова попадет в высшее общество, которого ей

теперь так не хватало. Клиентка матери сделала несколько звонков, и знакомство состоялось. Новая подруга, Шейха, позвонила Лулу и встретила ее в Кувейте, пообещав, что эта страна станет ей вторым домом.

Шейха была высокой, привлекательной, уверенной в себе и успешной девушкой из знатного рода, с чарующими карими глазами, красивым, прямым, слегка орлиным носом, полными губами и стройной женственной фигурой. Лулу нравилось общество Шейхи; к тому же она была уверена, что даже «придворные дамы» у таких успешных людей со временем непременно находят себе богатых женихов. Ум Шейхи не уступал ее красоте и она уже давно решила не выходить замуж, пока не закончит образование и не получит степень бакалавра информационных технологий и МВА в Великобритании, чтобы в будущем открыть собственный интернет-магазин дорогой косметики. Когда она наконец нашла себе избранника, немало сердец было разбито и немало надежд разрушено.

У Шейхи был головокружительный роман с молодым, богатым и красивым принцем, которого она выбрала сама. Ее близкие подруги часто катались вместе с ней на яхте, веселились на шикарных вечеринках на самых модных островах планеты и летали на частном самолете на самые знаменитые лошадиные скачки Европы и Америки. После каждой поездки Шейха выкладывала фотографии в свой *Blackberry*-мессенджер и *WhatsApp*. Лулу сохраняла все эти снимки, и сама тщательно фотографировала роскошную жизнь своей подруги.

Вся жизнь Шейхи была сплошным праздником, а жизнь Лулу в Саудовской Аравии – серыми буднями. Лулу собиралась поступить в Американский университет, но плохо сдала *TOEFL*, ее не приняли. К тому же она приехала сюда с группой своих саудовских знакомых, которые считали ее недостойной их общества из-за ее бедуинского происхождения и дурной славы ее матери. Они боялись и сглаза, и того, что ее репутация помешает им устроить свою жизнь.

Доброта Шейхи согревала Лулу; она была счастлива, когда Шейха пригласила ее на вечеринку с компанией девушек из стран Залива. Все они учились в университете, прекрасно говорили по-английски и приветливо приняли ее. К сожалению, Лулу постеснялась сказать, что провалила экзамены и будет учиться в арабском университете. Однако в течение вечера ее новые подруги заметили, что она не может поддерживать разговор на английском... Это стало последней каплей и Лулу не выдержала. Ей было страшно и неуютно без матери, няни и отца, без салона и доставки еды по первому звонку, и, в конце концов, она горько разрыдалась от обиды и унижения – и это было блестящее начало

знакомства. Своими слезами и жалким видом Лулу завоевала сердца добрых, сильных и умных подруг. Они жалели ее, а она не переставала жаловаться, как ей плохо среди «неотесанных» и «нищих» студенток в общежитии: ни знаменитых имен, ни стильных нарядов, ни блестящих дорогих машин. А тяжелее всего в чужой стране было привыкнуть к отсутствию прислуги: некому было ухаживать за ней, следить за ее одеждой, будить ее по утрам, готовить еду и выполнять мелкие поручения. Она страдала, а культурный шок потряс ее до глубины души. Лулу говорила, что готова покончить с собой: она столько лет карабкалась вверх по социальной лестнице, а теперь ее жизнь разрушена. Новые подруги тепло обняли ее, а Шейха даже пригласила к себе домой на выходные. Лулу выставила себя этакой золушкой наоборот: якобы в Саудовской Аравии ее нарочно избаловали, а потом отправили в Кувейт, где ей приходилось как-то справляться самой, живя среди нищих студенток из низов, которые у нее, привыкшей к другому обществу, вызывали только отвращение.

«Мои родители ходили в тот же университет, который ты сейчас так ругаешь. Не думай, что там учатся только нищие и неотесанные», – с улыбкой сказала Шейха, чтобы подбодрить подругу.

«Но я там никого не знаю, – срывающимся голосом ответила Лулу. – Все выглядят какими-то дикарями. Я там совсем чужая. Я не могу спать на кровати в общежитии – она всего метр шириной. Честное слово, мне все время кажется, что я сейчас свалюсь на пол!»

Лулу приехала к Шейхе с вещами и осталась у нее насовсем. В буквальном смысле. Этот дом радушно ее принял, и она стала жить в роскоши. Прислуга была готова выполнить любое ее поручение, ей больше не приходилось стоять в очереди в общий туалет или душ. Она оставляла в ванной бардак – кидала на пол полотенца, бросала салфетки куда угодно, только не в мусорное ведро, оставляла незакрытой зубную пасту. Это было бы некрасиво по отношению к тому, кто зайдет в ванную после нее, если бы прислуга регулярно там не убиралась. Ее одежда всегда была отглажена, оторвавшиеся пуговицы пришиты, аксессуары находились в идеальном порядке. Еду девушке приносили в любое время дня и ночи. Лулу без проблем выдавали визы и оплачивали все дорожные расходы, не считая постоянных дорогих подарков от щедрых членов семьи. Именно о такой жизни Лулу и мечтала; разве что мужа не было – только добросердечная подруга, принявшая ее. Мечта исполнилась, Лулу получила то, чего, как ей казалось, заслуживала: она жила во дворце и наконец-то купалась в роскоши. Теперь ей прислуживали, а не она вынимала волосы из забившейся раковины в салоне после закрытия, когда все сотрудницы

уходили домой. С ней обращались как с членом семьи. По первой просьбе ей давали деньги, по звонку колокольчика приносили вкусную еду. Кто бы захотел уходить из такого рая?

Скупой отец Лулу, узнав, что его дочь живет у подруги из королевской семьи, почти перестал высылать ей деньги – только жалкие 300 кувейтских динаров на карманные расходы. Живя у Шейхи, Лулу получала почти в десять раз больше. И этот контраст причинял Лулу настоящие страдания. Она часто говорила о том, как богат ее отец и как скуп он распоряжается своими деньгами, заработанными тяжелым трудом. И все же она любила его и ненавидела мать. Ей не нравилась его жадность, но она знала, что отец любит ее, и после его смерти она унаследует все его огромное состояние. А вот мать ее навсегда останется разрушительницей семьи и простой парикмахершей в средней руки салоне – даже после смерти. Лулу мечтала быть принцессой и забыть о своих корнях. И благодаря Шейхе ее мечты исполнились.

Младшая сестра, Мона, говорила, что Лулу учится у Шейхи быть стильной. Так оно и было. Лулу считала Шейху своим кумиром и образцом, стараясь подражать ей во всем. Говорят, подражание – разновидность лести, и Лулу льстила Шейхе, хотя и предпочитала считать себя состоявшейся знатной леди. В глазах Лулу Шейха была более достойна называться ее матерью, чем презренная уничтожительница семей или предавшая ее подлая служанка. Шейха идеально подходила на эту роль: с ней Лулу была счастлива, ею можно было гордиться. У арабов есть поговорка, что, прожив в чьем-то доме сорок дней, ты становишься членом семьи. Лулу прожила в доме Шейхи два года. Завалив первые же экзамены в университете, она просто осталась у Шейхи – повсюду ходила за ней или сидела дома с ее домочадцами.

В конце концов девушка поняла, что злоупотребляет гостеприимством. Она случайно услышала, как родня Шейхи обсуждает, когда же Лулу уедет: заботиться о чужой дочери – на Ближнем востоке это была слишком большая ответственность. Шейха пыталась убедить Лулу продолжить учебу – пусть даже в школе для начинающих изучать английский. А университет можно было закончить и позже.

Чем настойчивей Шейха уговаривала Лулу выучиться и получить хоть какой-то диплом, тем старательней девушка искала для себя новое место жительства, на случай, если Шейха выйдет замуж. Ее жизнь в раю могла закончиться раз и навсегда, если не найти другую такую же подругу или, еще лучше, мужа.

Еще в салоне Лулу познакомилась со свахой из высших слоев

саудовского общества. Она много раз бесплатно обслуживала ее, надеясь, что однажды сваха подыщет ей подходящего холостяка. Обустроившись во дворце, Лулу решила позвонить этой женщине, и с удовлетворением узнала, что у свахи есть на примете много завидных женихов. Существовала лишь одна проблема: все они хотели красивую невесту из хорошей состоятельной семьи, не уступающую им по социальному статусу. По мнению Лулу, это было просто нечестно. Как девушке с самой обычной внешностью, из среднего класса, выйти замуж за миллионера или принца? На меньшее она была не согласна. Будь Лулу богатой и знатной, все было бы просто, но она была из другого круга, а таким, как она, нелегко доказать этим блестящим мужчинам, что она их достойна. Неужели вся ее жизнь пройдет в бесплодной борьбе?!

Лулу не переставала раздумывать, как ей проникнуть в высшее общество. Даже непродолжительная помолвка или брак сделали бы ее более привлекательной для будущих женихов: ведь тогда она получила бы титул принцессы, или, по крайней мере, внушительную сумму денег и дом, оформленный на ее имя, чтобы больше не зависеть от родителей. При заключении выгодного союза молодые могли вообще ни разу не увидеть друг друга до свадьбы. Нередко пара разводилась вскоре после бракосочетания, но у невесты оставалось приданое, статус и титул. Для Лулу это был бы беспроблемный вариант.

Девушка поговорила еще с несколькими свахами, но все они утверждали, что богачи женятся только на девушках своего круга. Лулу, надо признать, не падала духом, даже когда ей говорили, что холостых аристократов интересуют только культурные семьи со связями и невесты с образованием. Красота и покладистый характер были приятным и важным дополнением.

В отличие от Шейхи Лулу не была ни высокой, ни стройной, ни женственной. Однако, живя во дворце, она успела возомнила о себе невесть что, даже стала носить очень облегающие вещи. Свахи наперебой советовали ей сперва похудеть и подумать над своим стилем – иначе девушка вроде нее никогда не найдет себе подходящего жениха. Лулу не хотелось тратить на это время, поэтому она просто стала брать одежду Шейхи, ведь взять готовый модный наряд из огромного стильного гардероба было проще, чем выбирать вещи самостоятельно, теряясь в этом бескрайнем море брендов и дизайнеров: все равно, что бы она ни выбрала сама, это будет выглядеть пошло, а не шикарно. Но и теперь свахи отмахивались от нее, пока ей не пришла в голову мысль получше прежней. Она просто будет говорить, что ищет жениха не для себя, а для своей

хозяйки, леди Лулу.

Решено: она будет пользоваться личиной Шейхи, пока не отхватит себе богача, который сделает ее королевой в ее собственном дворце. Этот план должен был открыть Лулу дорогу в высшее общество: если ей не суждено стать Женщиной-кошкой и встретить своего Бэтмена, она превратится в леди Лулу и обязательно встретит своего прекрасного принца. Она будет изображать Шейху, а та станет ее феей-крестной: только знать ей об этом вовсе не обязательно.

План был настолько прост, что на миг девушке даже стало стыдно. Слишком прост. У Лулу уже было все, что нужно. Она начала с хранившихся у нее фотографий Шейхи – Шейха со своими лошадьми, Шейха рисует, читает, обнимается с отцом, Шейха с домашним дельфином в своем доме в Монако, Шейха со своими драгоценностями, картинами, дорогими машинами – Майбахом, Роллс-Ройсом, Бентли – и, наконец, со своим свирепым и прожорливым белым тигром.

Лулу встретила со свахой под видом представительницы некой молодой дамы из королевского рода или богатой, красивой и влиятельной аристократки. Никто не мог бы справиться с этой задачей лучше Лулу, никто не мог бы найти для ее леди лучшую партию. Лулу безупречно сыграла роль личной помощницы знатной дамы. Она настояла на том, что имя леди должно остаться тайной, и Лулу откроет его только будущему жениху в частной беседе. Лулу сумеет выбрать то, что понравится «леди Лулу», и найдет для нее лучший вариант. Знакомства будут происходить по телефону, а чат *Blackberry* идеально подойдет для обмена фотографиями. Она не торопясь заманит жениха в свои сети. Брак будет заключен через три месяца после первого разговора, и это обязательное условие.

Используя фотографии и профиль Шейхи, сваха вскоре нашла кандидата: некий Лео, тридцатипятилетний мужчина из саудовской королевской семьи, высокий, смуглый и красивый. Он руководил успешным бизнесом, ни разу не был женат и после свадьбы собирался переехать в США, потому что там у него были деловые партнеры, и ему там нравилось. Сердце Лулу замерло. С такой удачей не нужна никакая черная магия.

Привлечь внимание принца оказалось на удивление легко. Достаточно было отправить ему несколько лучших снимков очаровательной Шейхи, его «будущей невесты». Человеческая природа, любопытство и тщеславие довершили дело. Принц, такой неприступный и разборчивый, был рад знакомству и мечтал о продолжении.

Лулу нарочно выбрала не просто члена королевской семьи, а

бизнесмена, рассудив, что он часто бывает в отъезде и слишком занят, чтобы настаивать на скорой встрече. Его многочисленные обязанности не позволяли ему говорить с невестой так часто, как ему бы хотелось. Слишком настойчивыми расспросами он мог разоблачить Лулу. Она помнила слова своей тети Кохи, тоже работавшей в салоне: «Мужчин надо дразнить. Получив тебя, они сразу теряют интерес. Без охоты нет ни загадки, ни награды, и в чем тогда смысл? Помни, лучше быть яблоком на кончике ветки, чем веткой в их руке. Главное для них – охота». Поэтому Лулу так торопилась с датой свадьбы, когда он наконец возьмет ее в жены и оценит, по крайней мере, ее личность и характер. Пусть она окажется не так красива, как он думал, зато она будет ему любящей подругой. А если из их семейной жизни ничего не выйдет, у нее останется ее приданое и статус бывшей жены принца.

Лулу завела себе второй телефон, где был только номер жениха, чтобы никто из ее подруг ничего не заметил. Постепенно и расчетливо она подпитывала его интерес – обрывала разговор на середине его фразы, не отвечала на вопросы, обещала, что перезвонит, и, конечно, не звонила. Для него она была недостижимой, загадочной, и его жажда росла с каждым глотком. Она могла процитировать ему строчку, которая трогала его до глубины души, а потом сказать какую-нибудь глупость. Когда он пытался отвечать, она говорила, что перезвонит позже, или просто бросала трубку. Жених чувствовал себя как охотник в погоне за недоступной, вечно ускользающей, и потому еще более желанной добычей.

Лулу откровенно использовала свою подругу, но не видела в том ничего плохого, ведь все это затевалось ради благой цели. Шейха, конечно, поймет, что иначе Лулу никогда не достичь своей мечты – денег, статуса и брака с прекрасным принцем. Она представляла, как в будущем они с мужем и Шейхой вместе, как лучшие друзья, будут ездить в Швейцарию кататься на лыжах.

Девушка тщательно отбирала фотографии Шейхи из своего запаса, посылая их принцу в удачные моменты разговора. Подруги Лулу часто говорили ей, что с ней весело, и она знала, что чувство юмора – ее главное преимущество и лучший способ привлечь внимание принца. И она оказалась права: его интерес не ослабевал. Он постоянно разыскивал ее. Когда принц задавал ей вопрос, слишком сложный для ее неискушенного ума, она бросала трубку, обрывая разговор и оставляя впечатление, что она прекрасно его поняла. Любопытство принца оставалось неудовлетворенным, но у него складывалось хорошее мнение о ней. Казалось, что у Лулу вечно нет на него времени, при том, что у самого

молодого мужчины был плотный график.

Принцу особенно нравились фотографии с лошадьми и жеребятами. Лулу боялась лошадей, и при ее небольшом росте девушке было трудно сесть в седло. Шейха же была ростом метр семьдесят и ездил верхом с трех лет, в седле и без седла, так что у Лулу было много снимков «леди Лулу» на лошади. Девушка не была знакома с конной терминологией, и на вопросы принца предпочитала отшучиваться. Он не замечал пробелов в ее знаниях о верховой езде – может, потому, что во всем остальном было слишком много истины. Ей и вправду не хотелось отвечать на вопросы. Она и вправду была застенчива. Лулу изучила жизнь Шейхи в таких подробностях, которые могли быть известны только самой Шейхе – или тому, кто всегда был с нею рядом. Например, Шейха иногда позволяла подруге покормить своих лошадей, Подснежника и Ри-Аль-Шемаала (Северного Ветра), и Лулу знала, что лошадь надо кормить с раскрытой ладони, чтобы она не укусила за пальцы. «Леди Лулу» знала, что нельзя обходить лошадь сзади, иначе она испугается и может лягнуть. Она знала, что лошади чувствуют опасность, чуют приближение дождя и землетрясения. Такие подробности звучали убедительно и не вызвали лишних вопросов.

Тем ни менее, Лулу приходилось следить за своей речью. «Леди Лулу» училась за границей, как Шейха, но сама Лулу слишком плохо владела английским и французским, чтобы можно было поверить, что она действительно жила в Лондоне и Париже. Да и вообще по сравнению с Шейхой ей явно не хватало образования. На некоторых фотографиях, которые она посылала жениху, были видны книжные полки с шедеврами мировой литературы, но Лулу не отличила бы Джорджа Оруэлла от Джорджа Лукаса. Как-то он заговорил об обшарпанных, но по-своему очаровательных улочках в Сен-Жермене, где обязательно должен был побывать любой культурный и образованный человек, а она ответила, что ненавидит бедные районы и трущобы. Но, спохватившись, также сказала, что зарисовала несколько местечек в Париже, и на некоторых из картин, снимки которых она ему отправила, были те самые улочки, которые он упоминал. Странно, даже подозрительно. Любопытная девушка эта милая и загадочная леди Лулу.

На фото леди Лулу всегда была очаровательна, и это рассеивало многие подозрения. Она была аристократкой, как и он, такой же богатой, культурной, образованной. Она много путешествовала и с удовольствием вновь и вновь приезжала в те места, где уже бывала раньше. Сходство рождает привязанность. «Как интересно», – думал он. Лошади, картины,

красота ее печальных глаз, длинные волосы, романтические стихи, чарующий голос, напевающий короткую музыкальную фразу, которую он переслушал не одну сотню раз – жених, как рыба, попался в расставленные сети.

Принц захотел встретиться со своей невестой до свадьбы. Он собирался прилететь к ней, но она не согласилась, сказав, что мечтает, чтобы он впервые увидел ее именно на свадьбе и увез с собой в белой карете. Его терпение истощилось; казалось, он не сможет прождать три месяца. Когда он начал настаивать на встрече, она ответила, что ее отец придерживается очень традиционных взглядов: сначала нужно заключить брак, а потом знакомиться с невестой. Он понимал, что потенциальная невеста из консервативной семьи, но был уверен, что запрет можно как-то обойти. Она возражала.

Принц заподозрил неладное. Вокруг леди Лулу было слишком много таинственного – особенно тот факт, что она отказывалась называть имя своего отца. К тому же она утверждала, что хорошо говорит на саудовском арабском, потому что ее лучшая подруга – саудовка. Трудно поверить. Принц был серьезным человеком и не любил, когда женщина играет с его сердцем – какой бы замечательной она ни была. Он сказал ей, что прилетает в Кувейт на один день и хочет увидеть ее. Он готов был даже явиться в дом ее отца с официальным предложением о помолвке. Боясь, что ее план рухнет, Лулу согласилась, но поставила несколько условий: она встретится с ним только в людном месте; с ней будут ее подруги; принц не попытается с ней заговорить. Он согласился, и Лулу назначила дату встречи.

Она позвонила Шейхе и непринужденно пригласила ее позавтракать в торговый центр Аль-Салхия. *Fauchon Cafe* в Аль-Салхие – известное место, куда ходит завтракать кувейтская аристократия, место не для простых людей и не для тех, кто пытается следить за фигурой.

Где-то в многолюдном *Fauchon Cafe* сидел молодой принц. Он сразу узнал леди Лулу по многочисленным фотоснимкам, которые тщательно изучал в течение последних месяцев. Он попросил официанта пересадить его за другой столик, ближе к предмету его любви. С новой точки обзора он мог сколько угодно любоваться своей принцессой.

Она полностью соответствовала сложившимся у него ожиданиям, и даже превосходила их. В ней была нежная грация, которую не могли передать короткие сообщения, и аура спокойной уверенности, заметная даже в том, как она складывала салфетку. Сдержанный взмах ее тонкой руки – знак принести меню, застенчивый взгляд из-под длинных ресниц,

губы, изгибающиеся в улыбке – все это согревало его сердце, и ее образ в его сознании начинал играть новыми красками. Он представлял их совместный завтрак, общую родню за одним столом, их детей, работу и путешествия. Ему очень хотелось извиниться за свою настойчивость и сделать ей комплимент: казалось, что само солнце спустилось с небес, чтобы позавтракать в этом красивом месте. Он страстно стремился к ней всем своим существом.

Почему бы не заговорить с ней? В конце концов, он ведь был ее женихом и хотел познакомиться с ее семьей, раз уж прилетел сюда. Смелый и решительный, принц был готов нарушить все договоренности и традиции; он хотел представиться и сесть к ней за столик. Несомненно, так и надо было поступить. Она, конечно, будет восхищена его галантностью, и это будет замечательный сюрприз! Кто знает, может, ему удастся поговорить с ней за обедом, или поужинать с ней и ее родителями. Его глаза не слушались его: они жадно впитывали ее красоту, как будто никогда раньше не видели ничего подобного.

Он отправил ей сообщение, но она даже не взглянула на свой *Blackberry*. Влюбленный принц ничего не понимал.

Не в состоянии больше сдерживаться, он подошел к ней поздороваться, но «леди Лулу» его даже не заметила. Он заговорил с ней, но она раздраженно взглянула на него и велела оставить ее в покое.

Смутившись и слегка обидевшись, он вернулся за свой столик и теперь наблюдал за ней издали, вяло ковыряясь в тарелке с салатом. Высокая и стройная принцесса была одета в светло-розовый твидовый жакет от Шанель с вельветовой оторочкой и пуговицами, украшенными золотом и жемчугом, а также в бежевые брюки-клеш с такими же золотыми пуговицами по обеим сторонам. Ее жемчужные серьги мягко блестели, и тем же молочным сиянием отливали ровные белые зубы. Волосы были собраны во «французскую ракушку», и вся она выглядела так, словно только что сошла со страниц модного журнала.

Напротив нее сидела низенькая толстая девушка в узких джинсах, с полными бедрами и выпирающими боками и животом. Длинные ожерелья в несколько рядов, серебристые тени и густо подведенные, как у египетских фараонов, глаза. Между двумя подругами не было ничего общего, во всем кафе трудно было найти другую столь же странную пару. «Наверное, принцесса торопилась, – думал принц, – и не смогла найти компанию получше. До чего же нелепый вид».

Когда принцесса и ее подруга собрались уходить, принц торопливо бросил на стол деньги – больше, чем было нужно для оплаты счета – и

вышел вслед за ними. На приличном расстоянии он последовал за двумя подругами к парковке. Когда девушки сели в бежевый Порше принцессы, он, проходя мимо, незаметно сфотографировал номер машины и прошептал: «Храни тебя Бог, милая».

Сев в свой Рендж-Ровер, принц отправил номер своему знакомому из полиции, чтобы узнать фамилию возлюбленной. Пока он ждал, наконец пришло сообщение от леди Лулу. Она извинилась за свое поведение и объяснила, что это было необходимо, поскольку она не хотела говорить о нем своей подруге, Шейхе: та непременно рассказала бы отцу и нарушила бы все их планы. Она еще раньше упоминала, что семья хочет выдать ее за ее двоюродного брата. Отсюда и ситуация, в которой они сейчас оказались.

Принц улыбнулся, подумав о том волшебном моменте, когда ее отец внезапно, без предупреждения заговорит с ней о нем: принц был уверен, что она согласится выйти за него – ведь они уже обо всем договорились и уже нежно любили друг друга. Он оставил в том самом кафе свое сердце и забыл обо всей прошлой жизни. Жених леди Лулу взглянул в зеркало и снова улыбнулся, заметив в своем отражении тень радости и счастья, прячущихся в уголках его красивых глаз и изгибе губ.

Принц поверил оправданию ее поведения в кафе и внешнего безразличия к нему, но, узнав ее фамилию по номеру машины, решил взять дело в свои руки. Как истинный джентльмен, он связался с ее отцом, уважаемым шейхом, и предложил вместе выпить кофе в *меджлисе*.

После учтвого знакомства и дружеской беседы принц сообщил о своих намерениях. Он хотел жениться на принцессе Лулу. Отец удивился. У него была только одна взрослая дочь, и она уже была помолвлена. Принц не мог поверить тому, что услышал.

«Принцесса Лулу помолвлена?» – пораженно спросил он.

«Моя дочь помолвлена, это точно, – сказал отец Шейхи. – Но вообще-то ее зовут Шейха, а не Лулу. У нее есть подруга по имени Лулу, девочка из Саудовской Аравии, которая живет у нас. Она провалила экзамены в университете, и моя дочь взяла ее под крыло. Но она – дочь парикмахерши, а не шейха».

Отец Шейхи посмеялся своему каламбуру.

Принц улыбнулся, скорее смущенно, чем весело, и подумал, что его возлюбленная остроумнее, чем ее отец.

Отец Шейхи объяснил, что Лулу ему как дочь, но с таким предложением все-таки лучше обратиться к ее родному отцу.

«Ее отец живет в Эр-Рияде, – сказал отец Шейхи. – Кажется, он торгует верблюдами».

Принц был бизнесменом и аристократом с многолетним опытом публичных скандалов, клеветы и обмана, но такого с ним еще не случилось. Злой и разочарованный, он целый день пытался разобраться в ситуации и понять, как поступить. Леди Лулу писала ему, но он не отвечал. Она спрашивала, в чем дело, может, при личной встрече ему не понравилось, как она выглядит? Она объясняла, что была вынуждена изображать равнодушие, потому что вокруг всегда куча сплетников с фотоаппаратами и видеокамерами наготове. Она боялась запятнать свою репутацию, при всех показав ему свою любовь и радость от встречи с ним. Ведь если кто-то снимет на камеру как она разговаривает с незнакомцем и при всех оказывает ему знаки внимания, это будет не самая приятная ситуация для женщины, особенно молодой и готовящейся выйти замуж.

Ее ложь и оправдания только сильнее раздражали принца, но он сдерживался. В душе он кипел от ярости, ругая себя за глупость, легковерие и наивность. Как он мог дать себя так одурачить?! Чего хотела эта дочь торговца верблюдами? Обманом заставить его жениться, а потом довести до инфаркта, когда он встретится с невестой и узнает, что та выдавала себя за другую? Говорят, жизнь – это трагикомедия, но он был так расстроен этим обманом, что ощущал только боль разбитого сердца, разочарование и отравивший его сладкий яд лжи. Что за жестокая шутка?

Ожидая своего рейса в аэропорту Кувейта, принц решил позвонить по номеру, который ему дали в полиции, а не по тому телефону, с которого писала ему леди Лулу. Сто раз прокрутив в голове то, что он скажет, принц нажал кнопку «позвонить».

Шейха сразу же взяла трубку. В кафе принцесса сказала ему лишь несколько коротких и суровых слов, но принц сразу же узнал голос своей музы – голос, который пел в том семисекундном звуковом сообщении. Лед, сковавший его сердце, начал таять. Ее голос был полон тепла и доброты. Принц не ожидал этого. Он хотел представиться и сказать, что знает о ее помолвке и скорой свадьбе, что он уважает ее выбор, но хочет прояснить ситуацию. Он хотел и требовал объяснений. Иначе эта загадка будет мучить его до конца жизни. Он чувствовал что имеет на это право.

«Салам алейкум», – сказал он и умолк, забыв все подготовленные слова. В его душе кипел гнев.

«Алейкум ассалам», – тихо и скромно ответила Шейха.

«Лу... Шейха?» – у принца комок застрял в горле. Охваченный сомнениями, он не знал, что сказать. Романтическая встреча, на которую он рассчитывал, превратилась в кошмар без надежды на пробуждение. Ему расставили ловушку, и он в нее попался: он полюбил девушку, которая

существовала на самом деле, но не знала о его существовании.

«Это принц Султан, – сказал он, назвав свою фамилию, и снова замолчал. – Я не знаю, с чего начать».

«Начните с начала», – ответила Шейха. Она думала, что ей звонят с просьбой об интервью или финансовой помощи, или, может, родственник одной из подруг приехал в Кувейт и хочет о чем-то спросить. Шейха всегда была готова помочь.

«Может быть, лучше с конца, – возразил принц Султан. – Я встречался с вашим отцом, намереваясь посвататься к вам, но обнаружил, что меня обвели вокруг пальца». Он говорил спокойно, но в его голосе чувствовалось напряжение, как в медленно пробуждающемся вулкане.

«Отец упоминал, что кто-то хотел посвататься то ли ко мне, то ли к Лулу», – сказала Шейха. Воцарилось неловкое молчание. «Но я уже замужем. То есть буду замужем через месяц».

Снова молчание.

«Лулу соврала мне, – наконец сказал принц. – Я собирался жениться на вас. Несмотря на это безумное условие – встретиться и поговорить с вами только в день свадьбы. Я любил вас – я любил призрака. Она использовала вас. Вы знали? И часто вы это делаете? Неужели у вас нет совести? Я в бешенстве. Я вам не игрушка! Как вы посмели?!»

Принц Султан чувствовал, как его глаза наполняются слезами, как от злости вскипает кровь и бьется жилка на лбу. Он с трудом сдерживал свой гнев, слезы и слова. Давление подскочило, он весь горел. В ожидании ответа он молчал, обхватив голову руками, не пытаясь стереть выступивший на лбу пот. В ухе удобно устроилась гарнитура.

Шейха была смущена тем, что к ней сватается принц из другой страны, когда она уже помолвлена с другим. Как неловко. Еще ей было страшно, потому что в его глухом голосе звучала злость, и она не решалась спросить, что происходит. Она слышала в его словах отчаяние и не понимала, что довело его до такого состояния. У нее были определенные подозрения, но она не решалась высказать их.

«Извините, но я не понимаю, о чем вы», – сказала наконец Шейха. Она не осмеливалась обсудить с ним то, что произошло. Он явно был оскорблен, и ей не хотелось злить его еще сильнее.

«Принцесса, я знаю о вас все – что вы любите, что не любите, где бывали, какие у вас есть животные, знаю ваши надежды, мечты и чувство юмора. Я влюбился в вас, хотя мы ни разу с вами не встречались. Я посватался к вам – и узнал, что вы уже помолвлены с другим». В его сдавленном голосе печальной нотой звенела горечь и разочарование.

Теперь его голос звучал подавленно, обиженно, с едва сдерживаемой яростью. Он не собирался говорить все это, но его сердце разрывалось. Это было нечестно – ты безумно любишь человека, а он даже не подозревает, что один лишь звук его голоса творит с твоим трепещущим сердцем. Наверно, это и называют любовью без взаимности. А хуже всего было то, что она даже не знала о его существовании. Она даже не знала, кто он такой. На свете тысячи аристократов, и никто из них не заслуживает такого обращения. Обидно было оказаться замешанным в таком фиаско, даже в качестве зрителя – вдруг тебя примут за соучастника этого обмана.

Шейха начинала тревожиться. Подготовка к свадьбе шла полным ходом, и ей сейчас вовсе не хотелось попасть в скандальную историю. Она думала, что это сватовство – просто чья-то шутка, потому что всего через месяц ей предстоит выйти замуж. Или – что было бы очень мило – кто-то посватался к ее подруге Лулу, решив, что она – ее сестра. «Принц Султан, боюсь, я не понимаю, о чем вы, – сказала она. – Я прошу прощения, но, пожалуйста, объясните, что я вам сделала и как я могу это исправить. Я глубоко сожалею об этом недоразумении, но я и понятия не имела, что происходит у меня в доме». Она говорила уверенным тоном, но в душе дрожала и надеялась, что сможет доказать свою невиновность. «Я была занята своим дипломом, работой и семьей».

«Я знаю ваш график, куда вы ходите и что делаете, знаю о ваших устремлениях и недостатках, о ваших лошадях, о вашей семье, и все это – ложь». – Он осекся и замолчал, словно погрузившись в раздумья и воспоминания.

«Это все ваша подруга Лулу, – наконец сказал принц. – Она воспользовалась вами как маской, и обманом чуть не заставила меня жениться на ней. Зачем вам такие дуры и мерзавки среди подруг или прислуги?»

Пора было садиться в самолет. Он встал и направился к выходу на посадку. По дороге он рассказал ей обо всем, что через Лулу узнал о ее жизни: ее картины, стихи, путешествия, животные и стиль жизни.

«Почему вы вообще держите при себе дочь торговца верблюдами?» – в конце концов не выдержал он.

«Клянусь, я ничего не знала, – дрожащим голосом объясняла Шейха. – Я люблю своего жениха и счастлива с ним. Я понятия не имела обо всем этом. Лулу порой бывает импульсивной, но мне и в голову не приходило, что она сотворит нечто подобное. Это же полный бред!»

Она замолчала. Принц не слышал тревоги в ее голосе; казалось, что все произошедшее ее ничуть не беспокоит и даже забавляет, но он должен

был высказать свою боль – иначе он просто умрет, утонет в море отчаяния. Его гнев постепенно остывал. Он рассказал ей, что познакомился с «леди Лулу» через настойчивую сваху, которая обещала ему идеальную жену, будущую любовь всей его жизни. Это была общепринятая практика, так что, подумал он, почему бы не попробовать? Он был холост, и мать беспрестанно изводила его уговорами найти себе жену, которую она одобрит. У нее был рак в терминальной стадии, и он пообещал ей, что согласится на первую же подходящую невесту, если таковая появится. Мысль о браке показалась ему более заманчивой, когда он увидел фото Шейхи и больше узнал о ней. Он общался с ней через СМС, электронную почту, чат, получал ее фотоснимки. Он попался в сети и с каждым днем все сильнее запутывался в них. Теперь ему было обидно за потраченное время и растоптанные чувства, за его позор и унижение, еще более тяжкое оттого, что в истории оказалась замешана девушка из знатного рода. Ради нее он, послушавшись зова сердца, улетел с проходившего в США бизнес-форума и пропустил несколько интересных выступлений и множество замечательных возможностей поговорить с потенциальными деловыми партнерами. Он не любил интриги и хотел разобраться, во что ввязался. Он в очередной раз извинился, но ему казалось, что он извиняется перед самим собой. Когда уже придумают лекарство от разбитого сердца?

Шейха не стала объяснять, что тоже чувствует себя жертвой предательства, но не могла не сказать принцу, как ей жаль, что ее использовали как приманку и пешку в жестокой игре. Ей было стыдно за отвратительный поступок подруги. Она признавала, что было бы величайшей несправедливостью допустить такое, зная она об этой затее, но клялась, что не имеет к этому никакого отношения. Она слышала, как Лулу с горящими глазами говорит о женщинах, получающих богатство, титул и дом после развода, но отмахивалась от этих слов как от глупости, даже не стоящей внимания. Сейчас она вспоминала рассуждения Лулу о том, что такие случаи бывают сплошь и рядом и ничего странного в этом нет. Жаль, что она тогда не заметила всей опасности подобных разговоров. Простая девушка, мечтавшая о социальном статусе, разработала стратегический план, ни на секунду не задумавшись, как все может обернуться для окружающих и кто при этом пострадает.

Принц был глубоко задет, разочарован и оскорблен; Шейха слышала это в его голосе, но, проявив больше сострадания, он мог бы принять это за нежность и любовь, а она и так уже вся покраснела от смущения. Она говорила твердо, но вежливо, извинялась и молила Бога, чтобы все закончилось без скандала.

Принц Султан говорил ей, как приятно было узнавать все больше о ее жизни, и едва не обмолвился, что будет скучать без вестей о ней. Он влюбился в призрак, и, как ни странно, не мог избавиться от этого чувства. Его душа и сердце понемногу оттаивали. Этот роман оказался самым коротким и самым приятным из всех в его жизни.

Выключив телефон и застегнув ремень безопасности, принц почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Жаль, что нельзя было закурить, чтобы успокоить нервы. Он нарочно отложил разговор до самых последних минут перед вылетом, потому что не знал, как и что сказать. Пока самолет взлетал, принц с трепетом в сердце вспоминал те прекрасные картины, которые рисовало его чувствительное сердце в его воображении, в то время как он наблюдал за своей любовью в кафе. Он сожалел, что не может снова позвонить Шейхе, потому что уже сказал ей все, что хотел сказать; однако, чтобы окончательно успокоиться, ему нужно было услышать кое-что еще. Разговор, который он начал, чтобы дать выход своему гневу, стал последним штрихом к безупречному образу красивой и независимой женщины, с которой он хотел быть рядом завтра и всю свою жизнь. Еще утром он был так счастлив, а теперь погрузился в глухую бездну печали. Ведь понять, какое сокровище ты потерял, еще не успев его заполучить – это ужасная трагедия.

До звонка принца Султана Шейха витала в облаках. Скоро ей предстояло выйти замуж. Ее приданое уже превосходило даже самые смелые мечты любой девушки – длинный ряд роскошных обитых шелком коробок: голубая от *Tiffany*, красная от *Cartier*, коричневая от *Louis Vuitton*, серебристая от *Chaumet* и бирюзовая от *Graff*, все было доставлено в сумках от *Goyard* и *Hermes*. От радостного волнения и предвкушения она потеряла связь с реальностью. Реальность же напомнила о себе в тот момент, когда принц сказал ей, что Лулу, ее подруга из Саудовской Аравии, жившая в ее доме, использовала фотографии, интересы и даже сообщения голосовой почты Шейхи, чтобы хитростью заставить его жениться на себе. Это стало для открытой сердцем благородной девушки тяжелым ударом.

Шейха чувствовала себя отчасти ответственной за неприятную ситуацию с принцем. Занятая подготовкой к свадьбе, она почти весь год практически не общалась с Лулу. Они больше никуда не ходили вместе, и разговаривали, только когда случайно сталкивались у нее дома. Правда, Лулу, кажется, было все равно. Завалив экзамены в университете, она просто сидела дома, относясь к дворцу, где жила, как к бесплатному роскошному отелю, приходила и уходила когда хотела, не обращая особого внимания ни на Шейху, ни на ее семью. Когда ее, наконец, попросили

уехать, она заплакала, сказав, что в их доме она чувствует больше уюта и любви, чем в Саудовской Аравии, и пообещала взяться за учебу, потому что ей не хотелось возвращаться домой. Шейха понимала, что, будь она внимательнее к Лулу, последней, может, и не пришел бы в голову этот безумный план, а если и пришел бы, то у Шейхи были бы все возможности раскрыть его раньше. Как бы то ни было, настало время разорвать эти отношения.

Шейха, вернувшись домой, сказала Лулу, что той лучше уехать. Лулу расплакалась. Она объясняла, что вовсе не желала зла Шейхе. Ей хотелось только иметь собственный дом и уверенность в завтрашнем дне, и она искренне считала, что принц, в конце концов, полюбит ее такой, какая она есть; такое случалось, или, по крайней мере, *могло* случиться. Ей нужен был только шанс выйти замуж за своего принца. Вот и все. *Только* познакомиться. Цель оправдывает средства, разве нет? В итоге все были бы счастливы! Лулу посчитала, что заслужила право на время позаимствовать характер, лицо, статус своей подруги, ну и все остальное, если это потребуется для ее счастья с супругом из королевской семьи. Чистый макиавеллизм в своем наивысшем проявлении. В конце концов, разве книга Макиавелли не называется «Государь»?

Лулу извинилась перед Шейхой за то, что воспользовалась ею как личиной, но упрямо старалась оправдать свой поступок. В конце концов, говорила она, все были бы довольны. Шейха улыбнулась, представив, как принц Султан будет доволен такой женой, как Лулу. Ей хватило короткого телефонного разговора, чтобы понять: Лулу воплощает собой ровно все то, что не нравится ему в женщинах. «Спорить бесполезно», – подумала Шейха, и, хотя ей было неприятно говорить такое бывшей подруге, твердо заявила, что Лулу здесь больше не рады. Оставалось собрать свои вещи, документы, и сию минуту тихо уехать. Семье необязательно было знать о ее неблагоприятном поступке. У Шейхи была запланирована поездка в Париж, и она готова была оплатить Лулу билет домой, в Саудовскую Аравию. По возвращению из Парижа она не желала больше видеть Лулу в своем доме.

Вечером перед отъездом Шейхи Лулу стояла у нее под дверью и в слезах просила еще раз поговорить с ней. Шейха заперла дверь в свою спальню и накрепко затворила двери своего сердца. Тем вечером она разговаривала со своим женихом и рассказала ему, что Лулу уезжает. Жених был очень рад: Лулу никогда ему не нравилась, к тому же он боялся, что Шейхе будет тяжело расставаться после замужества со своими родными и подругой. Лулу же предала ее, как еще никто не предавал, поставив ее в

ужасно неловкое положение перед другим аристократом и перед всей страной. Шейха не желала ни видеть ее, ни думать о ней. Пока Лулу рыдала и всхлипывала за дверью, Шейха удалила ее из своего *WhatsApp*, Фейсбука, Инстаграмма, Вайбера и Твиттера.

Принцесса улетела в Париж рано утром, когда Лулу еще спала. В аэропорту она снова вспомнила о телефонном разговоре с принцем. Когда самолет взлетел, Шейха впервые расслабилась после его звонка. Наконец-то можно было забыть о своих тревогах.

Шейха прошлась по салонам ее любимых дизайнеров в Париже и Лондоне, выбрав еще несколько вещей из последних коллекций для своего великолепного приданого. Они с женихом собирались после свадьбы надолго уехать в свадебное путешествие, и ей нужно было обновить свой гардероб: замужняя женщина не может одеваться так же, как юная девушка. Разница была очень тонкой, но она знала, что муж заметит ее и одобрит выбор любимой.

По дороге домой, в Кувейт, Шейха размышляла над тем, что же заставило Лулу попытаться обмануть принца Султана. Она не понимала, как отчаянно Лулу стремится выйти замуж за аристократа, какие демоны терзают ее душу: ведь это была настоящая мания. Шейха решила, что Лулу страдает острым комплексом неполноценности, поскольку выросла в строгом и консервативном саудовском обществе, да еще и с клеймом дочери «разрушительницы семей». Потом она попала в общество, где личные качества человека ценятся больше, чем богатство и происхождение. Богатая Шейха стала для нее верной и щедрой подругой, предоставив в ее распоряжение и своих слуг, и дорогие машины с шоферами. Лулу, казалось бы, наконец обрела домашнее тепло, которого ей не хватало в Эр-Рияде. Она часто бывала у Шейхиной бабушки, потому что своих бабушек не знала, и нежилась в лучах материнского тепла, которое дарила ей эта пожилая женщина. Она ходила на свадьбы и дни рождения с Шейхой и ее сестрами, и вместе с ними отмечала все семейные праздники. Ее учили водить машину – в ее родной стране это было запрещено, – а потом записали в автошколу, и она получила водительские права. Ей позволяли брать из гаража любой автомобиль, какой только пожелает ее душа. По выходным она ездила вместе со всеми в дюны. В общем, гостеприимная семья Шейхи обращалась с ней, как с родной дочерью. И, получив возможность жить как аристократка, Лулу, видимо решила: почему бы ей самой на время не стать аристократкой?

Шейха только что закончила университет, и теперь работала в IT-компании, а по вечерам писала магистерскую. Весь ее день был занят

работой, поездками и телефонными разговорами с женихом. Она ложилась спать в 22:30, и у нее совсем не оставалось времени на Лулу. Лулу куда-то ходила со своими новыми подругами, а возвращаясь, рассказывала, как им было весело и интересно. Шейха относилась к ней как к младшей сестре и пыталась уберечь ее от скрытых опасностей, которые могли подстергать юную девушку. Шейха до сих пор не могла поверить, что на ее бескорыстную доброту Лулу ответила таким черным предательством.

Когда шофер Шейхи остановил машину у дверей ее дома, все выглядело как обычно. Шейха вошла в дом, шофер внес ее багаж. Горничные Шерил и Дженерос ждали Шейху, чтобы отнести сумки наверх.

– Распакуйте чемоданы в бывшей комнате Лулу, – велела Шейха. – Я хочу устроить там примерочную.

– Но мэм, Лулу еще здесь, – сказала Дженерос.

– Что?! – не веря своим ушам, переспросила Шейха.

– У нее были проблемы с паспортом и... – объяснила Шерил.

– Ясно. Тогда отнесите все в мою комнату.

Шейха поздоровалась с матерью, коротко рассказала, как съездила, и направилась наверх. Дженерос в ее комнате развешивала одежду в пустом шкафу.

– Где мои вещи? – спросила Шейха.

– Мадам?

– Где вся моя одежда? Куда ты ее подевала?

– Я ничего не делала, мадам. Шкаф был пустой, вот я и повесила туда вещи.

– Но почему он пустой? Кто забрал всю одежду?

– Не знаю, мадам.

Шейха заметила, что с ее туалетного столика тоже многое пропало.

– Кто-то убирался на туалетном столике? – спросила она.

– Кажется, нет, мадам. Мы с Шерил делали уборку как обычно.

– А где мои духи? Моя косметика?

– Мадам, простите, но я не знаю.

– Кто заходил сюда? Кто был в моей комнате?

– Никто, кроме меня и Шерил.

– Тогда куда все делось?...

Шейха не стала дожидаться ответа. Она ворвалась в комнату Лулу. Ее нежелательная гостья лежала на кровати и листала журнал.

– Где мои вещи?

– Что? – спросила Лулу.

Шейха подошла к шкафу и распахнула дверцу. Шкаф был набит

одеждой Лулу. Шейха огляделась вокруг.

– Где мои вещи? – закричала она.

– Что ты на меня орешь? – Лулу раздраженно отложила журнал.

– Лулу, где вещи из моего приданого? И мои духи? Моя косметика? И Бог знает что еще?

– Откуда мне знать? Я тебе не горничная, – отрезала Лулу. – Из моих вещей тоже кое-что пропало. Я думала, ты сказала горничным упаковать их перед моим отъездом.

– Ты с ума сошла? – закричала Шейха, выбежала за дверь и бросилась вниз по лестнице. – Мама, где мои вещи?!

– Что ты так кричишь, дорогая? – спросила мать.

– Мама, мой шкаф пустой, мои сумки пропали, мои платья и туфли тоже!

– Бред какой-то...

– Конечно, бред! Полный бред. Но это так. Исчезло все, и мелочи, и дорогие вещи.

– Не может быть, – возразила мать.

– Подожди-ка. А где мой младший брат?

– Халид с друзьями уехал в торговый центр.

– Ну и шуточки у него. Это он сделал. Жаль, что пропустил все веселье.

– Вряд ли это он...

Шейха перебила мать:

– Это точно он. Больше никому. Слава Богу. Ну и перепугалась я. Конечно, это он все спрятал.

– Не думаю, что он мог устроить такое, – возразила мать Шейхи.

– Можешь не верить, но это он. Вещи сами по себе из шкафа не исчезают. Позови меня, как только он вернется.

Шейха поднялась к себе в комнату. Дженерос как раз заканчивала разбирать покупки.

– Это Халид забрал мои вещи? – спросила Шейха.

– Я ничего не видела, мадам. Я бы сказала вам, мадам. Я же вижу, что вы расстроены.

– Конечно, Дженерос. Спасибо. Пожалуйста, скажи Шерил, пусть принесет мне стакан газированной воды.

Шейха села на стул перед пустым туалетным столиком и взглянула на себя в зеркало. Ей хотелось разрыдаться. Как ее брат мог так поступить?! Конечно же, он еще подросток, но нельзя же так пугать человека прямо перед свадьбой! Он слишком много смотрит эти дурацкие передачи, где

смеются над чужими несчастьями. Странно, что он еще не снял ее реакцию на видео и не выложил на *YouTube*.

И тут ее осенило.

Это был не Халид. Он бы точно дождался ее и заснял ее реакцию. Она оглядела комнату, и ее передернуло. Здесь кто-то был. Вор.

Что еще он забрал?

Она открыла ящик стола. Пусто. Даже расческа и фен пропали.

Шейхе стало дурно. Кто стал бы красть ее личные вещи? Только тот, кто мечтает испортить ей жизнь и свадьбу, или собирается продать все за кругленькую сумму. Почему остальные ценные и явно дорогие вещи никуда не делись, почему ограбили только ее – невесту?

Она тут же позвонила в полицию.

– Я хочу заявить об ограблении, – сказала она. Когда она назвала свое имя, на виллу сразу же отправили полицейского.

– Это еще что такое? – спросил отец Шейхи, увидев полицейскую машину.

– Папа, все мои вещи пропали, – объяснила Шейха. – Все мое приданое. Все, кроме того, что я купила во время последней поездки.

Отец сидел рядом, пока полицейский задавал Шейхе вопросы. Когда она начала подробно перечислять, что именно было украдено, офицер перебил ее.

– Может, вы пришлете полный список по электронной почте? – сказал он, вручая ей визитку. – Эти вещи точно пропали, их нет в доме?

– Нет. Сначала я подумала, что это брат решил меня разыграть, но это не он.

– А у прислуги вы спрашивали?

– Это ничего не даст, – ответил отец Шейхи.

– Наши горничные работали у нас еще до рождения Шейхи. Уверяю вас, они даже кусок хлеба не возьмут без спросу.

– Я спрашивала у них, – сказала Шейха. – Они тут ни при чем.

– У нас в доме гостит одна девушка, – заметил отец, – подруга Шейхи, Лулу. Ее исключили из университета. Мы недавно попросили ее уехать из нашего дома. Может, она так решила отомстить дочери?

– Я и у Лулу спрашивала, – перебила его Шейха.

– И обыскала ее комнату. Это не она. Там ничего нет. И вообще, кто будет кусать руку, которая его кормит?

– Ясно – сказал полицейский и повернулся к Шейхиному отцу.

– Сэр, я бы хотел допросить эту Лулу в участке. Она хорошо знала ваш дом, вещи вашей дочери, знала, когда она уезжает и когда вернется.

Возможно, она что-то скрывает, а в полиции может испугаться и расколоться.

Отец Шейхи согласился. Он позвал Шерил и попросил ее сказать Лулу, чтобы та оделась и спустилась вниз. Шейха извинилась и ушла в гостиную, где сидела с книгой ее мать. Сейчас ей не хотелось видеть Лулу. Она была в смятении и в глубине души не желала верить, что подруга, прожившая у нее два года, способна на такой поступок, как ограбление.

Но полицейский был прав. Скорее всего, это был кто-то из домочадцев. Шерил и Дженерос, горничных, прислуживавших Шейхе и Лулу, тоже допросили. Они явно были невиновны, но даже мельчайшие крупинки информации могли прояснить картину и помочь разгадать загадку. Халид тоже был не при чем. Похоже, это действительно сделала Лулу, но Шейха уже ни в чем не была уверена.

Лулу уехала с полицейским, и провела ночь в полицейском участке. Она вернулась на завтра около полудня и взволнованно, с горящими глазами рассказывала, как уважительно с ней обращались в полиции. За обедом она сказала Шейхе и Халиду, что полицейские раз за разом задавали одни и те же вопросы, но без толку. Каждый раз, когда расспросы становились слишком настойчивыми, она сурово требовала быть с ней повежливее, утверждая, что ее отец – советник и близкий друг короля Саудовской Аравии. Полицейские были поражены ее уверенностью в себе и допрашивали ее очень осторожно. Наконец ее отпустили. Лулу чувствовала себя гладиатором, одержавшим победу над противником. Она вернулась во дворец и плотно пообедала. Никакие тревоги не смогли нарушить ее аппетита.

Когда невиновность Лулу была установлена, Шейха начала беспокоиться, что в их дом пробрался профессиональный грабитель. Боясь, что его следующей целью могут стать ее драгоценности, она решила перевезти их в банк. Открыв домашний сейф и переложив все в специальную шкатулку, Шейха вдруг подумала, что стоит почистить украшения, прежде чем везти их в банк, чтобы они были готовы к ее свадьбе. Когда она складывала в шкатулку последние драгоценности, в комнату вошла Лулу.

– Тебя отец зовет, – сказала она. – Снова приехал полицейский, он хочет еще раз тебя допросить, – глаза Лулу победно сверкали...

– Хорошо. Спасибо, – ответила Шейха, выходя из комнаты.

Лулу задержалась в дверях, но Шейха не обернулась. «Сейчас спущусь», – сказала она.

Шейха думала убрать все обратно в сейф, но не хотела задерживать

офицера. Она завернула шкатулку с драгоценностями в бумажный пакет и сунула его на полку шкафа.

Полицейский зашел узнать, не вспомнили ли Шейха или ее отец, кто еще мог оказаться в их доме.

Дженерос принесла чай и финики для полицейского, Шейхи и ее отца.

– Итак, что вы думаете? – спросил отец.

– Трудно сказать, – ответил полицейский, прихлебывая чай. – В отсутствие свидетелей и видеонаблюдения я не могу исключить, что тут поработал профессионал. Мы уже не раз с этим сталкивались; бывает, что профессиональные воры грабят знатные дома, но обычно для этого нужны сообщники – горничная, друг или даже член семьи.

– Такое случается со времен средневековья, – задумчиво заметил отец Шейхи.

– Да, но у нынешних воров есть телеобъективы и очки ночного видения, они знают, когда вы приходите и уходите, наблюдают за подъезжающими к дому машинами и могут отслеживать ваше местонахождение через социальные сети – Инстаграм, Фейсбук, Вайбер, *WhatsApp*.

Отец Шейхи настороженно взглянул на дочь.

– Я так понимаю, вы вывешивали в соцсетях информацию о том, куда и когда уезжаете.

Шейха грустно кивнула.

– Они знали, что вас нет дома. – утвердительно сказал он. – Вы представить себе не можете, с чем мы сталкиваемся порой в нашей работе. Иногда воры устанавливают в доме «жучки» или даже скрытые камеры, чтобы отслеживать перемещения домочадцев.

Представив где-то рядом со своей комнатой скрытую камеру, Шейха вздрогнула.

– Как они попадают внутрь, чтобы установить эти устройства? – спросил отец.

– Иногда у них есть подельники, имеющие доступ в дом – электрики, сантехники, даже телемастера. И тому подобное. Нередко они договариваются с теми, кто постоянно работает в доме.

– Я же говорил вам, наша прислуга у нас уже много лет, – нетерпеливо возразил отец Шейхи. – А если бы они и украли что-то, то явно не одежду, которая им не подходит. И уж точно они не стали бы красть свадебное платье своей хозяйки и после этого оставаться в доме, ожидая, пока их поймут.

– Понятно, – кивнул офицер полиции. – Но все-таки не стоит

недооценивать силу человеческой жадности.

– Я бы доверил им свою жизнь, – сказал отец Шейхи, повышая голос. – Я даже отказался от услуг сиделок, и мои горничные исправно подают мне лекарства от сердца и давления.

– Конечно, – мягко согласился полицейский. – Я не хотел оскорблять вашу прислугу. Итак, если это профессиональные воры, не исключено, что они попытаются ограбить еще какой-нибудь дворец. Они не остановятся, если на этот раз все сойдет им с рук. Вот тогда-то, с Божьей помощью, мы поймаем их и вернем вам украденные вещи.

– Дай Бог, – сказала Шейха.

Полицейский задал еще несколько вопросов, допил чай и уехал. Шейха поспешила наверх, схватила коробку с украшениями и быстро ринулась вниз, чтобы завезти их в ювелирную мастерскую, пока та не закрылась. Из соображений безопасности шофер проводил девушку к ювелиру. И только там, открыв шкатулку, Шейха с ужасом обнаружила, что она пуста. В отчаянии принцесса сразу же позвонила Лулу, но та не взяла трубку. Шофер отвез Шейху обратно в ее дом. По дороге она снова и снова набирала номер Лулу – бесполезно. Когда они вернулись домой, Лулу уже и след простыл...

Шейхе все еще трудно было поверить, что именно Лулу могла сотворить такое в ее жизни. Но теперь ее вина казалась очевидной, и у Шейхи не осталось выбора, кроме как снова позвонить в полицию. В ожидании приезда полицейского она неожиданно получила СМС от Лулу: *Я люблю тебя, милая Шейха. Ты – мой самый близкий и родной человек. Мне обидно, что ты подумала, будто я могу укусить руку, которая меня кормит. Ты подарила мне кров, когда я оказалась одна в чужой стране. Как бы я могла причинить тебе вред?*

Шейха до сих пор не хотела верить, что ее бывшая подруга могла натворить столько бед, да еще и писать такие СМС! Она ответила Лулу очень сдержанно: *Пожалуйста, верни мои вещи, и мы обойдемся без скандала.*

Лулу ничего не ответила.

– У вас есть доказательства, что именно она забрала ваши украшения? – спросил приехавший по вызову полицейский.

– Лулу видела, как я достала их из сейфа и сложила в шкатулку, а теперь они исчезли вместе с ней. Наверное, она заходила в мою комнату, когда мы с вами сидели здесь и разговаривали.

– У вас есть ее фотография?

Шейха отправила фото Лулу на телефон полицейского.

– Мы найдем ее, – заверил капитан. – Вы не знаете, куда она могла уехать?

– Понятия не имею.

– Если получите о ней какие-то вести или вспомните что-то новое, дайте нам знать, – последнее, что сказал сотрудник полиции и уехал.

Пару дней спустя Шейхе позвонил секретарь, работавший на ее семью. Лулу когда-то оставляла у него паспорт для продления визы, и теперь имела наглость позвонить и узнать, готовы ли документы. Секретарь ответил, что еще не готовы, и, зная о краже, сразу же оповестил Шейху о звонке.

– Не возвращайте ей паспорт, отдайте его полицейским, тогда она точно попадет в руки правосудия, – велела секретарю принцесса.

Еще через пару дней Шейхе пришло поразительно наглое сообщение от Лулу: *Милочка, проблема в том, что у тебя нет доказательств. Если я не получу свой паспорт, то позвоню отцу и попрошу принять меры.*

Пришлось окончательно признать: стеснительная девочка из Саудовской Аравии превратилась в жестокого монстра. Шейха уведомила полицию о полученном сообщении и о том, что паспорт Лулу в руках Шейхиной семьи. Тогда у капитана появился хороший план. Он предложил заманить Лулу в офис секретаря, сказав ей, что виза продлена. А там ее уже будет поджидать полиция.

План сработал идеально. Лулу пришла забирать долгожданные документы и ее арестовали. На этот раз с ней обращались уже не так вежливо и терпеливо, как прежде. Подозреваемую заперли в одной камере с преступниками, но, на удивление, это на нее никак не подействовало. На тот момент она сама была как дикая кошка и готова была защищать себя как словами, так и кулаками. Комнату, где она жила, обыскали, но Шейхиных вещей не нашли. Доказательств не было, и полиции пришлось отпустить ее.

До свадьбы оставалось всего двадцать дней. У Шейхи не было ни одежды, ни свадебного платья, ни украшений и аксессуаров, туфель и даже белья. Ее телефоны, планшеты и кредитные карты тоже пропали вместе с личными вещами – зубной щеткой, пастой и банными шлепанцами. Обычный грабитель забрал бы только деньги и драгоценности, но этот же украл даже расчески, шампуни, глазные капли, контактные линзы и темные очки.

Каждый день Шейха обнаруживала новую пропажу и сообщала о ней в полицию. Одно из таких сообщений помогло в итоге раскрыть дело. Шейха однажды вспомнила, что у нее был телефон *Vertu*, которым она ни разу так

и не пользовалась. Решив проверить, на месте ли он, она достала нужную коробку из шкафа. Та казалась слишком легкой и, открыв ее, Шейха увидела, что телефона нет. Некоторое время она тупо смотрела на пустую коробку, а потом смутно припомнила, что, кажется, сохраняла номер на этот мобильник в своем телефоне. Найдя его, она обрадовалась и тут же позвонила в полицию, сообщив его капитану: это уж точно должно помочь выследить преступника.

Полиция, как и предполагалось, выяснила, что с украденного телефона звонили на три номера: на два в Кувейте, один в Йемене. По номерам нашли двоих египтян: один работал в «Зейн Телекомьюникейшенз», другой в местной автошколе и у йеменца, сотрудника йеменской компании, занимавшейся грузоперевозками. Египтян тут же доставили в полицию. Одного сразу отпустили, поскольку он, судя по всему, всего лишь передал украденный телефон своему брату, инструктору по вождению. Инструктор же заявил, что ничего не сделал: только получил от одной девушки чемодан. Испугавшись такого «подарка», он передал его полицейским. Полицейские предложили ему сделку: с ним обойдутся максимально мягко, если он расскажет все, что знает и поможет как можно быстрее раскрыть данное дело. Египтянин сначала попытался притвориться легковерным дурачком: якобы его обманом заставили взять себе часть вещей в качестве платы за то, что он помог незнакомой девушке переправить несколько чемоданов к знакомым в Йемен. По словам египтянина, йеменец должен был хранить вещи до получения дальнейших указаний. Наконец под давлением сотрудников правоохранительных органов инструктор раскололся, выдал имя девушки и указал на нее из-за стекла, когда ее привезли в участок.

Это была Лулу.

Египтянин советовал Лулу отправить вещи в Египет, но дочь торговца скотом решила, что это слишком дорого: ведь Египет предоставлял таможенные льготы только на ввоз крупных партий товаров. Она не хотела платить налоги и опасалась быть раскрытой, поэтому решила послать чемоданы своему знакомому в Йемене, который, в свою очередь, должен был переправить украденное в Эр-Рияд, где Лулу собиралась продать вещи в салоне своей матери. Тогда их уже невозможно было бы отследить. Лулу могла уехать из Шейхиного дома, пройти досмотр в аэропорту в Кувейте и в Саудовской Аравии, и никто не обнаружил бы никаких доказательств! Ведь говорят же, что человек считается невиновным, пока его вина не доказана? Лулу думала, что, оставив египтянину номер телефона, найденного среди вещей Шейхи, она будет в полной безопасности. Но на

этот раз она просчиталась.

Полиция связалась с йеменцем, и тот немедленно вернул вещи, боясь, что его арестуют. Каждый поделник выбрал себе по чемодану и взял оттуда все, что хотел. В доме Шейхи, по случаю радостного завершения дела, устроили праздник, но, когда прибыли украденные вещи, веселье быстро закончилось... В первом чемодане лежало свадебное платье невесты – вернее, то, что от него осталось. Оно было истрепано, порвано, в нескольких местах прожжено, на ткани остались следы грязных подошв. От тонкой шелковой вышивки почти ничего не осталось. Платье было безнадежно испорчено. А какая свадьба без свадебного платья?!

В течение следующих двух недель полиция один за другим привозила Шейхе осколки ее разбитой жизни. Свадьбу пришлось отменить, половина украшений уже была продана в Саудовской Аравии, Йемене и Объединенных Арабских Эмиратах, и найти их не представлялось возможным.

Каждый день Лулу отправляла Шейхе извинения, но дружба – как драгоценная фарфоровая чашка: если ее разбить, осколки можно склеить, но трещина останется навсегда.

Полиция пригрозила отправить Лулу в тюрьму строгого режима, если она не вернет часы *Piaget* стоимостью \$150 000. Естественно, она выдала полицейским нового владельца часов, который заплатил за них на черном рынке всего \$2000. Лулу продала эти часы еще до того, как Шейха узнала, что у дружбы ограниченный срок годности, а огонь зависти способен расплавить даже самое стойкое железо.

Родители Лулу приехали к Шейхе во дворец и умоляли ее простить их дочь. Они обещали вернуть все украденные вещи или возместить ущерб. Родные же Шейхи, щедрые и великодушные, попросили полицию отпустить Лулу, и та с родителями вернулась в Саудовскую Аравию. Больше о них не было ни слуху ни духу в жизни искренней принцессы.

Лулу в итоге обучилась искусству макияжа. Ее мастерство поражало посетительниц салона, а с появлением Инстаграмма она стала настоящей его звездой. Добившись определенной славы, она велела сотрудницам-марокканкам называть ее Султана Лулу: тогда как раз вышла знаменитая турецкая мыльная опера *Hareem Al Sultan* – «Женщины султана». Боясь, что ее заставят вернуть долги прошлого, на этот раз она пошла к другой свахе и в обмен на бесплатное обслуживание в салоне попросила подыскать ей нового жениха. Сваха нашла ей старика: он был небогат, но его двоюродная сестра была замужем за влиятельным судьей, который, как они надеялись, мог защитить Лулу от судебного преследования. Через несколько недель

Лулу вышла замуж. Супруг заплатил за невесту всего 100 000 саудовских риалов. Сваха же была в бешенстве: ни Лулу, ни ее новоиспеченный муж и не подумали оплатить ее услуги.

Лулу все надеялась, что все ее невзгоды позади, но не тут-то было. Адвокат семьи Шейхи связался с ее супругом и потребовал выплатить долг. Когда муж спросил Лулу, в чем дело и откуда долг, она стала все отрицать. Теперь негодованием кипел ее муж, ведь из объяснений жены он понял, что ее, бедную, просто оклеветали. Так он и ответил адвокату. Лучше бы Лулу сказала супругу правду; когда ее подельники во всем признались, ей было приказано возместить причиненный ущерб.

Разразился жуткий скандал, тем более что ее новый муж был связан с судебной системой и должен был защищать правду и справедливость, а вместо этого спутался с обычной воровкой. Она опозорила всю страну перед лицом чужой королевской семьи, от которой она видела только любовь, уют и добро.

Лулу до сих пор выплачивает деньги на счет своей бывшей подруги «леди Лулу».

Не покину тебя никогда

Многие думают, что когда расстаешься с неудачным женихом, весь прожитый с ним кошмар мгновенно заканчивается. Увы, так бывает не всегда. Мой худший кошмар начался, когда я рассталась со своим парнем, которого знала со школьной скамьи.

Я изучала мультимедиа-технологии в Американском университете в Дубае и была помолвлена с врачом, который заканчивал ординатуру в местной больнице. Он много работал и собирался продолжить образование за рубежом. Как-то мы обсуждали наше будущее, и он дал мне понять, что не хочет детей, потому что они будут отвлекать его от работы. Мой избранник собирался учиться и работать в США, Германии или другой стране, а меня оставить в Эмиратах и приезжать лишь когда будет возможность, в зависимости от нагрузки. Мы вежливо, по-дружески расстались: ведь я понимала, что работа для него всегда будет важнее семьи, а мне будет психологически тяжело пережить долгую разлуку с любимым.

Во время праздника Ида мне позвонил мой старый друг и давняя любовь, школьный сердцеед Хамдан, который учился в Бостоне, в штате Массачусетс.

– С Идом тебя, Савсан, – сказал он. – Слышал, ты заканчиваешь университет и рассталась с женихом.

После секундного молчания мы оба рассмеялись. Я соскучилась по старому другу и была рада поговорить с ним.

– Рад, что вы расстались, – продолжил он. – Я хотел бы тебе кое в чем признаться: дело в том, что я всегда любил тебя и хотел в свое время посвататься к тебе, но я не успел закончить учебу, как ты уже была помолвлена. Я отчаялся было вернуть тебя, но тут узнал, что помолвка расстроилась. Так вот, чтобы снова не опоздать, я хочу сделать тебе предложение прямо сейчас. Ты выйдешь за меня замуж, Савсан?

Все случилось так быстро, что на секунду я даже подумала, что это шутка, но по его молчанию поняла, что он говорит серьезно. Кажется, он ожидал, что я подумаю и сразу же отвечу, но я была ошеломлена и не знала, что сказать.

Он позвонил мне рано утром, и все это было слишком похоже на подарок судьбы, чтобы быть правдой. Предложение было совершенно неожиданным, а я тогда лежала в больнице после серьезной аварии,

мой разум был затуманен лекарствами, и я не могла трезво оценить, что происходит. Ко мне сватался самый классный, веселый и статный парень на свете. Я утратила дар речи. Все тщательно отрепетированные перед зеркалом ответы на этот чудесный вопрос разом вылетели у меня из головы. Никаких церемоний, да и к чему они? Ничего не соображая, я машинально сказала «да». Я даже не подумала спросить разрешения у родителей. Голова у меня шла кругом.

В первые дни нашей помолвки он говорил мне, что всегда знал: мне суждено стать его женой, матерью его детей, подругой жизни. Эти чудесные мгновения, нежное чувство, расцветавшее в двух юных сердцах – все это дарило мне райское блаженство. Я витала в облаках и была на седьмом небе от счастья каждый раз, когда он звонил или посылал мне СМС, покупал цветы, конфеты и подарки.

В один из дней Хамдан пришел к моему отцу и попросил моей руки. Родители слегка удивились этой неожиданной новости, тем более что я только что разорвала предыдущую помолвку, но были рады за меня. Ведь они знали, что я без ума от Хамдана. Мои сестры и подруги также были в восторге, мы сразу же принялись обсуждать подготовку к свадьбе. Мы с женихом договорились пожениться через год после помолвки, когда оба закончим университет. Между собой мы называли это событие «выпускной», он же «свадебный бал». Никогда еще я не была так счастлива.

Проблемы начались уже в первую неделю нашей помолвки. Хамдан стал постоянно мне звонить. Сначала его привязанность казалась мне очень милой. Я же именно этого и хотела, правда? В своей неопытности я думала, что его чрезмерное внимание говорит о большой, трепетной и искренней любви ко мне. По вечерам он никак не мог положить трубку первым и робко спрашивал, можно ли ему остаться на линии после того как я усну. Ему хотелось слушать, как я дышу во сне. Он говорил, что ему не терпится оказаться рядом со мной, в одной постели. Он хотел, чтобы я говорила с ним день и ночь, по четырнадцать часов в сутки, не отвечая ни на какие другие звонки.

Через неделю очарование новизны прошло; его просьбы и настойчивость стали мне надоедать. Он хотел быть на связи со мной круглые сутки, даже когда я была на занятиях, разговаривала с друзьями или делала домашнее задание. Его привязанность превратилась в навязчивость, в манию. Мне не нравилось, как изменился мой жених. Из веселого и беззаботного кавалера, который привлекал внимание девушек своей улыбкой, обаянием и галантностью, он превратился в надоедливого

зануду.

Хамдан постепенно начал злиться из-за всякой ерунды, и его вспышки гнева на некоторое время отдаляли нас друг от друга. Он сердился, даже когда у меня просто разряжался телефон, и мы по нескольку часов не могли созвониться. Приходя домой, я часто видела, как родители сидят в гостиной и тихо беседуют о том, как Хамдан звонил им сразу же после разговора со мной. Их это смешило, а меня раздражало.

Его нелепое поведение уже выходило из-под контроля. Он не только выводил меня из себя, но и заставлял сомневаться, действительно ли я хочу быть с ним. Требования Хамдана уже разрушали наши отношения, а ведь семейная лодка еще даже не пустилась в плавание. Мне стало казаться, что я его совершенно не знаю. Все-таки дружба – это одно, а любовь и брак – совсем другое. Когда меняются отношения, меняются и запросы. Деловой партнер или друг не станет предъявлять столько требований, но если человек становится возлюбленным или супругом, он может захотеть контролировать каждый твой шаг. Его запросы нередко начинают выходить за рамки здравого смысла и убивают отношения в зародыше. Именно это теперь со мной и происходило.

Навязчивость Хамдана утомляла меня, и, естественно, я пыталась обсуждать с ним его гиперопеку. Тогда его раздражительность и злоба проявлялись с еще более пугающей остротой. Я никогда не встречала ничего подобного в людях. Итогом таких выяснений становилось то, что сильный мужчина начинал требовать от меня полного подчинения, не понимая, зачем мне нужно личное пространство, а потом резко снижал и извинялся. Он был в тысячах миль от меня, но даже слушать его было страшно.

Он вел себя так, будто я живу в зоне боевых действий, и он должен всегда быть рядом, чтобы защищать от всего и следить, что я ем, где сплю, как общаюсь с подходящими ко мне людьми и, главное, знать, что при любых обстоятельствах я избегаю мужчин. Подозрительность оказалась еще одной чертой его тяжелого характера, которую я раньше не замечала. Это меня оскорбляло, потому что я хранила ему верность, несмотря на все обиды и сомнения. В конце концов состоялась помолвка. Когда я ходила куда-то с подругами, Хамдан называл это феминизмом. Я же называла независимостью. Он называл эти прогулки «охотой на мужчин». Я называла их «гулять с подругами». Он считал, что если со мной рядом какая-либо женщина, за исключением моей или его матери, то меня, конечно же, стараются заманить в ловушку, чтобы заставить познакомиться с кем-то, изменить ему или толкают на общение с теми, кого он не

одобряет. Мы начали ссориться. Я говорила будущему мужу: «Похоже, в наших отношениях больше нет доверия». Он извинялся и в конце концов звонил моим родителям, плакал и умолял их, чтобы они уговорили меня простить его.

Уже все устали от его причуд. После ссор с Хамданом я плакала и просила его разорвать нашу помолвку, понимая, что после свадьбы мне будет еще тяжелее выносить его странное поведение. Это уже и сейчас было невозможно и невыносимо больно. Гнев, настойчивость и навязчивое стремление знать о каждом моем шаге, вплоть до того, что это я так долго делала в ванной, показывали его полное недоверие ко мне. Его сомнения и предположения были абсурдны. Если я хотела поговорить с подругой наедине, он придумывал безумную теорию заговора: будто мы замысливаем какую-то гадость или измену.

Сказочный принц превратился в буйного сумасшедшего, и я заметно нервничала. А ведь раньше я была такой сдержанной, мягкой и спокойной. В итоге я покончила со всем этим «цирком» одной СМС-кой: *У нас ничего не получится. Я решила расстаться с тобой ради нас обоих, потому что мне не нравятся наши отношения. Пожалуйста, не звони больше мне и моим родным.*

И вот тут-то и началось настоящее светопреставление. Моя жизнь окончательно превратилась в кошмар. Сначала кто-то – не Хамдан – начал звонить мне с оскорблениями. Этот незнакомец посылал мне сообщения, угрожая, что, если я не вернусь к Хамдану, он выложит мои отредактированные фотографии на порносайты, популярные в арабском мире. Меня напугали его слова и я стала звонить Хамдану, попросила прекратить эти угрозы. Он сделал вид, что не понимает, о чем речь. Единственное, что он мне ответил: «Пусть тебя защищает тот, к кому ты ушла. Я тут ни при чем, помнишь?»

А страшные угрозы продолжились. Незнакомец начал слать мне через *WhatsApp* мои переделанные фотоснимки. Он брал фото с сайта школы, вырезал лицо и «приклеивал» его к чужому стройному – или полному – телу. Каждый час приходила новая картинка. Первые выглядели вообще неестественно, но постепенно одежды на фигурах становилось все меньше, а различия в цвете кожи и типе фигуры – все незаметнее. С каждым разом изображения казались все реалистичнее. Ужас происходящего был подобен дрожи проснувшегося вулкана, в любую минуту грозящего извержением. На меня сыпались угрозы одна за одной, я плакала и пыталась придумать способ предотвратить эту беду. Такие вещи могли погубить меня. Пострадала бы не только моя собственная репутация, но и честь семьи.

Я связалась с семьей Хамдана, но все его номера, которые они мне дали, были отключены. Его сестры не знали, где он, хотя втайне сочувствовали мне. Им было стыдно, что их брат оказался таким подлецом. Он мудро избегал любых мест, где мы могли бы найти его и убедить исправить ситуацию. Он хотел преподать мне урок, показав, как я уязвима без него, унижить и погубить меня. Он не мог быть со мной, но и не мог упустить шанса съязвить «я же тебе говорил», оставив меня наедине с моей бедой.

Шантажист же теперь назначал мне встречу в отеле, веля принести деньги. Много денег. Или любые ценности: часы, украшения, что угодно. Жених не хотел защищать меня, так что я была легкой добычей для незнакомого хищника. Выбор у меня был невелик: согласиться, зная, что, скорее всего, он нарушит свое слово да еще и запишет все происходящее на камеру, чтобы и дальше шантажировать меня, или же продолжать игнорировать его на свой страх и риск. Разве у воров есть совесть? Подлец предупредил, чтобы я не отказывалась от встречи, и послал несколько фотографий девушек, которые не восприняли всерьез его угрозы. Взглянув на их лица и имена, я узнала некоторых из его жертв; по спине у меня пробежали мурашки. Это были девушки из уважаемых семей, чьи подделанные фото оказались опубликованы в сети, и их репутация теперь безнадежно запятнана.

Я не могла ни есть, ни спать. Я умоляла его прекратить. Я обещала заплатить ему, но шантажист хотел получить больше компромата, чтобы погубить меня, и открыто говорил об этом. Он посылал мне на телефон видеозаписи, чтобы я послушала, как его друзья на заднем плане смеются и отпускают шуточки вроде «когда же этот ягненок придет к волкам?» или «уж мы-то о тебе позаботимся». Я попала в лапы зверей, которые не знали жалости. Едва ли я могла говорить с этой сволочью – у меня перехватывало горло, и мое запинаящееся бормотание еще сильнее раздражало его. Поначалу он истерически смеялся, но потом начал бросать трубку, приказывая мне заткнуться и перезвонить, когда я смогу говорить внятно.

Я сходила в банк и сняла деньги со своих счетов, чтобы отдать их вымогателю – все до последнего риала. Я продала свои драгоценности местному ювелиру. Он удивился, когда я принесла свои украшения на продажу, и предложил хранить их у себя, пока сложившаяся ситуация, что бы там со мной ни происходило, не разрешится. Участливость старого знакомого тронула меня. Я с отвращением вспоминала слова Хамдана: «Мужчины оказывают тебе услугу, только если надеются затащить тебя в постель». Я старалась не думать об этом горе-женихе. Каждый раз,

отрекаясь от Дьявола, я отрекалась и от Хамдана. Тогда даже Дьявол казался мне разумнее, чем мой бывший жених со своим извращенным умом.

Во мне теплилась надежда, что продажа драгоценностей позволит мне собрать более внушительную сумму, чтобы откупиться. Случайно у ювелира я увидела рекламу «Аль-Амина» – бесплатной анонимной службы для жертв шантажа. Эта организация была создана в Дубае для помощи тем, кто не может рассказать о своей беде родным, боясь подставить их под удар. В рекламе говорилось, что «Аль-Амин» оказывает помощь женщинам, у которых беспринципные злодеи вымогают деньги, угрожая ославить или опозорить женщин. Мои молитвы не остались без ответа! Простое объявление зажгло в моем сердце огонек надежды.

И все-таки мне было страшно звонить туда. Тяжело признаться кому-то, что ты оказалась в щекотливом положении. Все таки я позвонила туда и в разговоре с частным сыщиком я подробно объяснила ситуацию и стала умолять его о помощи. Детектив настоял на личной встрече.

«А без этого никак? – спросила я. – Может, я просто перешлю вам его сообщения?»

«Извините, – ответил сыщик. – Мы должны поговорить с вами, чтобы установить обоснованность ваших обвинений. Вы удивитесь, узнав, как часто люди заявляют о преследовании и угрозах, только чтобы вызвать сочувствие или досадить кому-то третьему».

Мне было трудно представить, что кто-то добровольно способен решится пройти через тот кошмар, который мне так отчаянно хотелось прекратить.

«Не стоит недооценивать потребность человека во внимании, – сказал детектив. – Иначе индустрии развлечений не существовало бы. Ха-ха-ха».

На следующий день я встретила с сыщиком. Он хотел взглянуть на угрозы, и я показала ему сообщения и дала прослушать видео с воющими волками. Но когда он пожелал увидеть переделанные фотографии, я ему отказала. Мой шантажист заверил меня, что просмотрит миллионы порнороликов, найдет в них женщину, похожую на меня, и выложит видео на *YouTube*, подписав его моим именем. Даже если он не вставит в ролик мое лицо, моего имени рядом с девушкой, похожей на меня, будет достаточно, чтобы запятнать мою репутацию. А репутация – самое ценное, что есть у девушки. Поэтому ее так берегут и девушки так тщательно скрывают свое тело: чтобы защитить собственную честь и честь семьи.

– У вас в штате есть женщины-сыщики? – спросила я.

– Да, – ответил он. – А что?

– Давайте я лучше я покажу фотографии ей.

– Понимаю, – сказал детектив.

Но все равно я удалила фотоснимки, которые хотя бы отдаленно напоминали меня. Это могло помешать расследованию, но я слишком стеснялась показывать их кому бы то ни было; даже тому, кто хочет мне помочь. Я вздрогнула, представив, что будет, если эти снимки когда-нибудь попадут в Интернет. Что если сыщик зачем-то сохранит у себя копии этих изображений, а кто-то из его семьи случайно на них наткнется у него в телефоне?

Мое поведение, точность и непротиворечивость моих ответов и вес представленных доказательств убедили сыщиков в серьезности положения, они согласились помочь и предложили сказать вымогателю, что я согласна на его требования.

Мой отец не был в курсе всех подробностей происходящего; он знал только, что мне угрожали, а Хамдан исчез. Но мать и старшая сестра знали об истории с фотографиями и боялись за мою безопасность и душевное здоровье. Я сообщила матери о том, что мне сказали в «Аль-Амине», и в назначенный день она ожидала меня в машине неподалеку, рядом с дубайским отелем «Мираж», где вымогатель назначил встречу. Я, как и обещала, взяла с собой чемодан с деньгами. Преступник же не знал, что по всему отелю смеются, болтают и занимаются самыми обычными делами полицейские в штатском. Они должны были следить за нами, чтобы приступить к делу тут же, как только он получит деньги, арестовать его, а также, по возможности, арестовать его сообщников.

Все же, опасаясь ловушки, вымогатель велел мне ехать за ним в другое место. Он был хитер, но я хорошо выучила «домашнее задание». И все же меня загнали в угол, было по-настоящему страшно. Мои пальцы от волнения постоянно что-то теребили. Я сообщала полиции о происходящем через «жучок», который они спрятали у меня в ухе. Когда я спросила, зачем он мне, мне как ни в чем не бывало ответили, что, возможно, мне придется оставить свою сумку или машину, или даже снять одежду. Это практическое замечание привело меня в ужас.

Полиция незаметно ехала следом за мной, а я – за человеком, который так долго надо мной издевался. Я вела свой синий Бентли за его черным Рендж-Ровером, а детективы следовали на расстоянии, чтобы оставаться незамеченными. Я радовалась при мысли, что охотник попадет в им же расставленную ловушку. Мне не терпелось довести дело до конца. Скоро это безумие прекратится, и мне больше не придется иметь дело со стаей кровожадных волков.

Вымогатель остановил машину у отеля «Гровенор Хаус». По щекам у меня текли слезы; слезы надежды – на то, что кошмар скоро закончится, и слезы страха, что ничего не выйдет. Всю дорогу я обеими руками держалась за руль, боясь, что если я попытаюсь вытереть лицо, машина вильнет, и шантажист что-то заподозрит. По тому, как он петлял, посматривая в зеркало заднего вида, я поняла, что он нервничает. Я пыталась держать себя в руках. Выйдя из машины с чемоданчиком денег, я закрыла лицо. Мне не хотелось, чтобы он заметил что я плакала. Даже если это были слезы облегчения.

Переступив порог отеля, я наконец, увидела его. Это был высокий, красивый мужчина с наглым лицом и козлиной бородкой, в темных очках, хотя солнце давно скрылось, т. к. было уже восемь часов вечера. В своем белом саубе он был похож на Люцифера. Я так боялась и ненавидела этого негодяя, что и не знала, как себя вести. Невозможно было сдвинуться с места, и я просто стояла и смотрела на него. Наконец он подошел ко мне, взял за руку и потащил за собой. В лифте он поблагодарил меня за то, что я закрыла лицо: теперь никто не узнает, с кем он тут встречался. Потом незнакомец рассмеялся и сказал: «Если ты принесла недостаточно денег, ты останешься в моих руках, ведь я всегда могу сорвать с тебя покрывало, и тогда ты заплатишь мне миллионы».

– Зачем... зачем вы это делаете? Я не причинила вам никакого зла!

Я и представить не могла, сколько в этом статном человеке подлости.

– Хамдан здесь? Он знает, что происходит? Пожалуйста, возьмите деньги и исчезните из моей жизни. Пожалуйста...

Лифт доехал до нужного этажа слишком быстро. Мое спокойствие сменилось паникой.

Дрожа от страха, я шла за ним, тайком посматривая по сторонам и надеясь увидеть полицейского. Что-то было не так. Где полиция?! Когда мы дошли до номера, я отказалась входить. Я чувствовала, что здесь что-то неладно. Последние бессонные ночи не прошли бесследно: меня охватила дикая слабость, я плохо соображала. Полиции не было. Что, если они явятся слишком поздно, и этот маньяк изнасилует меня? И заснимет все это на видео? Лучше я умру.

– Просто заберите деньги и отдайте мне фотографии, – еще раз попросила я.

Он только улыбнулся, повернул ключ в замке и втолкнул меня в комнату; потом вырвал у меня из рук чемоданчик и толкнул на кровать. Я знала, что будет дальше.

«Меня так просто не возьмешь, я порву тебя на кусочки», – подумала

я. Он поднял руки, чтобы снять с себя сауб, и я скатилась с кровати, неловко упав на пол. Колени у меня тряслись. Бежать было некуда.

Тут я увидела, что кто-то бросился на вымогателя со спины и опрокинул его на пол. Услышав, как щелкнули наручники, я поняла, что весь этот ужас прекратился.

– Откуда вы взялись?! – спросила я полицейского. Офицер объяснил, что когда я, едва держась на ногах, вошла в холл отеля, он тайком узнал у служащего имя подошедшего ко мне человека и взял ключ от его номера.

Когда вымогатель втащил меня в комнату, офицер уже ждал внутри. Коридор заполнился полицейскими, а я лежала на полу и плакала уже от облегчения. Я расплатилась с обидчиком за все пролитые мною слезы. Ужас, который я пережила, был более чем реален: я чувствовала этого монстра, видела его, слышала его запах... Во рту ощущался привкус крови: от страха я сильно прикусила себе губу.

Сказав «спасибо» офицеру, я просто сидела на полу, благодаря Бога за его милость. Мне хватило переживаний. Наверняка эта сволочь собирался меня изнасиловать и снять весь процесс на видеокамеру, чтобы продолжить мои муки. Мне трудно было забыть, с какой силой он втащил меня в комнату. Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько беспомощной, как в тот страшный миг. Конечно, я бы сопротивлялась до последнего, но это наверняка было бы бесполезно.

Вымогателя приговорили к пяти годам тюрьмы. А моего бывшего жениха судили как сообщника, поскольку, как бы отвратительно это ни звучало, именно он велел своему другу делать со мной все, что тому захочется. Его вскоре выпустили, но осудили на пятьдесят часов общественных работ и заставили пройти курс лечения у психиатра. Он так и не женился. Хамдан несколько раз извинялся передо мной, но я держусь от него подальше. Для себя я внесла его в черный список во всех соцсетях, в том числе и в телефоне. А тот вымогатель до сих пор сидит в тюрьме.

Я вернулась в университет и получила степень магистра психологии, чтобы лучше понимать людей и их поступки. И от всего своего сердца я благодарю службу «Аль-Амин»: они спасли мне жизнь и сохранили мою честь; мое будущее и мой рассудок.

Зеница ока

Я – перфекционистка. Я стараюсь во всем быть лучшей и очень, очень много работаю. Работа учит ценить приобретенный опыт, а успех – лучшая награда за него. Всему, что я знаю, я научилась от матери – одной из немногих женщин своего поколения, закончивших колледж и работавших полный день. Сначала она устроилась в школу, потом в Министерство просвещения, при этом успевая воспитывать детей. И все свои обязанности она выполняла безупречно. Моя мать была трудоголиком, и не позволяла себе отлынивать от домашних дел. Они с отцом стремились к полноценной семейной жизни и каждый день занимались с нами, детьми, развивая интеллект и личность каждого ребенка.

Наша семья была среднего размера: два сына и дочь. Мама очень любила нас и проводила все свое свободное время с нами. Особенно много внимания она уделяла мне. Ей хотелось, чтобы я, ее любимая дочь, была самой красивой, образованной и успешной девочкой, я же старалась соответствовать. Я была маминой воплощенной мечтой и стремилась превзойти ее ожидания, чтобы она могла мной гордиться. Любая мать могла бы позавидовать моей маме, я же хотела лишь одного – чтобы мама испытывала за меня гордость.

В конце концов, меня просватали за дальнего родственника, который был моей первой детской любовью. Мы с подругами называли его «сердцеедом». Естественно, мне было очень приятно, что он пожелал жениться на мне, как только закончит университет в США. Я училась в Катарском университете и мечтала стать его любимой супругой.

Как и у большинства невест, у меня был целый список дел, которые надо переделать до свадьбы. Я начала особенно тщательно ухаживать за кожей, волосами, телом и ногтями. Мои планы на свадьбу включали в себя море прекрасных цветов, список приглашенных гостей (друзей, родственников, тех, кого мне хотелось на ней видеть и тех, кого не хотелось, но придется позвать), вечеринку после торжественной церемонии, медовый месяц, нарядных подружек невесты, их диадемы и платья, развлечения для гостей, и далее по списку. Я так наслаждалась каждым моментом подготовки к празднику, что даже мелькнула мысль когда-нибудь открыть собственную компанию по организации свадеб. При моем внимании к деталям и умении планировать процесс, учитывая все необходимые моменты и приятные мелочи, я бы прекрасно с этим

справилась.

Я регулярно общалась по *Skype* со своим женихом, Яссимом, ежедневно рассказывая ему о своих приключениях. Все шло гладко и по плану. От переполнявшей меня радости я готова была просто лопнуть, как надутый воздушный шарик! Мои родные и друзья постоянно говорили мне: благодари Бога за свое счастье и за то, что все идет так идеально.

Моя свадьба была назначена на замечательное время, когда весна заканчивается, а лето еще не началось. Когда стоит такая приятная погода. Гостям из соседних стран должно было быть удобно, потому что я запланировала празднество на период после окончания учебного года и до начала летних отпусков, когда жители стран Персидского залива обычно уезжают в Европу, Азию или Африку.

Мама заказала себе особое платье *Reem Acra New York* и туфли *Badgley Mischka*. Ее наряд в стиле Одри Хэпберн очень шел ей, потому что она от природы была высокой и стройной. Родинка над губой и осветленные волосы делали ее похожей на Мэрилин Монро, стоило только ей поярче накрасить глаза.

Я выбрала роскошное, элегантное свадебное платье от *Elie Saab*. Впервые примерив его, я не спала несколько ночей подряд и переживала, что оно слишком сексуально для стыдливой невесты. Мама же прослезилась, увидев, насколько оно мне идет. Мы обнялись, и я, тоже заплакав, сказала, что очень ее люблю и что всем на свете обязана ей и ее любви ко мне.

Мои подруги и двоюродные сестры были одеты тоже очень стильно. Все понимали: если идешь ко мне на свадьбу, будь любезна выглядеть на все сто. И они действительно выглядели на все сто. Я по достоинству оценила их наряды, сделала всем комплименты, а затем мы сфотографировались, чтобы потом с радостью вспоминать этот чудесный день.

Популярный арабский певец Хусейн Аль-Ясими должен был петь на празднике наши любимые песни. Мама снова и снова говорила мне, чтобы я не забывала молиться и благодарить Бога за то, что выгляжу как ангел. Визажист, делая мне макияж, неожиданно поведала нам множество жутких историй о том, как сглазили кого-то из ее знакомых. В ее историях люди ломали каблуки, падали, получали ожоги, становились жертвами несчастных случаев. Один мужчина, по ее словам, мог своим дурным глазом посмотреть на вертолет так, что сомнений не оставалось – машина рухнет. А другая женщина беременела семь раз, и каждый раз рожала красивого мертвого ребенка. Мама распереживалась и попросила всех

знакомых молиться за меня, а меня – помнить, что всю мою красоту даровал мне Бог.

Перед свадьбой я исправно молилась, и теперь ничего не боялась и чувствовала себя уверенно. После главной церемонии я присела на диван и смотрела на гостей, заполнивших зал. Вдруг яркий свет, заливавший помещение, померк. Я слышала музыку и голоса, но никого и ничего не видела. Ни цветов, ни теней, ни света. Вокруг была только непроглядная тьма. Я моргала и моргала, но мрак не рассеивался.

Шум праздника громыхал у меня в ушах. Я ощупывала все вокруг себя, пока не ощутила в своей руке чью-то мягкую ладонь. Я узнала ее: это была мамина рука. Я чуть не упала с дивана, где ожидала мужа для небольшой фотосессии перед свадебным путешествием в Париж.

Я чувствовала себя неуклюжей и беспомощной: без зрения было трудно даже сидеть. Мне было не просто страшно – я была в ужасе и никак не могла понять что со мной происходит. Кто-то обнял меня за талию, и я узнала голос одной из своих подружек. Она спрашивала, как я могла потерять равновесие, сидя на диване. Я заплакала и ответила, что не вижу ее. Почему выключили свет?!

Она снова и снова спрашивала, вижу ли я что-нибудь, но я не видела. В крови бурлил адреналин, и я уже не понимала, что она говорит. Я задыхалась, мне хотелось выбежать на улицу. Может, там включили фонари, и это вернет мне рассудок и успокоит мой страх?

Как можно ни с того ни с сего ослепнуть? Так не бывает! Бред какой-то. Я ведь даже очков не носила. У меня только раз в жизни были проблемы с глазами – конъюнктивит в двенадцать лет. Я никогда не надевала линзы для зрения – только раз примерила цветные, когда фотографировалась, да и было это много лет назад. У меня не было серьезных заболеваний... Мне хотелось, чтобы мама, муж и все остальные обняли меня и сказали, что это ерунда и все будет в порядке. Хотелось верить, что наука сможет объяснить и исправить то, что со мной случилось. Паника, шок, бактерия, вирус – пусть это будет что-то, что можно вылечить операцией, лекарствами или психотерапией.

Мама начала читать стихи из Корана, а через десять минут, когда это не помогло, потребовала, чтобы закрыли двери и все присутствующие помолились за меня: было похоже, что меня сглазили. Музыка умолкла, и по залу пробежал громкий шепот. Все говорили, что эта жестокая шутка судьбы – чье-то проклятие. Кто-то посмотрел на меня с такой завистью, что этот взгляд ослепил меня, как черное колдовство. Однако, по слухам, если такое и случалось с кем-то, последствия были не столь ужасными:

инфекция или близорукость, приводящая к необходимости носить очки. Но это был какой-то особо тяжелый случай. Такое просто не могло случиться с обычным человеком вроде меня, и уж точно не в день свадьбы и не при всех моих гостях. Трагикомичность ситуации вызвала у меня новый приступ рыданий. Мне нужно было понять, что происходит.

Логика больше не работала. Кто-то запаниковал, а кто-то начал давать советы. Я слышала бормотание, плач и шепот. Люди начали взывать к Богу и просить его о милости. От всего этого мне стало еще тревожнее и страшнее. Я начала понимать, что могу больше никогда не увидеть лиц своих родных, мужа, который пытался утешить меня и своих будущих детей. Эти мысли захлестывали меня с головой, как волны, снова и снова напоминая, что я никогда не увижу праздничных тортов, которые попытаюсь испечь (или куплю и сделаю вид, что испекла сама, потому что знаю рецепт). Я не смогу взглянуть на лицо другого человека и понять, верит он мне или нет, и увидеть выражение на его лице, когда я рассмеюсь и станет ясно, что я пошутила.

Я закрыла глаза, сдвинув брови, а потом открыла их так широко, как только могла, но зрение не вернулось. Я задыхалась, сидя на диване, умоляя маму и мужа помочь мне. Слезы струились у меня по щекам, шее и груди, но уже мне было неважно, как я выгляжу и что подумают окружающие. Это сильные, умные, надежные люди, и они знают, что делать. Все можно исправить, если мы постараемся.

Муж сидел рядом и пытался успокоить меня, говоря, что если все началось так внезапно, то и пройти может так же внезапно. Я никого не видела, и был шанс не увидеть больше никогда, так что мне было все равно. Я плакала, пока едва не лишилась чувств, и муж не унес меня. Он пытался меня утешить, мне же изо всех сил хотелось верить ему. Я заставила его пообещать, что он сделает все возможное, чтобы вернуть мне зрение и выяснить причину случившегося.

Мы поменяли планы на свадебное путешествие и вместо Франции решили ехать в Германию, чтобы обратиться к немецким врачам, о хорошей репутации которых мы были наслышаны. В свою первую брачную ночь я уснула в слезах. Лучший день моей жизни был безнадежно испорчен. Как только Яссим не пытался успокоить меня! Он говорил, что любит меня, что теперь мы женаты и он счастлив, главное – что мы вместе, что мы муж и жена, и со временем все наладится. Первые несколько ночей мы просто целомудренно лежали рядом и он шептал мне на ушко нежные глупости и клялся, что его чувства ко мне не изменятся. Эти слова так много значили для ослепшей перфекционистки, потерявшей корону в день своей

коронации. Он был нежен и добр, и я благодарила небо за этот дар: мне было на кого опереться, чтобы устоять под ударами жестокой судьбы.

Было очень обидно, что я не вижу его. Он сказал, что я могу «увидеть» его пальцами. Я была как ребенок, который заново учится воспринимать этот мир. Поначалу было трудно, но эти прикосновения дарили очень сильные ощущения. Очертания щек, изгиб губ, колючая щетина на подбородке, дрожание рук и учащенное дыхание – все это очаровывало и возбуждало. Мне хотелось как можно скорее прозреть и в полной мере насладиться своими новыми впечатлениями.

Он считал, что моя болезнь излечима, и я верила ему: я бы немедленно убила себя, если бы знала наверняка, что в Германии у меня обнаружат, к примеру, смерть зрительных клеток. Обследований было слишком много, а ждать результатов приходилось слишком долго. Я слышала огромное количество иностранных научных терминов, и слишком мало надежды в словах врачей. Ежедневные обследования становились привычными и сводили с ума своей бесполезностью. Меня обследовали с ног до головы, изучили мои волосы, биографию, ДНК, зубы, почки, уровень сахара, кровяное давление, сердце, функции мозга и тела. Обнаружили несколько мелких проблем, но все они не имели отношения к глазам.

Убрали зажимы в плечевом поясе, связанные, вероятно, с подготовкой к свадьбе. У меня в организме не хватало железа, исправили и это, добавив в мой рацион печень, шпинат и свеклу. Я начала заниматься лечебной физкультурой под руководством тренера, ко мне приходил психотерапевт. Врачи пытались выяснить, не связана ли потеря зрения с глубинными психологическими проблемами. Они предполагали, что слепота – плод моего воображения или скрытого желания, и даже не отметили версию того, что я очень талантливая актриса. Глупая попытка вылечить меня с помощью шока, сказав, что мои родные погибли в автокатастрофе, вызвала у меня только приступ ужаса и рыданий. Это не сработало, и мне было крайне неприятно. Я превратилась в жалкий ошметок человека, ущербный, несчастный и беспомощный.

Никаких парижских парков, Эйфелевой башни и каннских пляжей – только больничные палаты, МРТ, терапевты, офтальмологи и психоаналитики. Через три или четыре месяца я вернулась домой, по-прежнему ничего не видя и страдая от того, что никогда больше не смогу ничего прочитать, нарисовать, сфотографировать или даже просто выбрать, какую из наших с мужем фотографий повесить на стену в спальне.

Я была в такой глубокой депрессии, что мне прописали антидепрессанты. Шло время, в конце концов я привыкла сидеть в

обществе пожилых дам, пить чай и вспоминать о прошлом. Старики часто обсуждают ушедшие счастливые дни, и эти разговоры я всегда поддерживала с искренним интересом. Я научилась «видеть» людей по голосам, по выбору слов, по тому, как они выражают эмоции – страстно или сдержанно. То, как они начинали и заканчивали свои истории, говорило мне об их чувствах по отношению к сказанному и позволяло представить то, что я не могла увидеть.

Круг моих друзей сузился, потому что я больше не могла участвовать в их веселых встречах. Я замечала жалость в их преувеличенно подробных описаниях происходящего вокруг. Поначалу я пыталась не отставать от них, но теперь я больше не могла смотреть кино, ходить по кофейням и ресторанам. Я не могла вместе со всеми обсуждать обработанные на компьютере фотографии – как было и как стало; читать стихи и шутки, которые они отправляли по *WhatsApp*, ходить по магазинам за платьями, украшениями и аксессуарами, в общем, заниматься всем тем, что мне так нравилось. Я была слепа. И точка. Я не могла увидеть то, что они описывали, и отчаянные мои попытки понять происходящее давались мне так же тяжело, как им – попытки объяснить.

Я чувствовала, что медленно увядаю. Все постепенно стали для меня чужими, кроме сестры и пары ближайших подруг. У меня остались только они и мама, которая была ко мне стала даже внимательней, чем это было необходимо, мама поддерживала меня. Конечно, она страдала и часто плакала, но понимала меня лучше всех. Она частенько нежно брала меня за руку и говорила, куда ступать, если на пути попадалось препятствие или лестница. Она кратко и ясно объясняла мне, почему в оживленной компании вдруг воцарилась тишина, или, наоборот, толпа зашумела громче обычного: «Лайла шутит»; «Фейерверк очень красивый»; «Детишки, идите сюда, поздоровайтесь со мной и тетей». Она была моим единственным утешением. Благодаря ей я не чувствовала себя уязвимой. Она поддерживала меня, рассказывая о слепых, добившихся успеха, и даже научила меня читать шрифт Брайля.

Раз в месяц она приглашала ко мне подруг: мне было приятно, а им – не слишком обременительно. Но чаще они звонили мне, зная, что со слухом у меня все в порядке, а телефонный разговор меня развлекает. Я полюбила турецкие телесериалы, когда научилась различать голоса актеров. Слух заменил мне зрение, и я была благодарна ему за это. Я боялась выходить одна из дома, потому что уже не раз спотыкалась и падала. Конечно, я пыталась выбраться из пропасти, в которую попала, но она была слишком глубока, даже для такого упрямого человека, как я. Я начала слушать

аудиокниги, и это стало моим любимым занятием. Я переживала, что не смогу читать так же много, как раньше, аудиокниги помогли мне прийти в себя.

Несмотря на это, мне все еще было обидно, когда жестокие и бессердечные люди жалели моего мужа за то, что он женат на слепой. Мой слух обострился, и я регулярно слышала шепот: «бедняга», «она же совсем ничего не видит» и «интересно, а дети у них тоже будут слепые?» Каждый раз мне было больно это слышать. Невозможно привыкнуть к жестокости, особенно если чувствуешь себя обузой для тех, кого любишь.

Несколько раз я просила мужа о разводе, но он отказывался, обижался и думал, что в чем-то провинился. Он говорил со мной с точки зрения чувств и религии, убеждал, что любит меня и всегда будет рядом. Разведись он со мной, это означало бы, что он недоволен тем, что дал ему Бог – к добру это или к худу. Он был богобоязненным человеком, а я надеялась, что если Бог дал мне зрение, а потом отнял его, когда-нибудь он может мне его вернуть.

Я не могла одеваться так модно и стильно, как раньше, как хотелось бы. Я не могла видеть своего лица, и потому красилась очень умеренно: легко было перепутать тени и румяна, и потом ходить с синими щеками или розовыми глазами. Но я все-таки наносила легкий макияж: матовая помада от *Chanel*, подводка для глаз, туш *YSL* для ресниц, пудра *Guerlain* для комбинированной кожи. Мне не хотелось выглядеть бледной и блеклой. Я всегда просила нескольких человек высказать свое мнение о моем макияже. Эти простые приемы сводили вероятность ошибки практически к нулю.

В конце концов я начала уставать от этого незамысловатого стиля, но священный ритуал – обвести губы бордовым карандашом и нанести красную помаду, сверху и снизу чуть выходя за естественный контур, чтобы губы казались более пухлыми – теперь был для меня недоступен. Как следует ухаживать за собой, делать маски для лица, выщипывать брови – все это были сложные задачи, которые требовали помощи профессионального косметолога, и я начала вызывать специалиста на дом. Я была слепа, но привычка к почти армейской дисциплине не позволяла мне запустить себя.

Я упорно не отказывалась от духов и украшений. Можно было обойтись и простыми, недорогими вариантами, но больше всего на свете я любила жемчуг. Я все-таки женщина, и при любых обстоятельствах старалась выглядеть на все сто. В прошлой жизни уверенность в том, что я самая стройная, стильная и образованная среди своих подруг, наполняла меня павлиньей гордостью: я всегда была само совершенство.

Мама продолжала иногда плакать; я слышала, как дрожал ее голос, когда она видела что-нибудь красивое: например, когда у меня рождались дети, или когда, подрастая, они начинали трогательно лепетать: «я люблю тебя, мама». Я научилась на слух различать все оттенки эмоций в голосе человека. Могла определить, когда собеседник лжет, улыбается, сомневается, боится, ненавидит или завидует. Мама считала, что меня сглазили, потому что завидовали моему совершенству. Теперь о совершенстве говорить не приходилось, но, видимо, проклятие было крепким и я была обречена жить так до конца своих дней. Мама объясняла, что, если ты благодарен Богу за все, с тобой случается больше хорошего: это своего рода преграда, защищающая нас от несчастий.

Из всех звуков, которые я когда-либо слышала, самым приятным был крик моего первого ребенка. Я обняла его и сразу полюбила. Когда его помыли и принесли мне покормить, я снова обрела смысл жизни. Меня переполняли волнение и надежда; я хотела «увидеть», как он вырастет и добьется всего самого лучшего в жизни. Для меня словно солнце встало. Когда мне сказали, что у него все в порядке со зрением, меня больше не заботила моя собственная слепота. В моей ситуации рожать было еще страшнее, чем, наверное, это обычно бывает, потому что я не могла ничем помочь ни себе, ни ребенку. Вдруг ему станет больно, или, не дай Бог, пойдет кровь, я же об этом даже не узнаю... Всех остальных детей я рожала через кесарево сечение, потому что при обычных родах у меня выделялось столько адреналина, что это могло навредить ребенку.

Новый предмет любви был мне очень дорог и наполнял меня таким счастьем, которого я очень давно не испытывала, и которого мне очень не хватало. Ребенок вдохнул новую жизнь в мои отношения с мужем, хотя он неизменно поддерживал меня во всех испытаниях. Я снова влюбилась в него – в своего героя. Человека по-настоящему узнаешь, только когда становишься беспомощным и полностью зависишь от него. Только тогда можно быть уверенной, что именно с этим мужчиной ты хочешь провести остаток жизни.

Однако теперь мое недовольство собой только усилилось. Если бы ко мне вернулось зрение, я смогла бы лучше исполнять свои повседневные обязанности. Я узнавала запах и крик своего сына и старалась как можно больше делать для него сама – ведь я сходила с ума от любви к нему.

Муж в шутку говорил мне, что ребенок слишком похож на меня и это просто нечестно, а я улыбалась в ответ на его доброту.

Яссим, при всей его стойкости, иногда выходил из себя, наблюдая мое плохое настроение. Во время беременности из-за гормональных бурь я

часто проваливалась в бездну депрессии. У меня бывали очень реалистичные кошмары: мне снилось, что мой ребенок родился с пустыми глазницами на месте глаз.

Раньше я любила разговаривать со своим отражением в зеркале, нести всякую чушь, представлять, как мной восхищаются люди, которые мне приятны, и как смотрят на меня те, кого я ненавижу, и как я говорю им в ответ какие-то глупости. Мне не хватало этих минут. Мужчинам недоступны подобные женские хитрости. Это наша психотерапия, наша награда за красоту: первыми насладиться тем, чего мы достигли в уходе за собой.

Мне не нравилось, что меня постоянно спрашивают, нашла ли я способ справиться с потерей зрения. Каждое утро, просыпаясь, я вспоминала об этой потере. Как вообще можно с этим справиться? Я пыталась, я боролась, но по-прежнему оставалась лишь тенью себя прошлой. Я хотела быть счастливой ради Яссима и своих четырех ангелочков. Я слышала, как дрожит мамин голос, когда она говорит о моих невероятных достижениях, как он стихает и обрывается, когда она тихонько вытирает слезы. Интересно, что по началу разговора я могла предсказать, как он закончится, я замечала, как люди ходят вокруг до около, когда логичнее всего было бы задать мне откровенный личный вопрос. И я, в свою очередь, всегда пользовалась этим знанием, отвечая быстро и коротко, или просто отказываясь продолжать утомительный разговор. Однако мое общение с людьми нашего круга служило на благо моей семье, да и я сама становилась более понимающей, сдержанной, и благодарной за возможность почувствовать себя нормальным человеком, как раньше.

Когда Бог что-то забирает, обычно он дает что-то взамен. Я научилась быть благодарной за все хорошее, что было у меня в жизни. Я родила Яссиму четырех детей, и все мы жили одной дружной семьей, одной жизнью на всех. Мы так и не выяснили, что у меня с глазами. Первые два-три года мы никуда не ездили, но когда дети подросли, мы начали выезжать в Англию, в деревню. Детям там нравилось, и мне не приходилось беспокоиться, что я попаду под машину или дети выбегут на оживленную улицу. Мы с мужем могли там расслабиться и насладиться временем, проведенным вместе.

Время от времени мы все-таки обращались к врачам. Каждый год я ездила в Мекку и умывалась святой водой из Замзама, надеясь, что это вернет мне зрение. Я пробовала китайскую медицину. Мне втыкали иголки в голову, шею и спину, но ничего не помогало. Я смирилась со своей слепотой, но не прекращала попыток вернуть зрение. Да и как можно было

сдаться? Я хотела видеть лица своих детей. Я хотела точно знать, сильно ли они ушиблись, когда, упав, они прибежали ко мне в слезах. Я хотела сама проверять, хорошо ли они одеты и накормлены. Я хотела читать им книги и видеть, как загораются их глаза, я должна была видеть, как они засыпают, когда я рассказываю им сказку на ночь.

Я ощупывала их лица – эти прикосновения были похожи на рассматривание фотографии. Руками я проверяла, не пора ли им стричься и по погоде ли они одеты. Это было унижительно, но я держалась ради них. Не ради себя, не ради мужа или родных – ради детей. Все было ради них. Я так их любила! Я чувствовала себя одновременно и сильной и слабой, но боролась ради малышей.

Однажды я проснулась и комната была полна света и цвета...

Зрение вернулось так же внезапно, как и исчезло. Конечно, я не узнала своего дома. Я смотрела на все вокруг, бегала из комнаты в комнату (чего не делала уже много лет) и звонила всем подряд, не веря своему счастью.

Я позвонила маме, чтобы сообщить радостную новость, но она не взяла трубку. Я звонила маме каждый день, или она мне, просто чтобы убедиться, что все в порядке. «Говорящие» часы сообщили мне, что уже полдень, и, зная, что она обычно встает рано, я начала беспокоиться. Но я была так счастлива, что отмахнулась от своих страхов.

Все казалось непривычным. Вокруг было так много света и красок! Я плавала в них, как рыба в воде. Я не могла заставить себя закрыть глаза. Я позвонила брату и с истерическим смехом сообщила, что могу видеть. Я видела все: стул, телефон, фотографии чудесных детей – вероятно, моих! Я слишком увлеченно рассказывала, что вижу вокруг себя, и даже не услышала, что он мне ответил. Энергия во мне была ключом и требовала внимания, я хотела, чтобы весь мир узнал о моем счастье. Брат сказал, что рад за меня, но я заметила серьезные нотки в его голосе. Я так тараторила, что он не мог вставить ни слова, чтобы объяснить, почему мама не отвечает.

– Фатима, – сказал он наконец, – мама умерла.

Я перестала прыгать и села.

К моему дому как раз подъехала на машине сестра. Она вошла, обняла меня и прошептала: «Бог дал, Бог и взял».

Я онемела и не знала что сказать. Я захлебнулась в чувствах и ничего не понимала. Где я? Что происходит? Маме было так тяжело уходить из этого мира, зная, что у нее здесь осталась слепая дочь. Она должна была узнать, что я здорова! Я злилась, что она ушла, так ничего и не узнав. Это некрасиво и до смешного эгоистично, но это жизнь; и смех, и слезы.

Яссим уехал по делам в Вашингтон. Я не знала, как отправить СМС – прошло так много лет, и теперь мне надо было заново учиться и писать, и отвечать на электронные сообщения. Шрифт Брайля для мобильных телефонов еще не придумали, и мне пришлось попросить сестру написать мужу сообщение за меня.

Бабушка и сестра настояли, чтобы я немедленно сходила к доктору, священнику и психотерапевту. Врачи оказались в еще большем недоумении, чем я. Так странно, медицинских работников, которых я раньше узнавала по шаркающим шагам, одеколону, дыханию и голосу, сейчас я видела словно под увеличительным стеклом. Я слышала в их голосах сомнение, они только говорили «слава Богу» и нервно улыбались.

После я пошла к священникам, они начали читать стихи из Корана и благословлять меня. Потом они спросили меня о жизни и о том, не изменилось ли что-нибудь еще в моей жизни. Я рассказала им о смерти матери, и тут неожиданно воцарилось молчание. Мне объяснили, что *если ты слишком любишь кого-то и слишком гордишься им, это может повредить тому, кто тебе так дорог*. Чтобы до конца понять эти слова, мне нужно было услышать их их уст нескольких благочестивых, праведных, богобоязненных людей. Мама очень любила меня, и я всегда чувствовала всю силу ее любви. Она не могла знать, что ее родительская гордость, помноженная на восхищение, может пойти мне во вред. Я была Ахиллесовой пятой ее самоуважения, репутации и самооценки, но я не была ею самой. Я была самостоятельным отдельным человеком. А творение превзошло мастера, и она, как ни парадоксально, невольно завидовала мне.

Я целый час говорила с психотерапевтом, оплакивая годы, проведенные в слепоте, горюя по матери и жалуясь, что весь мой мир рухнул. Ушла от него в слезах, а ко мне домой прислали сиделку, чтобы ухаживать за мной и следить за моим состоянием. По настоянию сестры мне вкололи успокоительное. Сестра напугала меня, мол, если я откажусь от лекарства, у меня мозг взорвется. Я не стала сопротивляться, но и после укола вся дрожала. Мне было грустно, я чувствовала вину за свое счастье перед матерью и печалилась о ее утрате. Все эти годы она терпеливо служила мне опорой, глазами, чувствами. Мне ее страшно не хватало. Она оставила после себя такую рану, что даже вернувшееся зрение не могло залечить ее.

От того, что творилось в моей жизни, даже у слона случился бы сердечный приступ. А я просто сидела и плакала. Никогда в жизни я не плакала так, как в тот день, когда ко мне вернулось зрение.

Так многое нужно было наверстать, и я лелеяла каждое мгновение, наполненное светом. Я еле узнала свое отражение. Воспоминания о том, какой я была, мешали мне свыкнуться с этой незнакомой женщиной в зеркале. Мне пришлось закапать в глаза капли, потому что я боялась моргнуть. Я была рада, что вижу собственные руки, что могу уверенно, без страха сделать шаг. Меня переполняли счастье и благодарность, и я погрузилась в молитву.

Яссим прилетел в аэропорт Дохи, а мы с сестрой поехали его встречать. Он выглядел почти так же, как в день нашей свадьбы – за исключением нескольких седых волос на висках. Он чуть пополнел, и я стеснялась обнять его, пока не узнала его запах, его голос и энергию, которой он щедро делился со мной, когда мы были вместе. Я запуталась в собственных чувствах: привыкнуть к новому, постаревшему лицу мужчины, с которым я жила много лет, – это было психологически очень нелегко.

Дети. О, дети были прекрасны! Точь-в-точь как я себе представляла, хотя я не узнала их, пока мои пальцы не подсказали мне, кто из них кто. Я привыкла к их виду быстро, но не могла перестать ощупывать их лица, а дети не возражали. С тех пор прошло много лет, но до сих пор они нежно берут меня за руки, чтобы мои пальцы пробежались по их щекам. Они полюбили эту привычку. Обнимая меня, они заметили, что я начинаю дышать глубже, чтобы почувствовать их запах. Я сразу узнала их всех на слух: топот маленьких ножек, торопливые шаги одного сына, вальяжную походку другого, тихие и легкие шаги дочери, быстрый перестук каблучков няни. Я узнала шорох их одежды при движении рук и их манеру садиться: кто-то садился аккуратно, кто-то с размаху падая на стул, кто-то все время ерзал. Я чувствовала их энергию, а они шутили о том, что мама может *видеть* их энергию. Их манера дышать и говорить была моим полиграфом, знаком их эмоционального и физического состояния.

От переполнявших меня чувств я никак не могла прийти в себя и боялась, что снова потеряю зрение. Врачи, как и когда-то, не понимали в чем дело, и это воспринималось еще неприятнее, чем раньше. Мне необходимо было знать ответ на главный вопрос моей жизни, и я прошла консультации у нескольких специалистов. С помощью науки я хотела как-то оправдать свое несправедливое «заключение во мраке» и удостовериться, что такое больше не повторится.

На похоронах мамы я молчала. Я не сообщила ей, что снова могу видеть: мне хотелось, чтобы похороны были последним прощанием с матерью, а не празднеством по поводу моего исцеления.

На меня не обращали внимания: все думали, что я по-прежнему слепа. Я старалась сдерживать движение своих беспокойных глаз, которые бегали туда-сюда, сравнивая, подсчитывая, впитывая в себя вид этих чужих лиц и того, как эти лица постарели, цвет и красоту окружающих предметов, форму мебели и даже оформление еды. Я наконец-то видела и хотела рассмотреть все в деталях.

Много позже бабушка рассказала мне, что порой, когда мать обожает своего ребенка и любит его, она сама может невзначай его сглазить. Моя мама очень любила меня и критически оценивала все мои недостатки. Я была для нее зеницей ока, которое она хранила и оберегала, и проклятие, которое поразило и ослепило меня, родилось из ее огромной любви.

Действие сглаза зависит от силы той негативной энергии, что остается в тени человека. Неудивительно, что ни врачи, ни священники ничем не могли мне помочь. Единственным лекарством от моей слепоты была смерть человека, который посмотрел на меня завистливым и восхищенным взглядом: моей бедной, ничего не подозревавшей матери.

Трава на чужом участке

В сорок два года Саад был ничем не примечательным государственным служащим в Эр-Рияде. Его жизнь представляла собой настоящую скучную рутину: он работал, спал, смотрел телевизор вместе с женой и детьми, по вечерам изредка встречался с друзьями. Он и его жена, Худа, уже семнадцать лет жили вполне комфортной жизнью и хорошо понимали друг друга. Может, даже слишком хорошо, поскольку, в конце концов, их брак тоже превратился в однообразную рутину. Много лет Худа гордилась успехами мужа, ведь он смог найти себе теплое место на госслужбе, а значит, по поводу безработицы или возможной потери кормильца можно было не тревожиться. Но муж не продвигался по карьерной лестнице, и со временем это стало ее раздражать: она и дети мечтали жить на широкую ногу, а это требовало денег.

Когда-то Худа была стройной красавицей, но теперь совсем запустила себя. Ее красота увядала, но она и не пыталась ее сохранить. Нужно было следить за детьми, времени не хватало, и приходилось чем-то жертвовать. Она перестала краситься, делать прически, отказалась от нарядов и духов.

Саад частенько вспоминал о первых годах семейной жизни, о том, какой соблазнительной и прекрасной была тогда его жена. Дети отнимали слишком много времени и сил – и у нее, и у него. Домашние дела постоянно требовали внимания, но не приносили удовлетворения. Справляться со всем этим было тяжело, но куда деваться, приходилось терпеть. Ответственность за семью не переложить на чужие плечи, а Саад был ответственным человеком. Он знал свои обязанности и неукоснительно выполнял их.

На работе во время перерыва Саад с коллегами ходил в кофейню, чтобы поболтать об акциях, автомобилях, Иране и его ядерной программе, путешествиях, шопинге в США, еде и женщинах. А еще они часто обсуждали возможность взять в дом вторую жену: особенно в виде *мисьяра*. *Мисьяр* по-арабски означает «посещать». Такой тип брака был распространен в прежние времена как некая помощь для женщин, оставшимся без опоры. Как правило, вдовам, которым требовалась или финансовая поддержка, или отец для их детей, или «лицо» для бизнеса, или способ удовлетворять свои потребности, не впадая в грех.

Сегодня понятие *мисьяр* приобрело значение легальной разновидности флирта без обязательств, вроде короткой встречи в отеле. Такие браки не

предполагали рождения детей, а финансовые вложения оставались на усмотрение мужчины. Ни тебе публичных скандалов, ни недовольства первой жены: она просто ни о чем не узнает. К тому же нет опасности, что общество будет осуждать твой предмет страсти или не примет жену, не подходящую тебе по статусу. Остается только счастливый мужчина, наслаждающийся двойной жизнью. Днем он доктор Джекил, ночью – мистер Хайд. Ибо обычно связь с другой женщиной держали в тайне, не афишируя свой *мисьяр*.

– Чем меньше первая жена знает, тем крепче спит, – пошутил один из друзей Саада.

– Это точно, – согласился другой. – Вторая жена – она только для удовольствия. Никаких детей, никто не переживает из-за измены. Все довольны. А первая жена будет только рада, если ты расслабишься и снимешь свой стресс, что порой и на ней отражается. Вам обоим будет только легче!

– Но это должно оставаться тайной, конечно, – добавил третий.

Всем порой кажется, что на чужом участке трава зеленее, будь это встреча на одну ночь, короткий роман или тайный брак. Саад и его друзья боялись божьей кары, но ничуть не меньше они боялись раскачивать такую надежную и привычную семейную лодку. Если ты женат, твоя женщина будет принадлежать только тебе. А роман на стороне легко превращается в кошмар, ведь любовница может легко сойтись с другим по своей воле, а какому мужчине это понравится?! Мужчине не хочется тратить время на женщину, которая ему не принадлежит. Пусть эта связь будет только для обоюдного удовольствия – ничего больше. Может, это и некрасиво, но ведь женщине такие отношения нужны не меньше, чем мужчине, так что всегда можно договориться.

Разговоры разговорами, однако ежедневные рассуждения на эту тему могли раскачать даже самую крепкую лодку.

– Но как не вызвать подозрения у жены и детей? – однажды вслух поинтересовался Саад.

– Всегда можно что-нибудь придумать, – мудро заметил мужчина постарше.

Саад часто задумывался, нет ли у этого человека *мисьяра*.

– Займись охотой, заведи охотничьего сокола, чтобы спокойно ездить в пустыню на выходные. Женщине тоже нужно отдохнуть от мужа. Просто оставь ей побольше денег, и она найдет, чем заняться. В конце концов, ты же мужчина.

– А еще ведь бывают и отпуска. Отправь жену с детьми куда-нибудь на

несколько дней. Скажи, что у тебя неотложные дела на работе, но ты не хочешь портить им отдых, – согласился другой.

Официант-филиппинец принес кофе и пробормотал что-то насчет сахара и сладостей. Друзья поблагодарили его и вернулись к обсуждению деталей своих хитрых планов по обретению рая на земле.

– Красивая женщина может пробудить в тебе творческие силы, – сказал один из друзей Саада, рассматривая фотографию девушки на обложке журнала. – Я бы хотел такую, как эта ливанская певица, только попышнее. У разведенных женщин с детьми лучше фигура и меньше запросы; они на все согласны, лишь бы кто-то оплачивал их счета. И тоже хотят сохранить все в секрете. К тому же, женщина не может без мужчины. Бог благословит тебя, если ты спасешь от одиночества беззащитную вдову или разведенную женщину без денег. Как-то я женился на бездетной вдове, и несколько лет все было прекрасно. У нее было пятнадцать кошек, и все ее кошки ненавидели меня, потому что я был для нее королем, – все дружно рассмеялись остроумному высказыванию, – потом она все испортила, потому что хотела детей, а я отказался. Я ответил ей: «Кошки – это твои дети. Зачем им лишние братья и сестры?!», – эта фраза вызвала новый взрыв смеха. – Она уехала учиться в Австралию, сначала звонила, но теперь, похоже, она живет уже своей жизнью.

Слава Богу, она забрала с собой своих паршивых кошек! – он закатил глаза, задрал брови и рассмеялся, показывая, что это был всего лишь пустяковый роман.

– Чего ты боишься? – поддразнил Саада другой коллега. – Что Худа что-то заподозрит? Приноси достаточно денег и возвращайся домой вечером, и все будет в порядке!

Все засмеялись, даже Саад. Он втайне удивлялся: неужели у него одного здесь нет *мисьяра*? Неужели он один не успел вскочить в вагон для счастливых мужей и тайных супругов?

– Не стоит обращать внимания на этих, – сказал самый пожилой и мудрый их коллега, кивнув на девушек с журнальных страниц, вызывающе размалеванных, с крашеными волосами, высокими прическами и губами, как у золотых рыбок. – А то ляжешь в постель с Айше, проснешься с Фатимой и будешь думать, что случилось с ее лицом, пока ты спал.

Друзья расхохотались так, что на их компанию начали оборачиваться другие посетители.

– К чему эти мимолетные романчики? Лучше что-то легальное, надежное и только твое. И это законно. *Халяль*. Бог тебя не накажет. А жене не на что жаловаться, потому что ты делаешь все по божьим заветам.

Сплошная выгода!

– Но где найти хорошую женщину? – спросил пожилого коллегу Саад. Коллега улыбнулся и бесшумно, одними губами произнес слово «сваха».

Самый молодой и веселый запел:

– Сваааха, свааха, найди мне жену, высокую, румяную и богатую, и чтобы ее стряпня стала усладой для моего желудка!

Эти разговоры нравились Сааду, он чувствовал, как нарастает приятное волнение. Друзья обещали помочь с подарками для тайной жены и с приданым. Они даже предлагали ему воспользоваться их машинами, летними домами и дорогими аксессуарами – часами, запонками и ручками, чтобы произвести впечатление на женщину.

В тот же вечер Саад получил электронное письмо от своего пожилого коллеги. В теме письма стояло «ММ», а в самом письме были имена и номера телефонов четырех женщин. В конце списка коллега приписал: *Удачи, жених.*

Саад сохранил имена и номера в своем телефоне. Он имел на это право. Одной женщины просто недостаточно. У мужчины есть свои потребности. Время от времени ему нужно что-то новенькое, чтобы вознаградить себя за тяжелый труд.

Утром, отправляясь на работу, он сел в машину и набрал первый номер из списка. Трубку взяла пожилая женщина.

– Салям, сестра, вы сваха? – сказал Саад тише, чем обычно. Телефон дрожал у него в руке. Это правда. Он наконец решился.

– Да, брат, чем я могу помочь? – спросила женщина и замолчала, ожидая ответа.

– Я ищу жену для мисьяра, – ответил Саад, стараясь говорить вежливо и уверенно.

Он забыл все заранее подготовленные слова, но сумел объяснить, что брак нужно устроить в полной тайне, невеста должна быть красивой, с хорошей фигурой, желательно откуда-нибудь издалека, и чтобы круг общения ее семьи никак не пересекался с его собственным.

– Ясно, – сказала сваха. Когда он произнес слово «мисьяр», дружелюбия в ее голосе поубавилось. Саад понял, что она, вероятно, составила стереотипное мнение о нем. Он хотел сказать ей, что совсем не урод, не нищий и не толстяк. Он мог позволить себе официально взять новую жену, но у него были причины выбрать тайный брак.

– Сколько вам лет?

– Сорок два.

– Вы давно женаты?

– Семнадцать лет.

– Вы хотите сохранить все в секрете?

– Да. Обязательно, – сказал Саад и чуть не засмеялся от облегчения.

– Сколько вы можете предложить за невесту?

Этого стоило ожидать.

– Хм, а сколько дают в среднем?

– В среднем? А вы согласны на что-то среднее?

– Ну, нет, – осекся Саад. Ему хотелось королеву красоты, только попышнее и подешевле, но он не осмеливался сказать об этом вслух.

– Думаю, я смогу подобрать вам хорошую пару тысяч за 30. Будь вы моложе и красивее, я бы нашла вам женщину постарше, чтобы она заботилась о вас. Но вы слишком стары и небогаты.

Саад ожидал, что это обойдется дешевле, но его пенсионных накоплений было более чем достаточно, чтобы покрыть все издержки.

– Я красивый мужчина. Высокий, играю в баскетбол, не слишком смуглый. Из-за внешности меня часто принимают за аристократа, – возразил Саад.

– Может и так, но за ту сумму, которую вы готовы заплатить, молодую девушку вам не найти, – сказала сваха. – Если хотите кого-то помоложе, придется выложить как минимум 50–60 тысяч.

– Нет-нет, совсем молодую не надо, – ответил Саад. – Может, хотя бы в районе тридцати пяти или сорока?

Сваха засмеялась:

– Не волнуйтесь, я не стану предлагать вам женщину моего возраста!

По голосу ей было хорошо за пятьдесят, и, судя по всему, у нее был большой опыт.

– Сначала мне надо на нее посмотреть, – попросил Саад.

– Конечно, – сказала сваха. Кажется, она поняла, кто он и что именно ему нужно. Сааду было даже неловко, слишком уж хорошо она его понимала.

– Я беру себе половину суммы, – добавила сваха. – Это плата за мою работу.

Саад согласился встретиться со свахой лично и обсудить детали. Она велела ему, когда он поедет к ней домой, купить мешок риса, банку меда и кое-что еще. Он задумался, сколько мужчин до него привозили ей еду, и сколько это будет продолжаться, если она не найдет ему приличную и подходящую невесту сразу.

Он заехал в супермаркет и купил все необходимое для поездки в

пустыню: дерево для очага, теплые ковры, уголь, молотый кофе и несколько больших бутылок воды. Он также купил DVD для сына, учебник по макияжу для жены, духи *Miss Dior* для старшей дочери и чипсы с уксусом и солью для младшей. Малышка обожала чипсы, а он любил дарить ей всякие мелочи. Маленьких детей легко порадовать, да и обходится это дешевле. Теперь он мысленно подсчитывал, какую сумму ему нужно отложить для новой жены, и не придется ли покупать продукты еще и для нее.

– Я решил заняться соколиной охотой, – заявил Саад Худе. – В эти выходные я еду в пустыню, чтобы выбрать хорошего сокола. Тебе что-нибудь нужно? Съезди куда-нибудь с детьми и передавай привет своей маме.

В четверг Саад встретился со свахой и изложил ей свои пожелания. Он хотел женщину высокую, светловолосую и пышную, но с тонкой талией. Он особо отметил, что отвисший после беременности живот его не устроит.

– Но и худышка мне тоже не нужна, – объяснил он свахе. – Мне нравятся женщины с формами. И пусть она не звонит и не пишет мне. Я счастлив в браке, но хочу насладиться последними годами молодости. У меня уже есть дети, новых не планирую, пусть она имеет это в виду. Он пытался одновременно оправдаться и объяснить ситуацию. Наверняка большинству женщин нужно одно и то же. Есть ведь те, которые просто хотят быть с мужчиной, не нарушая божьи заповеди. У них уже есть дети, и теперь им хочется просто получать удовольствие.

– Женщины выходят замуж, чтобы устроиться в жизни. А вам хочется короткой интрижки, – ответила сваха. – Ни одна хорошая семья не столкнет свою дочь в эту пропасть. Какие гарантии вы можете предоставить?

Она смотрела на него без улыбки. Он нервничал и начинал раздражаться.

– Все так поступают. А вы выставляете меня злодеем. Я слышал, аристократия постоянно так делает. А в ваших глазах я выгляжу как какой-то негодяй.

Он чувствовал себя виноватым, на лбу выступили капли пота.

– А вы бы отдали свою дочь за такого человека? – спросила сваха. – За того, кто открыто говорит, что не хочет брать на себя ответственность и будет приходить и уходить, когда вздумается?

Она испытывала его терпение. Саад решил, что, может быть, у нее вообще нет на примете никаких невест, или она хочет больше, чем он согласен заплатить. Она была жадной и наверняка желала много подарков и денег. Может, он привез ей мало продуктов? Он вытер лицо платком, и

поединок продолжился. Действительно, страшно представить, что такое когда-нибудь случится с его четырехлетней дочерью. Она была настоящим ангелочком – гораздо приятнее, чем шалуны-мальчишки. Она радовалась любым его подаркам, а мальчики были вечно недовольны.

Он продолжал спорить, оправдываться и объяснять свахе свою ситуацию: он мог быть хорошим мужем, пусть и только по выходным. На этом они расстались. Сваха пообещала, что попытается подыскать ему подходящую невесту. Его переполняли сомнения и чуть ли не отчаяние, как будто он уже посватался к кому-то, и ему отказали.

Он вспомнил филиппинку из бахрейнской кофейни, где он иногда бывал. Женщина всегда улыбалась ему и рассказывала, какие вкусные фрукты растут в ее родной стране. Вдруг это был тайный намек? Она была красива, и, возможно, хотела бы встречаться с ним, но он стеснялся ее спросить об этом. Да и в Бахрейн он ездил только раз в несколько недель, на выходные. К тому же, она наверняка была ревностной католичкой. Если бы он мог уговорить ее перейти в мусульманство! Это был бы отличный вариант, если у свахи ничего не выйдет.

Он продолжал ездить в пустыню, и не только ради алиби: ему на самом деле понравилось тренировать соколов и общаться с друзьями. В молодости он занимался с соколами, и быстро восстановил навыки. Однажды он даже взял с собой сыновей, и им очень понравилось это занятие. Худа расстроилась, когда мальчики вернулись домой исцарапанные, как будто столкнулись с перекасти-полем в пустыне, и все в песке – песчинки набились даже в уши.

– Им целую неделю придется мыться каждый день, чтобы смыть с себя весь этот песок, – сетовала она.

Сааду было все равно. Сыновья отлично провели время с отцом, а ведь Худа все время жаловалась, что он не уделяет детям достаточно внимания. Он попытался, и теперь она его пилит и говорит, что дети – это ее дело, он подает им дурной пример, и вообще сам ведет себя как безответственный ребенок. Супруг придержал язык, но про себя подумал, что большая часть его зарплаты уходит на хозяйство, школу и отпуска, а ему самому почти ничего не остается. Его единственным развлечением был сон и встречи с друзьями в *меджлисе*, где можно было покурить, поболтать и поесть. Ему еще сильнее захотелось иметь что-то свое – собственную «жену выходного дня».

Через несколько недель, когда он работал с документами в офисе, позвонила сваха.

– Кажется, я нашла вам невесту, – сказала она. – Она на несколько лет

моложе вас и идеально соответствует вашим предпочтениям.

– Кто она?

– Вдова. У нее есть дом, но никаких источников дохода. Ее родители умерли, а оставшаяся родня не может ее содержать. Детей у нее нет и не будет: недавно ей удалили матку. Она ищет мужчину, который будет поддерживать ее материально и удовлетворять ее физические потребности. Она одинока и совсем недавно попала в мой список кандидаток.

– Наконец-то, – подумал он. Идеально. Лучшего и желать нельзя. Он затаил дыхание. Кровь бурлила. – Как часто она хочет меня видеть?

– Это вам решать. В среднем, я думаю, пару раз в неделю, – сваха выделила голосом слово «в среднем». Саад понял, что она шутит.

– А если она мне откажет? – Он дрожал. Долгое ожидание ответа от свахи ранило его самолюбие. Даже друзья уже отчаялись кого-то ему найти. Они могли предложить ему только сморщенных старух или юных авантюристок, которые сначала опустошат твой банковский счет, а потом потребуют продать ради них руку, ногу и почку.

– Не откажет. Вы будете удивлены. Многие мужчины говорят об этом, но мало кто решается. Она согласится, но не подведете меня. Не злоупотребляйте чужой слабостью. Помните о Боге и бойтесь его гнева, если обидите такую женщину. Не забывайте, у вас самого есть дочь.

– Не забуду, – ответил Саад.

– Кстати, она из Джидды. Вы хотели женщину из другого района, а эта вообще с другого конца страны. Ваши родные никогда ее не увидят, и вашему браку ничто не угрожает. Я отвезу вас к ней. Помните, когда вы будете передавать ей подарки, я сама выберу себе плату.

– Конечно, – сказал Саад.

На следующий день Саад встретился с друзьями в пустыне. Приближалась зима, и все готовились к выездам на охоту и рыбалку. Обычно ездили в Алжир, Судан, Ирак, Таджикистан или вообще в Африку. Охота и рыбалка были популярными занятиями среди местных мужчин – привычкой, от которой трудно отказаться. Добыть газель или вытащить сеть, полную рыбы – это приятное волнение мог понять и оценить только истинный рыбак или охотник.

Как ни странно, сам процесс – прицелиться, нажать на спусковой крючок и увидеть, как падает наземь добыча – успокаивал и обладал особым гипнотическим очарованием. Он был совсем не похож на повседневные дела, например, на «надо подыскать новую горничную, потому что у старой умер кто-то из родственников, и ей пришлось срочно уехать», или «ваш сын плохо вел себя в школе, и вас вызывают к

директору». Можно быть пещерным человеком и никто не будет ворчать, если сокол, борясь с пойманным фазаном, поранит тебя когтями. Можно быть беззаботным ребенком на детской площадке, одерживать победы и радоваться им вместе с товарищами.

В следующий четверг после работы Саад сказал Худе: «На этой неделе моя первая охота. Сегодня вечером я уеду в пустыню и вернусь в субботу».

Худа пожелала ему удачи. – Кажется, она совсем по мне не скушает, – подумал Саад. – Когда мы перестали быть мужем и женой и стали жить как брат и сестра?

И правда... Уже давно он зарабатывал деньги, она вела хозяйство, и только.

Вечером в четверг сваха отвезла его в Джидду, знакомиться с Найвой. «Она станет вам идеальной парой», – заверила она его. Она уже видела Найву и всю дорогу рассказывала, какие замечательные сладости приготовила ему невеста. Она так восторженно об этом говорила, что Саад боялся растолстеть из-за новой жены.

Внешне Найва соответствовала всем его ожиданиям. Она выглядела лет на десять, если не на пятнадцать моложе своего возраста. Она была высокой, светловолосой и хорошо сложенной. Отсутствие детей позволило ей сохранить фигуру. Она казалась опрятной, спокойной и милой, немного застенчивой, но это им не помешало. Он сам болтал о поездках на охоту и детских воспоминаниях, она рассказывала о прочитанных книгах, смешных сериалах, которые снова начали показывать после Рамадана, и о множестве забавных мыльных опер. Она пообещала готовить ему ужины, когда бы он ни приехал. С ней было хорошо и интересно. Она его не спрашивала о жене, но он честно сообщил, что женат и счастлив в браке, хотя они с женой живут, скорее, как брат и сестра. Он не бросит ее из-за детей. Они договорились пожениться утром, в присутствии священника-шейха. Все было прекрасно.

На следующий день мечта Саада исполнилась. Он не знал, как давно умер муж Найвы, но она явно не забыла, как доставлять мужчине удовольствие. Она была оазисом в пустыне, и он упивался ее красотой. Он не мог поверить своей удаче. Она была нежной и заботливой, а в ее «саду» он чувствовал себя быком. Ему нравилось, как она готовит, и он наслаждался каждой минутой, проведенной с ней.

По дороге домой Саад купил Худе подарок, чтобы заглушить чувство вины.

– Похоже, твой сокол хорошо себя показал, – заметила Худа, рассматривая браслет с драгоценными камнями, который он купил для нее

в аэропорту.

– Да, хорошо, – сказал Саад.

– Он быстрый?

– Быстрый и выносливый, – ответил Саад, гордясь собой. – Но мне нужно лучше его тренировать. Он молодой и не всегда меня слушается. Надо быть с соколом одной командой, иначе он станет неуправляемым.

На работе Саад чувствовал себя на удивление уверенно. Все как сказала сваха: многие мужчины об этом говорят, но кто из них на самом деле решается на такой шаг? Он словно заново родился! Все заметили, какой пружинящей стала его походка. Те, кто годами не просил у него совета, вдруг начали подходить к нему в коридоре и интересоваться его мнением. Говорили, что он держится как принц и сияет как солнце. Не будь он уже женат, коллеги решили бы, что он влюбился.

Когда бы он ни позвонил Найве, она брала трубку. Он был взволнован и звонил, пожалуй, слишком часто, хотя и старался себя сдерживать. Он словно бы выпил из волшебной чаши молодости. Новое, более сильное пристрастие заменило ему все прочие радости. Наконец-то он жил полной жизнью!

Саад, как обычно, слетал на встречу в Бахрейн, но на этот раз его переполняла энергия. Даже официантка в кофейне заметила, что он держится уверенней, и впервые завязала с ним разговор.

– Вы же работаете в правительстве? – спросила она.

– Да, – с улыбкой ответил Саад.

– Хорошо, когда в правительстве сидят такие добрые и честные люди, как вы, – сказала официантка, отдавая ему сдачу. – У меня на родине в правительстве слишком много коррупции.

– Спасибо, – сказал Саад, даже не пересчитав сдачу.

– А кем вы работаете? – спросила девушка.

Саад попытался описать свою работу как можно внушительнее.

– Я занимаюсь планированием. Без меня и моих коллег не состоялся бы ни один строительный проект.

Официантка тепло улыбнулась ему, а он оставил ей больше чаевых, чем обычно. «Наверное, я мог бы заполучить эту девушку, – подумал он, и тут же вспомнил о Найве. – Но теперь мне это уже не нужно». Он был уверен в себе, как король.

Следующее свидание с Найвой было уже не таким волнующим, как первое. Не хватало загадки и предвкушения первой встречи, трепета первого свидания и волнения первого разговора. Найва как будто уже не так старалась ему понравиться. «Прошлый раз был для нее вроде

кастинга», – пошутил про себя Саад. Но все-таки они потрясающе провели время. Саад мог быть собой, и Найва явно ценила его внимание. Они оба были одиноки и, наконец, нашли друг друга.

Когда он вернулся домой, они с Худой тоже занимались любовью.

«Ты прямо помолодел с этой соколиной охотой, – шутливо заметила Худа. – Может, тебе еще раньше стоило ею заняться».

Две женщины за один день! Он чувствовал себя как чистокровный скаковой конь и представлял себя Гарун Аль-Рашидом – великим султаном прошлого, обладателем гарема из самых красивых женщин. Потом он вспомнил о турецком султানে Сулеймане, его многочисленных женах и гареме с экзотическими красавицами из разных земель. При желании он мог бы взять себе сразу нескольких жен, купить дом и устроить там свой собственный гарем. Но это слишком большая ответственность и опасность, да и женщины стали бы соперничать за его внимание. Нет, такого ему не нужно. К тому же он не мог позволить себе столько детей и связанных с ними забот: расходов, болезней, прививок, семейных поездок. Худы и Найвы было более чем достаточно. По крайней мере, пока.

Саад боялся, что вторая жена заставит его разлюбить первую семью, но он зря тревожился. Теперь он был счастливее, покладистей, и все это заметили. Дети звали его играть в настольные игры, а Худа начала спрашивать его мнения по хозяйственным вопросам, которые уже давно привыкла решать сама. Он действительно ощущал муки совести, но его второй брак шел на пользу его близким. Он стал более щедр и внимателен к их желаниям, чтобы как-то восполнить то время, которое проводил вдали от них. Часть времени он посвящал им, часть принадлежала ему и Найве. Все были довольны.

Возбуждение от встреч с Найвой со временем ослабло, как и следовало ожидать. Вторая супруга не стала менее красивой – наоборот, она казалась Сааду все прекраснее. Она же со временем освоилась и уже чувствовала, что стоит ему приготовить, какие ароматы он предпочитает, узнала, какие фильмы ему нравятся и какие цвета в одежде его привлекают. Она сбросила пару килограмм – наверное, из-за их совместного активного отдыха – и ее фигура стала еще лучше. Она не переставала краситься и делать прически. Саад сфотографировал ее косметику и купил ей более дорогие варианты тех же цветов и оттенков. Постепенно Найва стала его идеалом и заслонила в его глазах даже бахрейнскую официантку. Она была его королевой, а он ее королем.

С ней было невероятно приятно заниматься любовью, но юношеское волнение угасло. На смену ему пришло нечто другое – эмоциональная

связь, которой Саад совершенно не ожидал. Шло время, а он все сильнее влюблялся в Найву. Он мечтал проводить с нею дни и ночи. Однажды они поехали ужинать в хороший ресторан, а потом сидели на диване у нее дома и смотрели телевизор. Она заснула у него на руках. С тех пор он постоянно вспоминал эту картину – ее обнаженную шею, когда она, склонив голову, держала его за руку во сне. «О боже, – подумал он, – я влюбился».

Она была хорошей женщиной, никогда не вспоминала при нем о покойном муже, и он тоже не хотел об этом говорить. Он ревновал к памяти, которую хранила об этом человеке его возлюбленная. Ее первый муж умер во сне несколько лет назад. Близких родственников у нее не было, и после его смерти она жила затворницей, выходя из дома только по необходимости. Они с мужем не смогли родить ребенка, и после его смерти она погрузилась в депрессию. Месячные стали нерегулярными, и врачи посоветовали ей удалить матку, потому что это был признак ранней стадии рака эндометрия или шейки матки. Она любила детей, но ей не суждено было родить своих.

Саад гордился своей второй женой, но по-прежнему хотел сохранить их связь в тайне. К чему нарушать идеальное взаимопонимание? Может, когда-нибудь он перевезет ее в Эр-Рияд и снимет ей квартиру поближе к своему дому.

При любой возможности он старался уехать из дома уже не в четверг, а в среду, а по субботам часто возвращался поздно вечером. Как и предсказывали друзья, он находил все новые способы насладиться обществом своей прекрасной возлюбленной. Один друг приглашал их провести выходной в своем доме на берегу моря, другой – в своем шатре посреди пустыни. Однажды он даже привез ее к другу на семейный вечер, и она вела себя так же сдержанно, как и он сам.

Как-то раз ему даже не пришлось придумывать очередной предлог – он в буквальном смысле сам свалился ему на голову. Подтекавший кондиционер повредил крышу их офиса, и как-то в понедельник вечером она провалилась. Из-за летней жары всему офису дали неделю оплачиваемого отпуска, пока крышу не починят. Это был божий дар, и Саад воспользовался своей удачей. Он рано пришел домой и рассказал Худе о том, что случилось. «Я уеду на несколько дней в Иорданию за новым соколом, – сказал он. – К тому же у одного моего друга там дядя, и он думает продать свой Рендж Ровер. Может, удастся купить его подешевле».

Худа, как обычно, не возражала. Пока хватало денег и он, в конце концов, появлялся дома, все было в порядке. Она даже упаковала ему с собой обед. Худа была хорошей женой и матерью, а сам Саад понял, что

все-таки любит ее, хотя она и не привлекала его так как раньше.

Саад принял душ, побрился и собрал вещи, готовясь провести неделю с Найвой. Он уехал сразу после возвращения детей из школы. «Не скучай, папа», – сказали они ему на прощание.

Найва писала ему только в ответ на его СМС-ки. Он решил не предупреждать ее, что приедет. Очень уж хотелось сделать ей сюрприз: это будет настоящий подарок для их расцветающей любви. Он послал ей только одно короткое сообщение: *Мне не терпится увидеть тебя*. Через минуту она ответила: *Мне тоже не терпится тебя увидеть*.

Когда он приехал в Джидду, было уже темно. Подъезжая к дому Найвы, он погасил фары, чтобы она не заметила его раньше времени. Саад припарковался на обычном месте и на цыпочках подошел к двери. Он вставил свой ключ в замок, тихо повернул ручку и только тогда, как обычно, постучал: «Дорогая, я дома!» Затем он распахнул дверь и крикнул: «Сюрприз!»

Смуглый бородатый мужчина, сидевший перед телевизором в пижаме и тапочках, поднял голову и заорал:

– Черт побери, ты кто такой?!

– Я кто?! – рявкнул в ответ Саад. – А ты кто такой?! Мужчина, на несколько лет старше Саада, но бодрый и энергичный, вскочил со стула, как дикий зверь.

– Убирайся из моего дома! – проревел он.

На мгновение Саад решил, что ошибся дверью. «Но почему тогда ключ подошел?» – подумал он. Это была его последняя мысль перед тем как незнакомец ударил его по голове каким-то тупым предметом. Оглушенный Саад опустился на одно колено. Мужчина держал в руке полупустую бутылку с водой и уже поднимал ее, чтобы нанести очередной удар.

– Стой! – закричала Найва, выбежав из кухни. – Стой! Это друг!

– Друг?! – взревел мужчина.

«Друг?!» – подумал Саад.

– Откуда у него ключ? – в ярости спросил мужчина.

Саад с трудом поднялся:

– Потому что я ее муж, идиот.

Мужчина снова замахнулся бутылкой с водой, но на этот раз Саад успел схватить его за запястье, и бутылка вылетела у него из руки.

– Убирайся к дьяволу из моего дома! – рявкнул мужчина.

Эхо его голоса сквозь открытую дверь пролетело через весь дом, отозвавшись с другой стороны парковки. Соседи Найвы уже вызывали полицию.

– Это ты убирайся, – крикнул Саад. – Скажи ему, Найва!

Мужчина взглянул на Найву:

– О чем он?

– Этот человек бил тебя? – спросил Саад Найву. – Ты бил ее?! – закричал он на незнакомца.

– Нет, но тебя я точно побью, – сказал мужчина, хватая подсвечник с комода за диваном. – Ты у меня кровью умоешься!

– Ахмед, стой! – закричала Найва, повиснув у него на руке.

– Ты знаешь этого человека? – спросил Саад. – Говори, знаешь?!

Он взглянул на обоих. Найва держала мужчину за руку так же, как держала Саада, когда заснула, сидя рядом с ним на диване. Голова у Саада раскалывалась, но он не чувствовал боли. Он молился, чтобы этот человек оказался ее братом, но как себя вести в этой ситуации – он не знал. Саад чувствовал только выброс адреналина, его ревность достигла опасного уровня, а руки, которыми он все еще удерживал незнакомца, горели. Но сильнее всего была сердечная боль. Он хотел понять, что происходит.

Приехавшая полиция выяснила, в чем дело. Найва была замужем за другим мужчиной, Ахмедом. Он был авиатехником и зарабатывал хорошие деньги, работая по выходным и праздникам, в дни самых оживленных авиаперевозок. Тогда и приехал Саад. Ахмед бывал дома по понедельникам и вторникам, когда Саад работал. Они уже давно были женаты, но не могли родить детей. Когда Найве удалили матку, ее свекровь, с которой они никогда не ладили, уговорила Ахмеда взять в жены ее незамужнюю родственницу в качестве второй жены. Найва не смогла простить ей такого оскорбления. Она потребовала развода, но Ахмед не согласился и продолжал жить с ней, хотя и редко ее видел. Она считала себя в разводе, потому что по исламским законам, если муж не спит с супругой более шести месяцев и не содержит ее, она официально считается разведенной. Но она должна подать на развод и предъявить доказательства, прежде чем решиться на столь дерзкий поступок, как брак с другим мужчиной.

Найва коварно вступила в *мисьяр* с Саадом ради выгоды и обоюдного удовольствия. Тогда она уже была замужем за Ахмедом, и этот союз не был расторгнут, так что ее арестовали и заключили под стражу за попрание института брака.

Звездный час Найвы настал в суде. Защищая себя, она заявила, что просто играла в любимую игру мужчин, которые изменяют своим женам и живут в глупой уверенности, что любая женщина будет рада жить с ними в статусе почетной проститутки. Суд признал ее виновной в полигамии,

которая наказывалась тюремным заключением до двух лет, но смертная казнь ей не грозила, поскольку были основания объявить оба брака недействительными. Саад пришел на заседание и просил суд помиловать женщину, которая предала его.

– Почему вы ее защищаете? – спросил судья.

– Потому что я – пострадавшая сторона, – ответил Саад. – И потому... – У него перехватило горло, и он на секунду замолчал и сделал глубокий вдох. – И потому... – сказал он наконец, – ...потому что я люблю ее.

Плата за любовь

Я очень люблю мужчин с чувством юмора. С Аднаном мы познакомились на первом курсе университета в Йемене. Он был веселым и остроумным, и сразу проявил ко мне интерес. Я же ответила взаимностью. Мне очень хотелось показать ему, что я стремлюсь к серьезным отношениям, которые должны закончиться браком.

Моя семья принадлежала к рабочему классу. Я была среднего телосложения, с вьющимися каштановыми волосами до плеч, карими глазами и орлиным носом. Всегда одевалась в пастельные тона: мне казалось, что даже если у меня выдастся неудачный день, светлые оттенки всегда поднимут мое настроение и успокоят. В университете я хорошо училась и помогала другим студентам на специальных занятиях. Тогда и расцвели мои нежные чувства к однокурснику Аднану. Его обаяние и доброта сразу бросались в глаза, их было невозможно забыть. Мне нравилось сидеть рядом с ним и слушать, как он отвечает на занятиях и разговаривает с товарищами. Мы постоянно искали все новые поводы для общения и совместной работы, и было ясно, что между нами вспыхнула настоящая любовь.

Он был йеменцем, как и я, а значит, понимал наши традиции. Я объяснила ему, что если он хочет контролировать мою жизнь, мой круг общения, манеру одеваться и стиль жизни, нам нужно заключить брак. Аднан оказался не только веселым, но и очень внимательным. Его дядя приехал к нам домой, чтобы сделать официальное предложение и получить разрешение на нашу помолвку. Решили, что, если все пойдет хорошо, мы поженимся после университета. Когда речь заходит о браке, приходится так или иначе думать о деньгах. Жизнь редко бывает легкой, особенно для двух молодых людей, каждый из которых только начинает свой путь. Но я верила в Аднана и мечтала о будущей жизни с ним. Этот брак должен был стать для нас «хэппи-эндом», и я была готова сделать для этого все возможное.

Однажды мы с подругой ходили по магазинам, готовясь к ее помолвке, и случайно встретили родственника ее жениха. Как ни странно, это был дядя Аднана – тот же самый, который приезжал к моим родителям! Я удивилась и спросила, какое родство их связывает. Аднан был родом из южного Йемена, а я из северного, но меня поразило то, что мой жених – родственник жениха моей подруги, и оба они из одного племени.

Оказалось, что подруга знает этого «дядю» под тем же именем, что и наша семья, но под другой фамилией. Возникло множество вопросов, и ни одного ответа. Я ничего не понимала, напряженно ожидая объяснений; я начинала злиться. Когда тебя обманывают, трудно не закипеть от ярости. У меня в памяти всплыло множество историй о фальшивых помолвках и о мужчинах, разбивающих женские сердца. Меня переполняли сомнения. Я вспоминала долгие разговоры, в которых Аднан горько сетовал на свою бедность и на то, как трудно найти деньги на свадьбу, не говоря уже о семейной жизни и детях, которые, даст Бог, появятся.

В университете я подошла к Аднану и потребовала объяснить, что происходит. Зачем он выдал постороннего человека за своего дядю и хитростью заставил меня поверить в серьезность своих намерений? Зачем он солгал мне?! Пора было прояснить ситуацию или разорвать отношения. Я засыпала Аднана вопросами. Все это напоминало откровенный обман с вполне понятной целью – заманить меня в ловушку. Похоже, Аднану нужен был флирт, а не брак. Неужели он просто пытался придать законный вид нашим отношениям, прекрасно зная, что короткая случайная связь не для меня? Я была согласна только на брак, как любая уважающая себя девушка в нашей стране. Мужчина и женщина не могут и не должны дружить и встречаться без официальной помолвки.

Аднан извинился и попытался восстановить потерянное доверие. Он объяснил, что его ретроградная семья не позволила бы ему жениться на девушке свободных взглядов, потому он и попросил своего друга выдать себя за его дядю. При всей моей скромности он назвал меня «девушкой свободных взглядов», потому что я не носила хиджаб, ходила в университет с совместным обучением и общалась, пусть и очень сдержанно, с коллегами и однокурсниками мужского пола. Его культура, традиции и нормы поведения были мне чужды. Высказав все это, Аднан заявил, что он не такой, как его родственники, и ему все равно, что они подумают. В будущем он рассчитывал заработать достаточно денег, чтобы жить самостоятельно и без помощи родных устроить приличную свадьбу и достойно содержать нас обоих.

Несколько недель я не разговаривала с ним и не отвечала на его звонки. Он говорил, что любит меня и готов на все. Не знаю, то ли я действительно поверила в искренность его слез и отчаяния, то ли просто не могла представить себе жизнь с другим мужчиной. Моя бабушка говорила, что в раю мы будем рядом с тем, о ком мечтаем, а для меня он был и раем, и мечтой. Я знала, что люблю его до безумия, вопреки здравому смыслу. Я засыпала, представляя его рядом с собой в постели, и просыпалась в

слезах, если ночью мне снилось, что он умер. Для меня это было трагедией.

В конце концов, мы снова стали встречаться, и Аднан пообещал, что нормально посватается ко мне сразу после окончания университета. Я простила его, и моя любовь только усилилась. Он стал ко мне еще внимательнее, говоря, что смертельно страдал в разлуке. Через несколько месяцев я получила диплом бухгалтера и сразу же пошла на курсы повышения квалификации, чтобы шансы найти в будущем работу возросли.

Аднан закончил университет одновременно со мной, но вскоре мы стали созваниваться и встречаться все реже и реже. Я не понимала, в чем дело, и поделилась с ним своими страхами. При личной встрече он расстроено сказал мне, что у него нет денег на свадьбу и ему стыдно говорить со мной. Кроме того, у него были проблемы в семье: их машину сожгли во время последних забастовок и беспорядков в Йемене.

Я постоянно думала о том, как помочь своему Аднану исполнить нашу мечту. Я устроилась на постоянную работу, а по вечерам, несмотря на усталость, давала уроки, но мне не удавалось откладывать достаточно денег. Учить детей и студентов было тяжело, тем более что на основной работе мне целыми днями приходилось заниматься деловыми и частными счетами, а также налогами наших клиентов. Как-то раз мы с Аднаном в шутку стали придумывать способы заработать денег, и он мимоходом заметил:

– Единственное, что мне остается, если я хочу быть с тобой – это продать себя в рабство или отдать кому-нибудь свою почку.

Так и родилась моя безумная идея.

Сначала я посмеялась над этими мыслями, а потом начала обдумывать этот вариант. Это было рискованно, но любовь – тоже риск. Это опасно, но я всегда была смелой. За предыдущее время я перебрала все возможные варианты выйти замуж за человека, с которым мне хотелось создать семью и прожить жизнь. Он был моей единственной любовью, а я – его. Наконец мы сможем быть вместе. Все остальное казалось далеким и неважным.

Я начала наводить справки. Когда я впервые заговорила об этом с Аднаном, он сказал, что я сошла с ума: многие люди умирали после удаления почки, потому что организм не справлялся. Другого пути у нас не было, но Аднан не мог пойти на это самостоятельно из-за своей работы, которая требовала физического здоровья. Я же ответила, что если мне придется сыграть в наших отношениях мужскую роль, я возьму себя в руки и сделаю это. Он до последнего не верил, что я решусь, но не мешал мне планировать, что мы сделаем с деньгами, вырученными за мою почку. Я была влюбленной, смелой, безрассудной и упрямой. Мне казалось, что это

самый быстрый способ поправить наши дела и приблизить счастливый момент свадьбы с моим сказочным принцем.

Когда я решилась на эту жертву, Аднан окружил меня любовью, но я понимала, что все нужно сделать быстро, чтобы разногласия между нашими семьями не помешали свадьбе.

Я взяла паспорт, пришла в больницу и заявила, что готова отдать свою почку за вознаграждение. Трясущимися руками я подписала согласие, которое начиналось словами «Я согласна продать/пожертвовать свою почку». Операция должна была состояться через неделю. Множество людей жили на диализе и медленно угасали, борясь со смертью и ожидая спасения – донорской почки. Я вдруг осознала, что если моя оставшаяся почка перестанет работать, я могу оказаться в той же ситуации: у меня в организме будут накапливаться токсины, я буду страдать и каждую неделю ложиться в больницу на многочасовую процедуру диализа. Но у меня было крепкое здоровье, я никогда серьезно не болела, а потому надеялась, что до этого не дойдет.

Подписав согласие на продажу почки, я стала молиться усерднее, чем обычно. Я боялась смерти. Я вообще всего боялась, но любовь вела меня к цели. Я ничего не сказала родным, потому что они, конечно, попытались бы остановить меня. Через неделю я легла на операцию. Аднан стоял рядом, держа меня за руку. Вскоре я глубоко заснула, а через несколько часов очнулась, сонная и ничего не соображающая. Дело было сделано. Я ничего не почувствовала.

Мою почку продали 53-летнему мяснику. Ранее он ездил за почкой на Филиппины, но произошло отторжение. Он вернулся домой, в Йемен, надеясь, что ему больше повезет с почкой от местного донора. Может, на этот раз орган все-таки приживется. Он был хорошим человеком, занимался благотворительностью и помогал многим бедным семьям. Этот человек отдавал излишки мяса на похлебку для сирот, чтобы они хотя бы раз в день ели досыта. Я ощущала, что, отдав почку достойному человеку, сделаю доброе дело. Это успокаивало, когда меня одолевали мрачные мысли.

Родственники мясника пришли ко мне в палату и отдали банковский чек. Они сказали, что теперь я им как дочь, а внуки и внучки мясника целовали мне руки и называли сестрой. Было приятно подарить жизнь человеку, которого любит так много людей. Я представляла, как однажды и мы с Аднаном тоже когда-нибудь будем окружены своими внуками.

Аднан навестил меня в больнице, но сказал, что боится больных и умирающих, чувствуя себя не в своей тарелке.

Он плакал, как ребенок, а у меня не было сил его успокаивать. Я отдала ему чек, и он долго говорил, что это начало нашего счастья, фундамент нашего дома, и он до конца жизни будет мне благодарен.

Когда он ушел, меня начали мучить кошмары. Я надеялась, что меня выпишут в тот же вечер, но у меня поднялась температура, и пришлось остаться в больнице. Я вернулась домой только на следующий день и сказала родным, что почувствовала себя плохо от переутомления и заночевала у подруги. Но дома в кровати я пролежала две недели. Аднан не звонил мне, а я либо спала, либо металась в бреду и не могла узнать, что с ним. У меня не было денег на телефоне, а мой организм пытался приспособиться к жизни с одной почкой. Мои родные думали, что я умираю. Я так и не открыла им причину своей «болезни», боясь, что они возненавидят Аднана или подумают, что я сошла с ума от отчаянного желания быть с ним.

Немного окрепнув, я приехала к нему домой и постучала в стеклянную дверь. Он жил с родителями и четырьмя братьями, и я надеялась, что его близкие не станут подходить к двери. Мне просто хотелось узнать, где человек, ради которого я рисковала жизнью. Почему он не звонит, не навещает, не пытается узнать как у меня дела? Почему он, в конце концов, не пришлет друга или родственника, чтобы официально попросить моей руки?! Такую задержку невозможно было оправдать ничем. Может, он выбирает кольцо, подумала я. Но мы уже давно выбрали кольца. А также имена для нашей собаки, детей и даже внуков, если они появятся. Раньше мне казалось, что мы понимаем друг друга, но теперь я его вообще не понимала. Я была слаба и беспомощна всем сердцем желая, чтобы он заботился обо мне. У меня слезы наворачивались на глаза, но я решила не плакать, пока не узнаю, где он был все это время и почему не приходил ко мне.

Дверь открыла молодая девушка, маленького роста, пухленькая, с круглыми глазами и носиком-кнопкой. У нее была светлая кожа и родинка над верхней губой. Ее волосы были спрятаны под тюрбан, и я не понимала, кто это – домработница или родственница, пришедшая помочь по хозяйству: она была одета по-домашнему и явно была здесь своей. На мне была длинная белая юбка и легкий жакет, потому что я все время мерзла. Она же была одета во все цвета радуги и смотрела на меня так, будто я шпионка или торговка, продающая приправы или сладости.

– Могу я увидеть Аднана? – смущенно спросила я.

– А зачем вам понадобился мой муж? – холодно ответила она.

– Я... э-э-э... Что это значит? Когда?

Это было страшно. Страшнее, чем потерять почку и оказаться в могиле. Я задрожала и оперлась о стену.

– Прошу вас, помедленнее. Мне нужно разобраться. Где Аднан?!

Это был сокрушительный удар. Мне казалось, что он раздавит мое тело и душу, как валун, сорвавшийся с горы. Я была поражена и ничего не понимала. В конце концов я зашаталась и лишилась чувств.

Все произошло на глазах у соседей. Женщина захлопнула дверь, и до меня донеслись крики и ругань. Соседи занесли меня к себе в квартиру, но и там я слышала приглушенные крики: похоже, женщина звонила своим родным и моему Аднану, чтобы прояснить ситуацию. Соседи рассказали мне, что Аднан нашел работу за рубежом, и работодатель заплатил ему за месяц вперед. На эти деньги Аднан сыграл свадьбу со своей дальней родственницей.

Меня одурачили. Никакого работодателя не было: Аднан получил деньги за мою почку и женился на другой. Он был помолвлен с ней с первого курса университета. Его семья не одобряла независимых девушек вроде меня, которые учились и работали вместе с мужчинами. Они бы никогда не позволили ему жениться на мне. Он убедил меня, что его намерения серьезны и в конце концов все у нас будет хорошо. А вместо этого забрал мои деньги и продал мою любовь.

Вуду в Нью-Йорке

Утром стационарный телефон на мраморном пьедестале зазвонил. Марьям, беременная первым ребенком, взглянула на аппарат с подозрением. Она давно просила мужа, Халифу, установить определитель номера, но он был слишком занят своими исследованиями – он писал в Нью-Йоркском университете диссертацию по архитектуре и городскому планированию на Ближнем Востоке – и отложил дело с телефоном на пару недель. Марьям, разозлившись, сама позвонила в телефонную компанию и попросила подключить услугу, но ей сказали, что это займет несколько дней.

Телефон снова затрезвонил. Это был не Халифа – он бы позвонил на мобильный. Может, это звонила мама из-за границы, или коллега Халифы с работы? Может, это по поводу квартиры, или коммунальных счетов? Или пора забирать одежду из химчистки... Может, даже кто-то из новых знакомых, с которыми она ходила на йогу. Марьям решила взять трубку. Почему во время беременности каждое движение дается с таким трудом?

Это был он. Незнакомец.

– Мне надо с вами поговорить. Пожалуйста. Я не хочу вас пугать, но...

Марьям повесила трубку и глубоко вдохнула, как учили на йоге. Вдохнуть и выдохнуть, медленно, до конца. Через пару дней у нее будет определитель номера, и она больше никогда не услышит этого голоса.

Незнакомец говорил по-английски с таким акцентом, как будто был родом откуда-то с Персидского залива. Она хорошо знала этот акцент. Приглушенный голос звучал сипло и грубо. А может, дело не в голосе, а в характере? У беременной женщины нет сил об этом задумываться. Лучше тихо прекратить весь этот спектакль, без споров, без ругани, без объяснений. Просто повесить трубку.

Она боялась, вдруг это какой-то мошенник, из тех, кто делает деньги на чужих телефонных разговорах? Но ведь это не она ему звонила, а он ей, так что платить должен он. Правда, наверняка есть способы тайно переписать расходы на нее. В мире тысячи технических гениев, которые предпочитают обирать честных людей, вместо того чтобы направить свои таланты на что-то стоящее. Где все простые ранние пташки, работающие от звонка до звонка, и откуда в мире столько хакеров, мошенников и шарлатанов? Куда подевались все, кто мечтал трудиться на благо будущих поколений?

– Мне надо с вами поговорить, – прошептал он. – Вы одна?

Его тон был серьезным, а новости, которые он желал сообщить, судя по всему, срочными. Она немного помедлила и тихо положила трубку.

Что бы он ни сказал, у нее точно поднимется давление, а до предполагаемой даты родов еще несколько недель. Вдруг ей придется выхаживать недоношенного младенца? Она читала, что чем дольше вынашиваешь ребенка, тем крупнее и здоровее он родится.

Она слегка похлопала себя по животу. Голос незнакомца звучал слишком угрожающе. А она боялась не за себя, а за ребенка. Это адреналин, гормон «бей или беги»: если ты сильный – бьешь, если слабый – убегаешь. Марьям почувствовала, что от его встревоженного тона у нее участился пульс и ее охватили дурные предчувствия. Она уже не понимала, чего именно ей опасаться. Иногда эмоциональный стресс сам по себе может вызвать преждевременные роды, а ей еще рано рожать. Халифа придет домой только часа через два, не раньше.

Трудно было поверить, что что-то может случиться с ней дома, в квартире на пятьдесят втором этаже небоскреба в Верхнем Ист-Сайде – фешенебельном районе Нью-Йорка. Они с мужем переехали сюда год назад, вскоре после свадьбы. Их брак был устроен родственниками, но оказался удачным. Впрочем, счастье всегда требует настойчивости. Ведь отношения – это постоянная работа, особенно когда один из партнеров ослаб или опустил руки, а другому остается только память об ушедших счастливых днях.

Смотря в окно, она чувствовала себя на вершине мира, воспринимая все по-новому, с высоты птичьего полета. При взгляде вниз, на улицы, ее словно обволакивала необычная атмосфера огромного города – манящее обещание новой жизни в мегаполисе, который весь мир по-доброму называет «Большим Яблоком».

Нью-Йорк оказался больше и прекраснее, чем она себе представляла. Никакой фильм не способен передать дуновение свежего бодрящего бриза, когда гуляешь по парку, или вид белки, юркнувшей мимо тебя на огромное дерево, которое кажется старше, чем твои дед и бабка. Нежное касание снега, который опускается на твою ладонь и сразу тает. Тихий хруст льда от замерзшей слякоти под ногами. Зимы, в которые не наденешь босоножки или модные туфли на каблук. Никто не расскажет тебе об этом, да ты и не поймешь. Только время и опыт могут помочь проникнуть в атмосферу многолюдного города, который никогда не спит.

Марьям было приятно лнуть к мужу в поисках любви и тепла, а еще приятнее, что он не воспринимал это как навязчивость или покушение на

его свободу. Она улыбалась и краснела от тайного удовольствия, о котором он ничего не знал, – от удовольствия ходить с ним рука об руку. Это часть американской культуры, думала она и училась новому, наслаждаясь, выбирая из этого стиля жизни то, что ей нравилось.

Она знала, что такое небоскребы, но небоскребы Нью-Йорка были огромными как горы, и их населяли люди со всех шести континентов. Десятки тысяч людей жили и работали в этих зданиях, и каждый день она видела в своем доме новые лица. Каждый день заново открывала знакомые места, встречая новых людей, – это было увлекательное приключение, хотя порой ей не хватало ощущения уюта, когда изо дня в день лица вокруг одни и те же. Здесь не было места расизму или неприязни к чужим религиям, цвету кожи или политическим взглядам, ведь Нью-Йорк – это огромный плавильный котел, где никто не чувствует себя чужим.

Она частенько заходила в «Халяль Гайз» – стоящие чуть ли не на каждом перекрестке фургончики с полезным арабским фаст-фудом, где продавали лучшую шаурму в городе. Здесь она чувствовала себя совсем как дома. Продавцы узнавали ее, бесплатно накладывали лишнюю порцию гарнира и говорили, что в конце концов она обязательно приживется в Нью-Йорке. Молодая женщина молилась, чтобы это произошло поскорее: ей все еще было трудно найти свою нишу, свое место, свою зону комфорта в Большом Яблоке. Но простое и удивительное чувство, что здесь можно пойти куда угодно и найти все что нужно, дарило ощущение свободы. Люди не обращали внимания на твою внешность, неважно, нарядно ты одета или просто. Здесь каждому находилось место, у каждого была своя ниша, своя база. Здесь невозможно было чувствовать себя одиноким – или все-таки возможно? Круглые сутки город жил своей суетливой жизнью. Люди охотно останавливались поболтать на пару секунд, а потом шли по своим делам. Фразы вроде «Сколько вы уже здесь?» и «Откуда вы?» звучали не реже, чем «Как дела?» и «Хорошего дня!»

Однако шли недели, новизна поблекла и стала приедаться, и теперь Марьям ощущала пустоту и неудовлетворенность. Ей не удалось найти среди соседей женщину с такими же жизненными обстоятельствами как у нее, с которой можно было бы встречаться в удобное для обеих время. Халифа был занят своими исследованиями в Нью-Йоркском университете и работой в посольстве, большую часть времени проводя с высокопоставленными гостями и дипломатами. По вечерам он приходил домой совершенно без сил.

Чтобы найти себе подруг, Марьям записалась на курсы английского в ближайший колледж, но все обернулось не так, как она надеялась. Группа

состояла в основном из занятых людей: бизнесменов, переехавших в Нью-Йорк и стремившихся побыстрее выучить язык, иностранных студентов, желающих подтянуть английский перед экзаменами и дипломом, иммигрантов из сферы услуг, мечтающих о повышении. На курсах практически не было таких, как она: домохозяйек, просто пытающихся обжиться в чужой стране и найти новых друзей. Все ее одноклассники пытались куда-то успеть, основать бизнес-империю, что-то открыть, достичь вершин, а ей просто хотелось, чтобы было с кем поболтать за чаем. Ее стремления были слишком приземленными, чтобы кому-то о них рассказывать, так что она просто занималась английским, а потом уходила домой.

Халифа заметил, что у жены усталый вид, и спросил, чем может ей помочь. Марьям рассказала ему о своих безрезультатных попытках завести друзей. Она уже готова была сдаться и опустить руки.

– Мне надоело целыми днями смотреть в окно. Я ни в чем тебя не упрекаю, но ты с утра до вечера занят, а я устала ходить по магазинам, смотреть телевизор и обедать в одиночестве.

Она замолчала, заметив его беспомощный взгляд. Он ничем не сможет ей помочь, только будет зря мучиться чувством вины. Еще не договорив, она уже знала, каким будет его ответ: не стоило продолжать этот разговор. Она осеклась, на больших карих глазах выступили слезы.

Халифа обнял ее. Несколько минут они молчали. Он не знал, как помочь жене. Вечером, приходя с работы, он хотел отдохнуть, а теперь кроме бесконечных забот на службе его ожидали и домашние проблемы. В его тихой гавани разыгралась буря. Марьям пробормотала что-то – он не расслышал и не понял, что именно она хотела сказать.

– Пожалуйста, не плачь, – сказал он, и нахмурился, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Давай сходим куда-нибудь. Нет, подожди, уже поздно. А я-то собирался пройтись с тобой по магазинам.

Это всегда ее радовало, но Нью-Йорк – не Саудовская Аравия, где магазины и базары открыты с утра до позднего вечера.

– Дорогая, у меня друг, и он женат. Тебе стоит познакомиться с его женой – уверен, вы с ней подружитесь.

Чтобы развлечь Марьям, Халифа познакомил ее с женой своего друга, Махой, тоже арабкой. Те же традиции, культура, привычки, язык и акцент – вот и все, что знал о ней Халифа. Да еще то, что она из богатой семьи и замужем за одним из его коллег. По сути, Маха принадлежала к тому же кругу, что и Марьям, только была родом из другого арабского государства. Небольшого роста, смуглая и полноватая, Маха хорошо выглядела для

своего возраста: округлое миловидное лицо, маленькие пухлые ручки с длинными покрашенными ногтями, на которых сверкали наклеенные кристаллики, густые темные волосы. Она была очень энергичной и всего на несколько лет старше Марьям. Маха говорила на родном диалекте Марьям и с ней было приятно поболтать о жизни, которая окружала саму Марьям в детстве и юности. Однако Маха была очень прагматичной и вела себя порой чересчур свободно. Обычно она держалась спокойно и учтиво, но иногда ни с того ни с сего начинала сетовать на друзей мужа, которых она называла «паразитами». Махе казалось, что ее муж тратит слишком много времени и денег на своих «друзей-лизоблюдов», и от этого страдает и он сам, и она. Ее супруг получил свою должность по социальному статусу и был зачислен в университет; но не ходил ни на работу, ни на занятия – разве что в самых крайних случаях.

Были у новой знакомой и другие черты, которые раздражали Марьям; вроде бы ерунда, мелочи, но из них складывалась крайне неприятная картина, которая ее смущала. У Махи в ее пентхаусе на Манхэттене было очень много прислуги, но все равно в доме почему-то царил бардак. Может быть, как раз из-за толп слоняющихся без дела слуг. Кое-что вообще представляло сложности для восприятия и не лезло ни в какие ворота. Над дверью своего пентхауса Маха повесила блестящие украшения из фольги; на дорогих диванах попадались пятна от вина и кофе; перед камином в середине мая стоял светящийся электрическими огоньками снеговик. В доме было грязно, и прежде чем сесть на стул, Марьям приходилось стряхивать с него сигаретный пепел и убирать разнообразный мусор: разбросанные учебные тетради или какие-то документы. В холодильнике не было ничего, кроме остатков недоеденного фаст-фуда, а также бутылок с алкогольными напитками. В отдельной комнате стоял домашний кинотеатр со 120-дюймовым экраном, но в помещении было нечем дышать из-за запаха сигарет и алкоголя. Светлые ковры были усыпаны пеплом от сигарет, как будто их вообще никогда в жизни не пылесосили. Марьям старалась не засиживаться в гостях у этой странной женщины.

Она иногда звала новую знакомую с собой в магазин, на прогулку в парк, в кино, но Маху не интересовали ни развлечения, ни шопинг, ни даже салоны красоты.

Марьям же гордилась своей квартирой: она сама обставляла ее, с дизайнерским чутьем сочетая персидские ковры с греческими колоннами и статуями, купленными на *eBay*. Она старательно создавала дома уют, чтобы после работы мужу было приятно и комфортно заниматься учебой. Первое время после переезда она изучала сочетания цветов, журналы по дизайну

интерьеров и фэн-шуй, пуская в ход все свое слабое знание английского, чтобы прочитать подписи под картинками. Она была довольна тем результатом, который был перед ее глазами, ей было хорошо в своем уютном гнездышке высоко над землей.

Главной же, жизненно важной целью на данный момент было защитить докторскую. Он сразу сказал жене, что хочет закончить образование, прежде чем заводить детей, а активная социальная жизнь его не привлекала. Марьям как понимающая супруга поддерживала его стремление, радовалась за мужа и гордилась им. Время, проведенное с ним вместе в Нью-Йорке, казалось ей затянувшимся медовым месяцем. Это было время, чтобы привыкнуть друг к другу и укрепить свои отношения, не оглядываясь на других.

Маха же, в отличие от Марьям, всячески старалась забеременеть, надеясь, что тогда ее муж – а он очень любил детей – станет уделять ей больше внимания. Маха была скрытной во всем, что касалось мужа, мало говорила о нем; разве что ругала за глаза время от времени. Но до отчаяния желала его внимания.

Приходя в гости к Марьям, Маха все время сравнивала их квартиры, мужей, одежду и все остальное. Складывалось ощущение, что дом, муж и образование у Махи непременно должны быть лучше чем у Марьям, а статус, соответственно, выше. Марьям чувствовала, что Маха пытается принизить ее, а слова новой знакомой сочатся высокомерием и черной завистью. В Махе прослеживался нарциссизм, она вела себя высокомерно и грубо, даже порой оскорбительно; ее нисколько не заботило, приятно ли это хозяйке дома и как Марьям отреагирует на ее нахальные комментарии. Марьям пропускала их мимо ушей, надеясь, что у Махи просто тяжелый период: нелады в отношениях с мужем или побочный эффект от гормонов, повышающих вероятность беременности: от них женщины часто становятся раздражительными и вспыльчивыми. Если не хочешь остаться в одиночестве, в жизни порой приходится терпеть неприятные вещи.

Может, что-то из хвастливых слов Махи и было правдой, но Марьям подозревала, что у ее новоиспеченной подруги проблемы с алкоголем. Марьям было так одиноко, что она ничего не сказала об этом Халифе, который, конечно, не одобрил бы такой дружбы. Она боялась, что он запретит ей общаться с единственной знакомой из стран Залива. Порой, когда они с Махой встречались по утрам, глаза у последней были такие красные, что даже веки казались воспаленными, а под тонкой нежной кожей проступали синие, похожие на волоски капилляры. Изо рта у нее пахло так отвратительно, что даже жевательная резинка не помогала

перебить этот запах. Ночные СМС-ки Махи и ее звонки порой были совершенно бессвязными, а сбитая с толку Марьям все сильнее убеждалась, что ее подруга – самая обычная пьяница.

Халифа подтвердил подозрения Марьям, своими глазами увидев, как Маха устроила пьяный дебош на террасе бара в отеле «Плаза», где у него была назначена встреча со студентами. После этой сцены он попросил жену больше не общаться с Махой.

– Ее пришлось выводить под руки; смотреть было стыдно, – сказал Халифа. – Ее муж был с нами, но ушел раньше. Он бы не смог нам в глаза глядеть, если бы знал, как его жену силой выводили из бара.

Халифа нахмурился, вспомнив неприятную сцену.

– Арабам нельзя пить. А когда они пьют, то выставляют себя на посмешище. И мужчины, и женщины. Знаешь, говорят, индейцы такие же; их организм не усваивает алкоголь. Один глоток – и их уносит.

* * *

Как-то Халифа работал дома над одной из своих трехмерных архитектурных моделей. Когда он вырезал из прессованного картона тонкую планку для лестницы своего очередного творения, нож соскользнул и он порезался. Марьям принесла ему кусок ваты, он прижал его к ранке. Кровотечение прекратилось, и можно было снова приниматься за дело. Халифе нравилась архитектура, а Марьям нравилось смотреть, как он строит здания; как из шатких картонок возникают помещения, похожие с виду на минималистичные театральные декорации. Он сосредоточенно возводил стены, а она любовалась его длинными ресницами и изгибом бровей.

Халифа был высоким и стройным, у него был интеллигентный вид – может быть, из-за очков в черной оправе. Он был стеснительным, трудолюбивым, сосредоточенным, но порой прямо-таки аутичным. Его волосы чересчур отросли, и он начал собирать их в хвост – не в подражание хиппи, а просто потому, что забывал сходить к парикмахеру. Халифа всегда носил джинсы и клетчатые рубашки – и в университете, и в выходные дни: не очень модно, зато практично. Добрый старый Хали, всегда надежен и готов помочь. Он ночами готов был сидеть и вырезать геометрические фигуры для своих картонных зданий. Марьям тоже

научилась резать и ровнять картон, и теперь помогала ему в работе над его творениями. Они часами вместе вырезали, создавая один шедевр за другим.

Шло время, и Марьям все лучше овладевала английским. Теперь она понимала, что именно говорят окружающие, читала рекламные плакаты и афиши, с удовольствием заговаривала с незнакомцами в магазине, на улице, или когда кормила уток в парке. Становилось холоднее, листья желтели, но на душе у нее становилось все легче. В самое яркое время года, осенью, люди одевались кто во что горазд и ходили будто приплясывая. Будучи арабкой из-под жаркого солнца, Марьям думала, что все дело в непогоде, но смотреть на это было забавно. Наконец приспособившись к нью-йоркской жизни и американскому обществу, она постепенно забыла свою потерянную подругу Маху. Марьям поняла, что адаптироваться тут совсем не трудно, если усвоить здешние обычаи, привыкнуть к местной еде и другим особенностям. Теперь она знала, что из этого ей подходит, а чего следует избегать.

Марьям было жаль терять подругу, которая была из той же культуры и среды, что и она, но кто будет долго скучать по ленивой нахалке? Тем более что вскоре после разрыва с Махой Марьям узнала, что ждет ребенка. Неожиданная беременность нарушила привычный уклад и ход семейной жизни, планы на работу и отдых; и Халифа, которому хотелось спокойно закончить учебу, воспринял эту новость без восторга. Он тут же выдал целый список бедствий, которые принесет их дому маленький сверток в подгузниках. Теперь нужна отдельная комната для ребенка, нужно будет следить за его режимом, узнать телефоны местных детских врачей, найти няню, а прежде и хорошую акушерку – какие уж тут поездки, экзамены и прочее. Марьям улыбалась и кивала: да, конечно, грядет катастрофа, но что поделаешь? Правда, в душе уже начала нарастать тревога: такая огромная ответственность! А ведь она едва успела привыкнуть к своему новому дому...

Со временем, «переварив» эту новость и перестроив свои жизненные планы, Халифа искренне смог порадоваться предстоящему событию и рассказал обо всем родным. Несмотря на трудности, ребенок все-таки приносит столько счастья! Вскоре все встало на свои места. Марьям с удовольствием обустроивала детскую и покупала книжки, игрушки и одежду для малыша. Она занялась йогой и теперь вставала на рассвете и начинала день с часового «приветствия Солнцу». Даже ее английский улучшился, а акцент стал менее заметен, когда она отправилась на занятия в группу для беременных. На балконе своего пятьдесят второго этажа Марьям устроила цветущий садик и проводила целые часы в окружении

зелени и роз: это был ее личный оазис посреди каменных джунглей.

Но даже в Раю непременно таится пресловутый змей...

Примерно в это самое время Марьям впервые позвонил незнакомец из далекой страны. Он сказал только: «Мне надо поговорить с вами». Неизвестно, откуда он узнал ее номер: может быть, вообще просто набрал первый попавшийся. Далее стали происходить еще более странные события: она стала получать от незнакомца электронные письма. «Пожалуйста, возьмите трубку, – писал незнакомец. – Мне надо с вами поговорить. Это срочно». Впрочем, не приходится удивляться, каким образом он раздобыл адрес ее почты. В современном мире через интернет можно узнать о человеке все что угодно. Может, он взломал ее аккаунт в Фейсбуке или еще где-то, где хранилась ее личная информация. Как бы то ни было, этот человек преследовал ее. Приближался третий триместр беременности, и Марьям все сильнее тревожилась и злилась из-за его навязчивости.

Марьям, естественно, не ответила ему и на этот раз, а когда Халифа пришел домой из посольства, рассказала мужу о письмах и странных звонках. Он прочитал письма и позвонил коллегам. В тот же вечер пришел компьютерщик из посольства и проверил компьютер Марьям и память ее телефона. Преследователь, кто бы он ни был, не слишком заботился о сохранении инкогнито. Нажав всего несколько клавиш, друг Халифы сумел установить источник навязчивых сообщений. Звонки и письма шли из Кувейта. Еще немного поисков, и они узнали имя хозяина электронной почты. На следующее утро Халифа позвонил из посольства в кувейтскую полицию. Это не был официальный запрос, но полиции необязательно было об этом знать. Он был дипломатом посольства в Америке, этого вполне было достаточно.

Полиция нашла и допросила таинственного незнакомца. Он заявил, что не преследовал никаких корыстных или недостойных целей относительно Марьям, но зато рассказал стражам правопорядка такую фантастическую историю, что полицейские просто вынуждены были ему поверить.

Он сказал, что когда-то был любовником бывшей подруги Марьям, Махи. Она послала ему какой-то пакет с просьбой доставить его по определенному адресу: якобы это было пожертвование на благотворительность. Он приехал по указанному адресу, но оказалось, что приехал он на кладбище. Знакомый Махи был поражен и догадался, что эта посылка не имеет отношения к благотворительности. Боясь, что там могут быть наркотики или контрабанда, кувейтец вернулся домой, в одиночестве

распечатал посылку и с удивлением обнаружил там женские вещи: шелковый лифчик, трусики и несколько прядей длинных черных волос, перевязанных резинкой. Стало ясно, что никакие это не «добрые дела». Эти вещи предназначались для того, чтобы навести на их владельца порчу. Каждый когда-либо слышал истории о колдовстве, и всем известно, что личные вещи человека можно использовать, чтобы наложить на их владельца заклятие и разрушить его жизнь.

Довольный, что не стал участвовать в подобном преступлении, кувейтец оставил вещи дома, взял пустую коробку и отправился на кладбище, к стоявшей там старой хижине. Ему хотелось посмотреть, для кого предназначалась посылка. Он вошел в сломанную ржавую калитку с облезлой краской и постучал в старую деревянную дверь, про себя удивляясь, почему колдуны всегда живут в таких убогих домах. Будто магическая сила – сама по себе проклятие, которое заставляет человека жить в голоде и нищете.

Человек, открывший дверь, выглядел так, как и должен выглядеть колдун: старый, невысокий, беззубый, с темно-оливковой кожей, почерневшими деснами и глазами навывкате, под глазами – темные тени, один из зрачков помутнел от катаракты. Этот незнакомец, кладбищенский сторож родом из Йемена, взял коробку и сказал, что ждал ее еще вчера. В полиции кувейтец заявил, что не знает, заметил его колдун на кладбище прошлым вечером или нет, ведь наверняка он мог магическим образом видеть даже на расстоянии. Хотя какая разница? Он передал колдуну коробку и ушел.

В ту ночь и еще много ночей подряд кувейтцу снился кошмар о беззубом йеменском колдуне с выкаченными глазами. Он решил предупредить хозяйку вещей, что на нее хотят навести порчу. Он позвонил Махе и как бы невзначай спросил, чьи вещи были в посылке. Маха была обижена на Марьям за то, что та перестала с ней общаться, завидовала ее беременности, и даже не стала скрывать от бывшего возлюбленного, кому хочет отомстить. Она посвятила бывшего любовника во все подробности своей несчастной жизни: она думала, что ее негодяй-муж увлекся ее молодой красивой подругой, и решила как-то ей навредить. Она попросила колдуна навести на Марьям самую простую порчу, которая обычно приводит к безумию, болезни или самоубийству. Когда Марьям окажется на пороге смерти, Маха планировала прийти ей на помощь: она рассчитывала, что попросит колдуна-йеменца снять заклятие и притвориться, что сама исцелила подругу, а та станет считать ее своей спасительницей.

Близкие к Марьям люди тоже сыграли свою роль в этом коварном

плане. Горничная за взятку впустила Маху в квартиру, позволив украсть белье. Парикмахерша за деньги спрятала несколько прядей волос Марьям: Маха сказала ей, что хочет сохранить их на память, а канадская парикмахерша ничего не знала о магии вуду.

Сам кувейтец расстался в свое время с Махой из-за ее дурного характера, особенно в пьяном виде, но и представить себе не мог, что она способна на такой жестокий и отвратительный поступок. Когда она посвятила его в детали своего плана, он убедился, что бывшая – просто сумасшедшая, злая и мстительная женщина, у которой слишком много свободного времени. Не зная, на что способна она и ее сообщник-йеменец, он боялся и за свою жизнь в том числе, потому и не сказал Марьям, кто он. Порча – вещь редкая, но очень опасная: она может отнять семью, ребенка, здоровье, принести бесчисленные несчастья. Если она и не убьет свою жертву, то уж точно искалечит, измучает, ломает.

Полиция наведальась к тому самому колдуну, но то ли шестое чувство, то ли здравый смысл подсказали последнему, что что-то не так, и, увидев, что коробка пуста, он скрылся, бросив свою убогую хижину. Неизвестно, пытался ли он навести порчу или нет, но черное колдовство обошло Марьям стороной.

В конце концов весть о кувейтском любовнике достигла ушей богатого Махиного мужа, который несколько месяцев назад, как оказалось, с ней развелся. В последние месяцы их семейной жизни она стала совершенно невыносима, бросалась на него с кулаками и устроила небольшой пожар в квартире. Муж вовремя сдернул занавеску и затоптал огонь, но сигнализация сработала, приехали полицейские и пожарные. Маха уверяла, что занавеска загорелась от лампы, и она побежала в ванную за мокрым полотенцем, но было ясно, что пожар возник не случайно. Маху обвинили в поджоге. Когда она начала оскорблять полицейского, ее отправили на обследование в психиатрическую клинику. Тогда Махин муж и решился окончательно на разрыв этих отношений.

А Марьям? Она теперь несколько по-иному смотрит на мир из окна своей квартиры, полной любви и семейного тепла. Несколько часов в неделю она работает на курсах английского языка для иностранцев. Халифа же безмерно счастлив: он неторопливо, но планомерно пишет диссертацию и гуляет по городу с маленьким сыном, крепышом Зайедом, фотографируя Нью-Йоркские небоскребы. А стационарный телефон на мраморном пьедестале наконец стих.

Кошмар за деньги

У матери Виолетты были больные почки, а отец почти ослеп из-за диабета. Виолетта пыталась искать работу в Маниле, но везде платили крайне мало, а ей отчаянно хотелось заработать достаточно, чтобы оплатить колледж для младших братьев и сестер. Она мечтала только об одном: жить чуть полегче, чтобы ее семья могла есть мороженое каждые выходные, а не раз в год; а отец мог каждый день получать инсулин и сохранить пальцы вместе с остатками зрения.

Ее манили заморские страны: Америка, Европа и Канада. Зарплаты там были выше, условия жизни – лучше, и жалованье обычно не задерживали. Кто знает, может, ей и ее родным удастся когда-нибудь переехать в Лос-Анджелес, или поселиться в Париже и выучить французский, или же всем вместе снять маленькую студию в Нью-Йорке. Она уже все продумала. Виолетта будет экономить и много работать, и в конце концов докажет миру и себе, что достойна большего. Она достигнет успеха, потому что в тех заветных современных и успешных странах ценят умных, образованных, трудолюбивых женщин.

Виолетте было двадцать шесть лет; она была среднего роста, стройная, хоть и немного располнела, как только перестала работать на семейной ферме. У нее был диплом по гостиничному бизнесу, и она искренне надеялась устроиться работать на ресепшн в пятизвездочный отель в какой-нибудь богатой стране. Почему бы и нет? У нее были длинные волосы, большие глаза, она знала тагальский и английский, а также испанский, поскольку бабушка и дедушка были испанского происхождения. У ее семьи был земельный участок – неплохой актив, но им не хватало рабочих рук, чтобы возделывать землю: сажать, ухаживать за посадками, собирать урожай. Фермерство – это постоянная борьба, которую регулярно осложняли муссоны, наводнения, рост цен на пестициды, а также налоги и кражи. Местный ростовщик взимал грабительские проценты, загоняя крестьян в бесконечный, несправедливый порочный круг: когда они выплачивали один заем, уже требовался другой.

Виолетта была единственной кормилицей в семье и мечтала выйти замуж за своего жениха, Лукаса Фернандеса. Они были вместе со старших классов школы и оба были в равном положении: содержали свои семьи. На их плечах лежала тяжелая ответственность. Лукас уехал из Филиппин в Азербайджан, работать флористом в отеле: он украшал цветами холлы,

переговорные и самые роскошные номера. Он надеялся, что через несколько лет вернется на Филиппины и найдет в Маниле работу в отеле такого же уровня. Он посылал Виолетте теплые электронные письма с обещаниями и красивыми фотографиями чистых улиц, модно одетых людей и своих красивых композиций из цветов. Лукас творчески подходил к своему делу, и Виолетта гордилась его самыми смелыми творениями: например, созданной для отеля композицией из букетов белых лилий и кроваво-красных гвоздик, перевитых изящными лозами. Каждые несколько дней он присылал ей фотографии букетов невест и спрашивал, какой из них она хотела бы на свадьбу.

Когда доходы от фермы начали иссякать, Виолетта решила попытаться найти работу в этих чудесных странах и, наконец, извлечь пользу из своего образования. Все что угодно было лучше, чем умирать от голода в грязи, окруженной больными бедными родственниками и растоптанными мечтами. Трудные времена требовали трудных решений, и она разослала свое резюме всюду, куда только смогла. Во многих местах требовалось внести платеж в размере 50000 песо за паспорт и гарантированное рабочее место. Это были для Виолетты неподъемные деньги: в ее провинции на Филиппинах за эту сумму можно было купить земельный участок.

В последней попытке справиться с надвигающейся бедностью Виолетта сходилась в ломбард с единственной оставшейся у нее ценностью: свидетельством о собственности на землю, которая принадлежала еще ее бабушке и дедушке, землю, которая кормила их семью поколения и давала им кров в сезон муссонов. Когда ростовщик взял документ из руки Виолетты и прочитал его в голубоватом свете флуоресцентной лампы, висевшей над кассой, глаза его заблестели. Он взглянул на Виолетту, словно оценивая, сможет ли она выплатить заем, и аккуратно отсчитал деньги, которые требовались ей на получение паспорта – платеж, гарантирующий, что она твердо намерена уехать на заработки за границу. Когда Виолетта подписала бумаги, губы ростовщика изогнулись в улыбке. «Он думает, что земля достанется ему, – подумала Виолетта, – но я верну долг вовремя и сохраню ее».

После того как Виолетта заплатила рекрутинговому агентству, у нее осталось еще немного денег, и она отдала их братьям и сестрам, которым не было еще и восемнадцати. Семнадцатилетняя Сибила хотела стать дизайнером одежды, но Виолетта уговаривала ее пойти в медсестры – там все же больше платили. Пятнадцатилетние близнецы Антон и Антонелла мечтали петь и играть в театре, но Виолетта из лучших побуждений желала, чтобы они учились на архитектора и инженера, чтобы потом работать в

одной связке; к тому же им обоим хорошо давались рисование и математика. Мария Мерседес, тринадцатилетняя девочка с большими наивными глазами была очень высокой для своего возраста и собиралась стать моделью. Виолетта, так вышло, была главой семьи и иногда чуть не плакала от отчаяния, глядя на этих наивных детей, не подозревавших о том, насколько они бедны. Ее отец старался меньше есть, чтобы побольше оставить детям. В его состоянии нельзя было голодать, а после инъекций инсулина очень хочется есть, но он все равно ограничивал себя в еде и старался делиться своей порцией с детьми. Его зрение ослабло, но он еще немного видел днем и при ярком свете.

Желая казаться элегантной и утонченной, Виолетта надела свое лучшее платье, в котором по воскресеньям ходила в церковь, и впервые в жизни села в самолет до Дубая – шумного многолюдного мегаполиса, центра Объединенных Арабских Эмиратов. Во время долгого перелета она внимательно читала об этом городе. Как и большинству азиатских работников по контракту, ей предстояло провести за границей два года, как бы она ни скучала по дому и как бы тяжело ей ни было. Правда, зарплаты были высокими, к тому же сотрудникам отелей предоставлялось жилье. Будущее выглядело увлекательно и многообещающе. Перед зеркалом в туалете самолета Виолетта представляла, как будет разговаривать с коллегами и встречать знаменитостей и королевских особ в красивом шикарном отеле.

За час до приземления Виолетта вдруг заскучала по дому и всплакнула. Стюардесса, заметив, что она плачет, подошла и заговорила с ней. Стюардесса была наполовину филиппинкой, наполовину итальянкой. Она рассказала Виолетте, что в Дубае чудесно, что она встречается с красивым полу-ливанцем, полу-итальянцем – графическим дизайнером, который работает в Абу-Даби. Она уверяла, что через два года Виолетту придется силком тащить обратно на Филиппины. К тому же в Дубае столько филиппинцев, что ей не придется скучать по родине. Они вместе готовят, справляют дни рождения и ездят на экскурсии. Но Виолетту тревожила не столько тоска по дому, сколько ответственность: ей же нужно было кормить братьев, сестер и родителей, а еще платить ростовщикам: они не потерпят задержки платежа и запросят еще более безумные проценты за участок.

В дубайском аэропорту Виолетту и других новых сотрудников компании, летевших тем же рейсом, встретил шофер, суровый пузатый индеец средних лет, в темной одежде и с густыми усами. Виолетта отдала ему чемодан и забралась в минивэн вместе с еще несколькими

филиппинками. Все вели себя вежливо, но сдержанно. Каждый втайне сравнивал себя с новыми коллегами и думал, какая должность ему достанется – дневного администратора, ночного администратора, сотрудника ресепшн, бармена, метрдотеля или официанта.

Ехала машина недолго, минут десять. Потом женщин впустили в здание. Их встретила менеджер по персоналу – миссис Сантос, филиппинка средних лет в сером деловом костюме. Она спросила, как каждую из них зовут, возраст, хорошо ли они долетели. Девушкам сообщили, что все они будут работать в разных гостиницах. Те, кому повезет, отправятся в пятизвездочные отели в центре города, где больше туристов и выше чаевые. На окраине было спокойнее и тише, но платили хуже. Правда, там было больше уверенности в завтрашнем дне и вероятность, что тебя уволят, ниже. Миссис Сантос непринужденно прохаживалась по залу, рассматривала девушек, иногда о чем-то спрашивала, потом что-то шепотом отмечала своей улыбчивой суетливой ассистентке, а та в ответ ворчала или хмыкала.

Девушек распределили по двум гостиницам: часть девушек отправили в одну, а остальных, в том числе и Виолетту – в другую. Водитель свернул на шоссе, которое вело на окраину города и дальше в пустыню. Сияющие небоскребы Дубая таяли вдаль. Через полчаса над горизонтом возвышалась только громада Бурдж-Халифа.

Виолетте окружающий пейзаж казался нереальным, как в кино – ни деревьев, ни кустов, никакой зелени. Щурясь от блеска залитого солнцем песка она заметила, что вдаль движутся две тени – мама-верблюдица с детенышем. Виолета всегда удивлялась, как они умудряются выживать в этой бесплодной местности. Ей не хватало зелени родной деревни, джунглей, где дожди могли идти много дней подряд и мокрая земля наполняла воздух запахом жизни и свежести. Когда она приходила домой, младшая сестра сразу наливала ей чашку горячего чая. Как же ей будет не хватать всего этого...

Прошел еще час, и наконец машина подъехала к бетонному зданию. Оно выглядело примерно так же, как одинокий концлагерь посреди пустыни. Виолетта невольно сравнила его с Алькатрасом – знаменитой тюрьмой, которую она видела в кино. Перед ней был простой белый четырехэтажный дом с зарешеченными окнами, на нижнем этаже кондиционеры висели на каждом втором окне, на верхних этажах их было заметно меньше.

Девушек одну за другой развели по комнатам. Виолетте досталась крохотная комнатуха без окон; разбавляли интерьер лишь два

вентилятора: один на стене, а другой, вяло вращающийся, над кроватью. На Филиппинах у нее тоже был вентилятор на потолке, но ей не нравилось спать под ним после душа или вымокнув под дождем – слишком легко было простудиться.

Виолетта распаковала вещи и оглядела комнату. Отсутствие окон и свисающая с потолка единственная лампочка создавали тюремную атмосферу, и Виолетте вспомнились абажуры с цветочными узорами, которые она нанизывала на проволоку и продавала на деревенской ярмарке по воскресеньям. Она и здесь легко может сделать такой, чтобы украсить комнату. Ведь на ближайшие два года это ее дом, и нужно сделать его красивым и уютным.

Кухни не было, только деревянный стол и такой же стул. А еще низкая широкая кровать с белыми простынями. Она показалась Виолетте очень большой, но почему бы не насладиться хотя бы этой единственной роскошью? Над белой раковиной висело зеркало, а на противоположной от нее стене – картина с лесом, озером и птицами у горизонта. Комната была чистой и опрятной, поэтому Виолетта уже раздумывала, куда бы поставить горшок с цветами. Однако ее не покидало ощущение, что она в тюрьме, казарме или строгой католической школе-интернате.

Вечером миссис Сантос собрала всех девушек с виолеттинового этажа в коридоре. Девушки стояли перед дверями своих комнат, как заключенные перед дверями камер; или же как нервные солдаты, впервые видящие своего генерала. Миссис Сантос дала каждой по таблетке панадола и по глотку воды из маленького бумажного стаканчика.

– Чтобы лучше спалось, – пояснила она.

Виолетте казалось, что она снова попала в католическую школу для девочек, а миссис Сантос – священник, раздающий гостию на причастии. Миссис Сантос сказала, что просто хочет поддержать своих *кабаян* – землячек, потому что им нужно хорошо выспаться перед завтрашним днем. Девушки с тревогой, любопытством и недоверием проглотили таблетки и разошлись по комнатам. Виолетта спала крепко и была благодарна за этот сон: весь вечер она не переставала думать о родных и о своей надежде изменить их жизнь к лучшему.

На следующее утро она проснулась вялой, голова кружилась. Виолетта направилась было в душ, но там ей пришлось еще двадцать минут ждать своей очереди. Девушки беседовали друг с другом дружелюбнее, чем день назад. Они все были из разных стран: Филиппин, Индии, Пакистана, Индонезии, Армении, Румынии, Молдавии, Украины, Марокко и Египта. Видимо, никто из них не подошел для работы в шикарном отеле, раз уж их

всех поселили в этом хостеле. Но девушки казались милыми и были готовы трудиться и в этих условиях. Некоторые грустили, а некоторые молились, чтобы им удалось подняться по карьерной лестнице.

В душе слезы у Виолетты хлынули потоком. Ей казалось, что она впустую потратила последнее, что имела. Она решила поговорить с миссис Сантос как *кабаян с кабаян*. Наверняка та сумеет найти ей место получше, чем этот неуютный чужой дом. Лукас говорил, что у его коллеги девушка и некоторые знакомые работали в Абу Даби и Шардже поварами, горничными, портнихами, помощницами учителей, встречали гостей на ресепшн в отелях, делали маникюр. Вдруг и они смогут чем-то помочь? Она не могла вернуться на Филиппины ни с чем. Виолетта готова была устроиться даже домработницей за \$200 в месяц – ничего страшного, все равно хозяева обеспечат ей стол и кровать.

Позже Виолетты случился приступ клаустрофобии. Ей совсем не нравилось, что ее и ее коллег снова сгоняют в коридор, как скот. Она не могла прийти в себя после дальнего перелета. Утром миссис Сантос сказала, что из-за непримечательной внешности их не примут на работу в отель. Никогда. Некоторые девушки заплакали, шмыгая носом, в коридоре поднялся глухой ропот. Виолетта вышла вперед и спросила, чем они будут заниматься. Она призналась, что заложила свое последнее имущество, чтобы устроиться на эту работу, но умолчала, что является единственным кормильцем в семье и что ей нужна работа – любая работа, – чтобы содержать родных. Она посмотрела на миссис Сантос и вежливо, но твердо потребовала ответа, надеясь, что та не заметит, как у нее дрожат руки.

И тут открылись врата ада.

Миссис Сантос сказала, что девушки будут развлекать клиентов и получать за это кров, еду и зарплату – \$136 в месяц.

– Милочка, самое большее, что я могу для вас сделать – это познакомить вас с вашими клиентами, а дальше о вас позаботятся.

Она замолчала и оглядела девушек: поняли ли они, что она имеет в виду?

– Это значит, что вам придется спать с вашими клиентами, – добавила миссис Сантос негромко и спокойно, словно спрашивала, сколько кубиков сахара положить Виолетте в чай.

Сначала в помещении воцарилась тишина, потом послышался ропот, а когда все стало ясно, голоса зазвучали громко и рассерженно. Двадцать девушек наперебой кричали на миссис Сантос. В шуме ничего нельзя было разобрать. Сантос сообщила новоприбывшим, что все четыре этажа здания забиты женщинами, торгующими своим телом. Она говорила так легко и

непринужденно, словно это вполне обычное дело. Говорила, что они все подписали контракт и будут получать за свою «работу» деньги. Миссис Сантос мило заявила, что отличается добротой и честностью, и с улыбкой добавила, что через два года девушки могут забрать свою зарплату, бонус и уйти.

Виолетта вернулась в свою комнату с намерением собрать вещи и сбежать. Она пешком доберется до аэропорта и улетит домой. Всегда можно найти работу на неполный день или продать, в конце концов, участок земли. Ее мысли путались, она плакала – и тут за ее спиной быстро и бесшумно выросла мощная фигура и прижала к ее рту чем-то пропитанный платок. На втором вдохе Виолетта потеряла сознание.

Когда она очнулась, ее запястья и лодыжки были привязаны к кровати. Она была слишком одурманена, чтобы позвать на помощь; ей казалось, что она до сих пор в родной деревне. Девушка чувствовала, что в комнате кто-то есть, но не могла понять кто. Ее так клонило в сон, что она не замечала даже вентилятора.

Она пришла в себя ночью. В воздухе (или на простынях?) чувствовался тяжелый запах мужского одеколона. Вошла миссис Сантос и начала невнятно объяснять, что Виолетта скоро привыкнет. Она сказала девушке, что та уже обслужила троих, но одурманенная Виолетта ничего не понимала. Руки зудели после веревок. Она села, но голова закружилась и ей пришлось снова лечь. Она чувствовала тупую боль внизу живота. По телу словно проехали катком.

Миссис Сантос погладила Виолетту по голове и вытерла ей лицо платком. Девушка была настолько под каким-то веществом, что не могла даже сама утереть слезы. Потом принесли еду, а Виолетту оставили одну. Было ясно, что ее накачали наркотиками и изнасиловали, а она ничего не могла с этим поделать. Виолетта даже не видела лиц тех мужчин, которые были с ней так близки. Даже не знала их имен!

Каждый день рядом с бутылкой воды ей оставляли таблетку, чтобы предотвратить беременность. Она чувствовала себя как зверек в клетке. Иногда она пыталась сопротивляться, но тогда ей просто кололи наркотики и приходилось обслуживать еще больше клиентов, а потом она приходила в себя с болью во всем теле, а иногда и в синяках, если кто-то из клиентов оказывался садистом. Первые несколько недель она сопротивлялась, но потом стала пить таблетки, чтобы облегчить боль, чтобы не забеременеть, чтобы заснуть. Женщины превращались в бесчувственные одурманенные тела, а иначе было бы невозможно выдержать это дико эмоциональное напряжение.

Так ей предстояло жить ближайшие два года... В день она обслуживала по пятнадцать клиентов разного возраста, национальности и социальной принадлежности. Филиппинцев она умоляла сообщить о ней в посольство, но они не хотели ей помогать или больше никогда не приходили к ней. Некоторые мужчины заставляли ее надевать марлевую повязку, чтобы ничем не заразиться. Некоторые били ее, если она пробовала сопротивляться, так что со временем она стала смиренной и покорной.

Со временем «сотрудниц» уже не надо было привязывать. Девушек, обслуживавших не менее пяти мужчин в день, охватывала апатия. Их не выпускали наружу, деньги их семьям отправлял кто-то другой. Им сказали, что через два года они смогут вернуться на родину или продолжить работу. Безвольные, как стадо овец, женщины искали утешения в разговорах, делились друг с другом своими несчастьями и воспоминаниями. Некоторые, в конце концов, ломались, и уже не становились прежними. Они переставали жаловаться, говорить; превращались в роботов, которым хотелось только одного – чтобы скорее закончился день. Кто-то пытался убить себя. Некоторые попытки были успешными. Остальные за полгода смирились со своей участью.

Клиенты были в основном из рабочего класса, как холостые, так и женатые. Они знали, что женщин здесь держат насильно и заставляют заниматься проституцией, а иногда даже были не прочь поболтать, если были трезвыми. В пьяном виде они нередко становились агрессивными. Мужчинам не разрешалось проносить в комнаты острые предметы, но иногда кого-то из пленниц недосчитывались; остальные же шепотом рассказывали друг другу, что несчастных убили: кого-то задушили, кого-то оставили истекать кровью. Миссис Сантос старалась не усыплять девушек без нужды, чтобы они могли позвать на помощь, если поведение клиента будет угрожать их жизни.

Торговля людьми не разрешена нигде, но ведется она повсюду. Некоторых вынуждают к этому силой. Некоторые сидят на героине, кокаине и других тяжелых наркотиках, и обслуживание клиентов – единственный способ регулярно получать свою дозу. Иногда женщину заставляют отрабатывать долги пьяницы-отца или проигравшегося в карты мужа. Виолетта встречала европейек, которых похищали в каком-нибудь хостеле в Сербии, а потом переправляли в ОАЭ. Многие женщины даже радовались, зная, что они-то однажды получат долгожданную свободу, а вот пленницы из Европы останутся здесь навсегда.

Миссис Сантос постоянно говорила Виолетте и другим девушкам, что

она – их партнер, что она дает им только таблетки, а это легкий наркотик. Она рассказывала, что в городе мужчины подстерегают на рынках пришедших за покупками домработниц из Филиппин, Эфиопии и Индонезии, и уговаривают последних сбежать с ними, предлагая неполный рабочий день, независимость, больше денег и даже путешествия по Европе. Домработница соглашается, а мужчина запирает ее в своей квартире и заставляет обслуживать клиентов. Если мужчина в отчаянном положении, если он пьет или играет в карты, он может снижать цену, стараясь подешевле обслужить как можно больше клиентов, потому что ему все равно на свою жертву. Главное, достаточно заработать на пороке денег. И вот этим женщинам приходится хуже всего – гораздо хуже, чем местным пленницам.

Виолетта читала о «стокгольмском синдроме» и сейчас воочию наблюдала, как он развивается. Некоторые девушки привязывались к миссис Сантос за ее честность и мелкие знаки внимания и доброты, забывая, что это она держит их здесь. Виолетта даже за собой заметила, что и сама благодарна ей за то, что та не накачивает ее наркотиками внутривенно.

Однажды утром пленница-наркоманка из Европы вскрыла себе вены в душе и истекла кровью. Когда вошла Виолетта, глаза женщины были открыты, из душа текла вода, а длинные, до пояса, рыжие волосы прикрывали грудь. Со сложенными ногами она напоминала Русалочку из сказки... И кончила так же.

Виолетта заплакала от жалости к ней и к себе. Сердце этой женщины не стерпело испытаний, которые с трудом выносило ее тело. Девушка знала ее, знала, что она уже потеряла счет годам, проведенным в борделе, и сделанным абортam. Женщина страдала частичной амнезией – она не помнила некоторых эпизодов своей жизни. Она забыла лица своих детей и частенько, плача, укачивала на руках подушку, думая, что это ее ребенок. В Европе у этой женщины не было заботливой мадам, сказала Миссис Сантос, пользуясь случаем напомнить пленницам, как им повезло.

В один прекрасный день полиция все-таки обнаружила их заклятый бордель и ворвалась внутрь. Женщины кричали от страха, но полиция пришла не арестовывать, а освободить их. Арестовали только сутенеров. Виолетта видела, как полицейский уводит миссис Сантос в наручниках: когда ее вели к полицейской машине, она низко склонила голову – то ли молилась, то ли ей просто было стыдно.

Виолетту отправили в Дубайский благотворительный приют: убежище для женщин, переживших насилие. Там она провела два года,

восстанавливаясь физически и эмоционально. Она занялась музыкой и находила в ней утешение. Она играла на фортепиано с такой страстью, что мелодия превращалась сразу и в приключение, и в трагедию, и в кровавый любовный роман. Именно музыка помогла ей развеять страшный и омерзительный морок насилия.

Первая любовь

Я была рядом с мужем, Эйссой, когда нейрохирург из больницы Хамад в Дохе, столице Катара, сообщил, что у человека, с которым я прожила семнадцать лет, рак мозга. Будь это другая форма рака, мне, может, и удалось бы держать себя в руках – ведь у многих форм процент излечения выше 50 %. Но рак мозга – совсем другое дело. Прогноз крайне неблагоприятный, а лечение тяжелое и болезненное. Мой отец умер от другой смертельной болезни, рака легких, и кошмар его агонии снова пронесся у меня перед глазами. Рак забирал у меня всех, кого я любила. Когда уже изобретут лекарство от этой «черной смерти»?!

Меня захлестнула волна страха. Мой любимый человек – ему было всего тридцать девять – был в смертельной опасности. Начался долгий, психологически изматывающий путь лечения, анализов и МРТ, показывающих, растет опухоль или уменьшается. Это было тяжело для всей семьи: для мужа, для меня, для наших детей и няни Вероники, которая ухаживала за моим мужем, когда он был еще маленьким, а теперь помогала нам растить наших пятерых детей. Из нас словно высосали все силы до последней капли. Я хотела только одного – снова вернуться к нормальной спокойной жизни.

Во всех поездках по онкологическим клиникам Германии и Великобритании, в больницах во время анализов и лечения, от которого выпадали волосы, Вероника была рядом с моим мужем. Они были очень близки. Сначала я умилялась их таким теплым отношениям, но постепенно их отношения на моих глазах стали превращаться во что-то большее, во что-то крайне непристойное и почти порочное. Стыдясь своих нелепых подозрений, я ругала себя за подобные мысли. Я вела себя эгоистично и ревниво, как ребенок. Но из-за этой щекотливой ситуации мне становилось все труднее сосредоточиться и вести борьбу с болезнью Эиссы.

Лечение было долгим и тяжелым, а муж все больше слабел. Семье было трудно, я должна была поддерживать их всех, и я самоотверженно выполняла свой долг. Раньше мне нравилось смотреть, как по осени желтеют листья, но в тот год, когда Эйссе положили в лондонскую больницу, картина увядания, этот неизбежный процесс, когда яркая зелень сменяется осенними красками, постоянно напоминала мне о том, как мой муж теряет волосы, силы и вес. Мои четверо сыновей побрились наголо, чтобы поддержать отца – чтобы не он один в семье ходил лысым.

День ото дня мой любимый супруг терял аппетит. Страх вцепился в меня, как испуганный ребенок цепляется за мать. Но я не сдавалась. Я держала себя в руках и плакала только тайком, когда никто не видит. Мои четверо сыновей и дочь, самая младшая, беспрестанно перебирали фотографии Эйссы и воспоминания о нем. При любой возможности мы фотографировались, потому что боялись, что он не выживет, и хотели сохранить каждое проведенное с ним мгновение. Целая стена в квартире, которую мы сняли в Лондоне, была занята фотоснимками в рамках, приколотыми письмами, открытками и сувенирами.

Природа угасала и блекла, и так же угасал Эйсса. Он слабел с каждым упавшим листом. Я же изо дня в день пыталась подбодрить и поддержать его. Естественно, в тот момент, когда муж заболел, мне пришлось стать «железным человеком» – и в физическом смысле, и в эмоциональном. Снова и снова я самостоятельно носила его в ванную комнату и там купала. Я вытирала его осторожнее и заботливее, чем собственных детей – ведь я так боялась, что вот-вот его потеряю. Зато жизнь моих детей с каждым днем становилась все ярче, интереснее и насыщеннее. Это сравнение приходило мне в голову каждый раз, когда я мыла и одевала мужа. К счастью, при больнице была организована группа психологической помощи родственникам больных раком. Знакомство с людьми, которых постигло то же несчастье, помогло мне успокоиться, хотя я была одна в чужой стране, а состояние мужа ухудшалось с каждым днем.

Ближе к зиме здоровье мужа неожиданно и резко улучшилось. Серые губы снова порозовели, как в молодости, а голос, слабый и надтреснутый во время лечения, опять стал мужественным, глубоким и звучным. Он охотнее говорил, подтрунивал над детьми, шутил, что из-за его болезни им волей-неволей приходится быть к нему внимательнее. Атмосфера в палате наконец-то за долгое время стала менее напряженной и более светлой.

Тем временем зима постепенно отступала перед долгожданной новой весной; друзья посылали мужу ароматные, радующие глаз цветы. Вся палата пахла цветами; в некогда душной, мрачной атмосфере витало ощущение заслуженного счастья и радости. Мужу разрешили принимать посетителей, и каждый день к нему заходило по несколько приятных гостей, приносящих лакомства, которые он с удовольствием ел вместе с нами. Когда его впервые не стошнило после еды, я заплакала от облегчения. Мы прошли очень тяжелый путь, и я гордилась его выздоровлением, хотя нам пришлось перенести много трудностей и страданий.

Когда пришла весна, Эйссу выписали, и теперь он жил с нами в

лондонской квартире. Мы все реже ходили в больницу на осмотры. Я и дети снова могли жить спокойно: мой муж и их отец поправлялся. Его волосы, брови и ресницы отрастали еще более густыми и блестящими, чем прежде. У него всегда было хорошее чувство юмора, и он частенько шутил: «Не забудьте купить мне лак для волос! После этого „отпуска“ я хочу заняться модельным бизнесом».

Я обожала его характер. Эйсса был для меня как глоток свежего воздуха, и помогал мне в этот тяжелый период для нашей семьи даже больше, чем я ему. Он был любовью всей моей жизни. Мой супруг был благодарен всем нам, и нам так повезло, что Бог дал нам эту возможность и мы могли провести больше времени рядом с таким замечательным человеком. Во время своей болезни он был вежливым, покладистым, и старался поддерживать всех нас. Он постоянно просил прощения за причиняемые неудобства, когда нам приходилось убирать за ним или поддерживать его при ходьбе.

Наконец жизнь вошла в привычную колею. Однако наше блаженство длилось недолго. Болезнь не вернулась, зато вернулись мои подозрения насчет Вероники. Однажды я поехала в спортзал и там обнаружила, что забыла дома спортивный костюм и кроссовки. Естественно, я села в машину и вернулась домой. Вероника и муж, как обычно, были дома, но, войдя внутрь, я заметила, что они ведут себя испуганно и суетливо. Я собиралась вернуться в спортзал, но, увидев их, передумала. Вероника казалась особенно нервной. Когда она разбила тарелку на кухне, меня просто захлестнули нехорошие мысли.

Я зашла в спальню и увидела, что муж в душе – он всегда так делал, когда хотел избежать разговора или ссоры. Мне попался на глаза его мобильный телефон, и шестое чувство просто заставило меня заглянуть в него. Путь к душе человека лежит через его мобильник – сегодня, увы, это почти всегда так.

Паролем была дата нашей свадьбы. Муж всегда говорил, что именно это его настоящий день рождения. Я встревожилась, обнаружив несколько сообщений от Вероники, в которых она спрашивала, когда они встретятся.

Роясь в его СМС-ках, я нашла несколько сообщений вообще без текста, только с ее фотографиями в душе: она подмигивала получателю и посылала воздушные поцелуи. Снимки были достаточно красноречивы. Эта пятидесятипятилетняя служанка-филиппинка была его любовницей. Скоро должны были прийти домой дети, и я попросила мужа выйти из ванной.

– Что ты кричишь? – спросил Эйсса. Он был явно раздражен тем, что я

повысила на него голос.

– Сейчас покажу, – ответила я, сунув ему в лицо фотографию Вероники.

– Откуда это у тебя? – воскликнул он.

– Это твой телефон, милый, – ехидно сказала я. – Неужели не помнишь? Твой пароль дата нашей свадьбы, твой «настоящий день рождения»!

Он попытался вырвать телефон у меня из рук, но я размахнулась и изо всех сил бросила его об стену.

– Не волнуйся по поводу фотографий Вероники, – сказала я. – Не сомневаюсь, на сайте «сексуальные бабушки точка ком» найдется куча таких же.

Я в слезах выбежала в коридор и бросилась в комнату Вероники. Мы с мужем ругались на арабском, так что вряд ли она поняла, в чем дело.

– Я знаю, чем вы с моим мужем занимались, – закричала я на английском. – Как ты могла?!

По щекам у меня текли слезы, а она просто стояла и смотрела на меня.

– Извините, мэ, – наконец проговорила она, – но...

– Что «но»?! – воскликнула я.

– Я была его первой любовью.

Я обернулась на мужа, который стоял в дверях. Беспомощный как ребенок.

– Эта женщина замужем, у нее дети. И внуки! – кричала я. – Она тебе в матери годится. Неужели это правда?!

Этот союз казался мне порочным, нелепым, немислимым с точки зрения возраста, расы, религии и статуса. Полный бред. Я в бешенстве взглянула на мужа.

– Отошли ее назад, на Филиппины, – процедила я сквозь зубы. Он посмотрел на Веронику из-за моего плеча и опустил взгляд.

– Закрой ее визу и отошли ее прочь! – крикнула я. Муж, все так же глядя в пол, покачал головой.

– Не могу, – сказал он.

– Можешь, и сделаешь. Сегодня же.

– Не сделаю, – наконец произнес он. – Я люблю ее.

– Давай по-простому, – ответила я. – Или я, мать твоих детей, или она. Кому-то из нас придется уйти!

Я знала, что он не откажет мне, если я поставлю вопрос ребром. Решительный ультиматум. Он хороший отец и любит меня. Не знаю, что он в ней нашел. Старая, низенькая, полная – ничего примечательного.

Вероника что-то тараторила, но мысли у меня путались и земля уходила из-под ног.

Он пожал плечами и сказал мне:

– Прости меня.

Мой мир рухнул. Все, в чем я была уверена до нынешнего момента разлетелось, как от взрыва сверхновой. Я сама словно рассыпалась на куски; менее стойкую женщину это бы неизбежно сломало – но не меня.

Я взяла себя в руки, забрала детей и уехала. Я старалась не подавать вида. Ради детей. Мне не хотелось, чтобы они знали всю подноготную. Было начало лета, занятия в школе закончились. Мы собирались вернуться домой, забиться в нору, зализать раны и осмыслить случившееся.

Я купила себе и детям билеты на рейс, вылетающий в Катар из Гатвика. В самолете я раздумывала о том, как вернуть мужа. Я была готова на все. Детям нужен отец, а мне – мой спутник жизни. Веронике придется вернуться к нормальной – точнее, ненормальной – жизни: мужу, детям и внукам.

Приехав в Доху, я поговорила со свекровью. Она была расстроена поступком своего сына, рассержена, но словно бы совсем не удивилась.

– Трудно в это поверить, правда? – сказала я. Свекровь опустила взгляд на свои сложенные на коленях руки.

– В чем дело? – не поняла я.

Она взглянула на меня, утирая слезу, и тихо ответила:

– Нет, в это легко поверить. Даже слишком легко. Мы все не раз слышали о подобных историях, но еще никто не уходил к служанке от жены. Пожалуйста, успокойся, все будет хорошо. Жен не бросают. А как же дети? Он любит и тебя, и детей. Надо потерпеть.

Свекровь, похоже, была уверена, что он вернется. Она называла это «периодом», который он так и не перерос. Она рассказала мне, что Вероника была с ним рядом во всех поездках, когда он учился за границей или уезжал на каникулы. Но, в конце концов, хоть все выяснилось и правда вышла наружу; отвратительная правда.

– О чем вы? – спросила я. – Веронике пятьдесят пять, ее красота давно увяла, и она наша прислуга. Посмотрите на меня и скажите, можно ли во все это поверить?

– Еще до того, как он женился на тебе, мы с отцом узнали, что Вероника была его любовницей с тех пор, как ему исполнилось двенадцать, – сказала она, снова утирая слезу. – Однажды Вероника зашла к Эйссе в комнату, наверное, пожелать ему спокойной ночи и заметила, что Эйсса, мальчик, ее мальчик, стал мужчиной. Она спала с моим мальчиком,

не отходила от него ни на шаг. Мы думали, что это просто возраст, что это пройдет... – мать моего мужа замолчала. Похоже, семя упало на плодородную почву, и дурная привычка глубоко укоренилась.

Мы со свекровью вдвоем решали эту головоломку, собирая из отдельных кусочков цельную картину. Мы обсуждали все признаки из связи, проявлявшиеся год от года. Как мы были наивны, не замечая очевидных вещей! В конце концов, Вероника – женщина, ее муж далеко, а Эйсса – тут, рядом. Он доверял ей, а она ему. Она подстраивалась под него, а он под нее.

– Она сказала нам, что он писается в кроватку, а на Филиппинах в таких случаях кто-то из взрослых ложится спать в одной комнате с ребенком, чтобы тому не было страшно, и чтобы ночью вовремя разбудить его и сводить в туалет. Ее план сработал. Мы никогда не замечали ничего необычного и ни в чем ее не подозревали. Наоборот, мы радовались, что у нас такая добрая и заботливая няня. Мы не понимали, что днем она была ему второй матерью, а ночью – любовницей. Мы узнали обо всем примерно тогда, когда состоялась ваша помолвка. Мы поговорили с ними обоими и сказали, что пора это прекращать. Мы пригрозили Веронике, что если она еще раз хотя бы взглянет на нашего мальчика, мы закроем ее рабочую визу и отправим ее обратно на Филиппины. Они оба согласились прекратить свой роман, и она перестала приходить в его комнату по ночам. Все как будто вернулось на круги своя. Она очень помогала нам, когда дети были маленькими, была практически членом семьи, и я подумала, что тебе она тоже будет в помощь. Я не сомневалась, что с такой красивой невестой он больше и не вспомнит о ней, не говоря уже о чем-то большем.

Я была уверена, что когда мой муж и Вероника останутся вдвоем, он прозреет. Их интрига утратит притягательность запретного плода, во рту останется только горечь пепла. Но я ошибалась. Чары, которыми она опутала его, не рухнули. Я была рада, что свекровь на моей стороне, но меня глубоко удручало, что люди, которых мы впускаем в свою жизнь, которым мы доверяем своих детей, способны на такое.

Позже, словно Небо услышало мои молитвы, я узнала, что любовница моего мужа уезжает на родину. У нее умерла мать и она хотела присутствовать на похоронах. Наш водитель прислал мне сообщение, что отвез Веронику в аэропорт; она улетела в Манилу. Мой муж и няня моих детей разлучились: теперь мне выпал шанс вернуть мужа. Я искренне верила, что он живет с Вероникой, потому что находится в эмоциональной зависимости от нее. Я позвонила куда нужно и закрыла ее визу, чтобы она не смогла вернуться. Ее больше не пустят в страну. Я чувствовала себя как

воин, победивший врага. В глубине души я искренне надеялась, что теперь муж снова вернется ко мне.

Увы, Эйсса все еще был очарован своей возлюбленной и всеми способами пытался вернуть ее. Он не хотел видеть никого из нас – даже мать. Его не трогали даже звонки и голосовые сообщения дочери. Отец Эйссы давно умер и некому было повлиять на него, вразумить, привести в чувство. Мать плакала и умоляла его одуматься, прекратить эту позорную интригу. Он уважал мать, но остался глух к ее просьбам. Я пыталась связаться с ним, встретиться, надеясь, что он все-таки скучает по мне и детям. Дети-то, конечно, скучали по отцу. Он оставил после себя зияющую пустоту и это было заметно по всем нам. Знакомые люди спрашивали, как он, а мы с равнодушным видом коротко отвечали, что все хорошо.

Вернуть Веронику можно было, только раздобыв ей паспорт на другое имя, и Эйсса заплатил, чтобы на Филиппинах ей сделали новые документы. С поддельным паспортом Вероника триумфально вернулась в Катар и теперь жила с моим мужем в нашем доме, а я с детьми – у родителей. Я не могла сказать им правду: мне было стыдно, и я понимала, что тогда обо мне и о моих детях будут сплетничать до конца нашей жизни. Мне пришлось страдать молча, уже почти не надеясь вернуть мужа.

Через два года Вероника вновь улетела на Филиппины повидать родных; каждые два года она ездила домой в отпуск. Я снова попыталась выдворить ее из страны. На этот раз, когда она вернулась, ее сетчатку отсканировали на новом оборудовании, и обман был раскрыт. Иммиграционная служба конфисковала ее поддельный паспорт и следующим же рейсом отправила ее домой. Веронику внесли в черный список и навсегда запретили въезд в нашу страну и в другие страны Залива. Наконец-то я от нее избавилась. Скоро чары развеются, и Эйсса снова будет моим.

К тому времени, как мне удалось окончательно выдворить Веронику из нашей жизни, мы с мужем жили отдельно вот уже несколько лет. Оставшись один, Эйсса почти сразу попытался вновь завоевать меня. Он попросил меня вернуться домой, и я согласилась – ради детей, а еще потому, что все еще любила его.

Но случившееся подкосило меня. Я пыталась сама себя убедить, что это не его вина, что виноваты все, кроме моего любимого мужа. Его мать плохо следила за ним, няня была властной и сумасшедшей, а я – слабой, потому что няня стала для него одновременно и матерью, и женой, и секретарем. Вероника понимала его лучше, чем я, лучше, чем мать, и, может быть, лучше, чем он сам. Женщина из бедной семьи, она была

благодарна ему даже за жалкие крохи его времени; с ней он был спокоен и доволен, в то время как я постоянно требовала от него внимания и общения.

Я понимала все и все-таки чувствовала обиду. Мне казалось, что меня предали и бросили, что меня не ценят. Я вернулась к нему в первую очередь из-за детей, но все-таки когда-то он был для меня настоящим идеалом мужчины; я слишком любила его, чтобы просто взять и уйти. Я хотела быть с ним, и это было сильнее голоса разума. С разбитым сердцем я вернулась к изменнику.

Он беспрестанно извинялся, говорил, что оказался в сложном положении и не знал, что делать. Он любил и ее, и меня, но скандал-то устроила я. Он винил в нашем расставании меня, а я – Веронику. Но Вероники здесь больше не было. Ситуация с ней окончательно разрешилась. А для меня Вероника оказалась более страшным врагом, чем рак.

Говорят, рука, которая качает колыбель, правит миром. Няня Вероника правила миром моего мужа. Связь, установившаяся между ними, когда Эйсса был еще ребенком, с годами стала столь крепкой, что оказалась прочней священных уз брака. Я до сих пор иногда вижу эту женщину во сне. Сейчас ей немного за шестьдесят, и, благодаря моему мужу, она очень неплохо устроилась у себя на родине, ее семья обеспечена и ни в чем не нуждается.

Они перестали общаться, когда наша младшая, Ширина, заболела и перестала разговаривать. Мы отвели ее к психотерапевту, и, осмотрев ее, врач сказал, что ее молчание – реакция на психическую травму и подавленный гнев. В тот вечер я не выдержала и заявила Эйссе, что это он виноват в ее болезни. Он не понял и решил, что я преувеличиваю. Я объяснила ему, что Ширину глубоко ранило то, что он на многие годы бросил ее и ушел к няне.

Девочка, которая всегда была самой умной и веселой в классе, самой разговорчивой из наших детей, ушла в себя. Ей было всего десять, и она просто потеряла интерес ко всему на свете. Малышка перестала есть, у нее развилась анорексия. На запястьях дочери виднелись тонкие светлые полоски – следы порезов, которые она себе наносила. Членовредительство – один из самых разрушительных способов переживания горя, гнева и отчаяния. После этого Ширина на некоторое время успокаивалась и расслаблялась, но вскоре снова попадала в замкнутый круг вины, стыда и эмоциональных страданий. Душевные раны не заживали. У моей единственной дочери, Ширины, в десять лет обнаружили депрессию. Она

мало говорила, у нее не было друзей. Только после этого удара мой муж наконец-то повзрослел и все понял.

– Что я натворил? – сказал он однажды, глядя на фотографии Ширины, сделанные в больнице Хамад. – Знаешь, когда я спросил у нее, зачем она мучает себя, она заплакала и стала умолять меня не бросать ее больше.

– Она тяжелее всех переживала твой уход, – ответила я. – Она не давала мне читать ей сказки на ночь, потому что их всегда читал ей ты, смешными голосами, по ролям. Наверное, это слишком сильно напоминало ей о тебе. Ты и не знаешь, как дети страдали оттого, что тебя нет. Мальчики теперь сами убираются у себя в комнатах, а прислугу даже видеть не хотят.

Я говорила откровенно, не скрывая, что мы все теперь пожинаем то, что он посеял.

– Они до сих пор страдают, и от обиды за меня, и из-за собственных переживаний, – сказала я. – Ты был их кумиром, их отцом, их опорой. Теперь они чувствуют себя обманутыми и боятся за меня, потому что ты ведешь себя как ребенок.

Слеза скользнула у меня по щеке, скатилась на шею, но я не стала утирать ее. Как мог один человек разрушить и искалечить такую большую семью?! Оказалось, что, развешивая на той самой стене знаки нашей гордости и любви, мы украшали собственное надгробие, и отныне оно будет вечно напоминать нам о том, как мы когда-то любили человека, который, очевидно, не любил нас, которому мы были безразличны.

Эйсса оборвал все связи с Вероникой, больше не звонил ей и не посылал денег. Со временем Ширина оправилась и перестала резать себя, но уже не была такой же веселой, как прежде. Когда вырастет, она хочет стать психологом или врачом. Ее братья до сих пор не женились. Что до меня, моя семейная жизнь идет своим чередом. Эйсса никогда не вспоминает о прошлом, дети тоже не поднимают эту тему. Он постоянно говорит им, что они – его гордость, его опора, что они мудры не по годам и ему самому есть чему у них поучиться.

Я молилась когда-то о том, чтобы он снова стал моим, и рада, что все вернулось на круги своя. Считается, что обычно мужчины ломают жизнь молодым девушкам или девочкам, совращая их; но мой Эйсса – живое свидетельство того, что и взрослая женщина может сделать то же самое, соблазнив молодого мальчика, который еще слишком юн для этого.

Без ума от тебя

Когда мы поженились, моему мужу, Валиду, было двадцать два. Он получил степень *MBA* в ведущем бостонском университете. Мне, Раше, было восемнадцать, я только что закончила школу. Мы купили дом в Джидде и оформили его на нас обоих, чтобы начать общую семейную жизнь. В первый раз я забеременела, когда училась в университете и одновременно работала, но благодаря любви и поддержке Валида мне удалось закончить семестр. В летние каникулы я родила дочерей-двойняшек. Муж нашел нам няню, так что осенью я смогла спокойно продолжить учебу. На последнем курсе института я снова забеременела, но с помощью мужа и няни смогла защититься и тоже получить диплом по управлению бизнесом. Вскоре после окончания университета я родила нашего третьего ребенка – мальчика.

Муж делал карьеру в бизнесе, но я тоже хотела помочь выплачивать кредит за нашу чудесную виллу с четырьмя спальнями и устроилась на полставки бухгалтером в престижный женский университет. Кроме того, я уделяла много внимания семье и дому – объясняла домработнице, как вести хозяйство, учила няню заниматься с детьми развивающими играми. Я делала все возможное, чтобы поддерживать мужа как финансово, так и эмоционально, тщательно планировала расходы, избегая бездумных трат и экономя, как только это было возможно.

Мой муж был внимателен к нуждам семьи, находил время навещать престарелых родственников и следить за учебными и профессиональными успехами братьев и сестер. Он уделял внимание всем: своим друзьям и даже дочери домработницы, которая благодаря его поддержке первой из всей своей семьи смогла закончить школу. Я придумывала, как лучше помочь его друзьям, когда им нужны были деньги или совет. Вся семья участвовала и вкладывалась в любое начинание мужа, даже самая скромная лепта была важна. За это мужа ценили и считали чуть ли не героем. Говорят, за спиной каждого успешного мужчины стоит сильная женщина, и он признавал это. Мы были одной командой и всегда вместе шли к победам: пример удачного и плодотворного сотрудничества. В чем-то мы проигрывали, в чем-то выигрывали, но постепенно учились доверять друг другу и каждый из нас считал другого своей лучшей половиной.

Иногда мне казалось, что мы мало времени проводим вдвоем, что он уделяет слишком много внимания другим людям и живет только будущим,

забывая о настоящем. Муж же обещал, что мы еще наверстаем упущенное, а в его успехе я видела нашу главную радость и достижение. Я представляла себе наше будущее: путешествия, пластические операции, чтобы исправить мелкие недостатки внешности, курсы и семинары для профессионального и личностного роста. Осенью неплохо бы съездить в Париж, полакомиться свежими багетами и сыром, повесить замочек с нашими именами на перила моста через Сену, а потом прогуляться по набережной. Я мечтала совершить паломничество в Мекку, чтобы помолиться вместе с мужем и поблагодарить Бога за то, что он даровал нам здоровье, финансовое благополучие, чудесных детей и возможность жить так, как нам хочется. Солнечные Гавайи всегда казались мне идеальным местом для медового месяца – когда у нас наконец будут на это время и деньги.

Мы часто рассуждали о том, насколько все будет проще, когда мы выплатим долги. Денег порой не хватало, но мы были организованными и экономными взрослыми людьми, у нас был продуманный жизненный план. Муж собирался открыть свой бизнес по франшизе и постепенно расширить его на весь регион. Еще со времен учебы за границей Валид интересовался ресторанным франчайзингом. Он видел, как жители стран Залива любят западные рестораны, и мечтал основать собственную сеть. Познакомить родину с новой кулинарной традицией – эта мысль привлекала его. Он был гуманистом и собирался брать на работу мигрантов из Азии и Африки, желающих изменить свою жизнь и помочь родным, оставшимся дома. Он восхищался американским тимбилдингом и успешно прошел стажировку в США. Я смотрела на мир так же, как он, и мне нравилось это видение. Я старательно занималась английским, чтобы играть более активную роль в его мире. Меня привлекали Мерил Стрип, Одри Хепбёрн, Анджелина Джоли. Они были сильными женщинами, я уважала их за упорство, работоспособность, за то, что они успешно справлялись с ролями жены и матери.

Наш совместно взятый кредит на франшизу Валида стал приносить плоды. Торговать едой всегда выгодно: людям все равно нужно есть, даже во время экономического кризиса. Наши дети росли среди ресторанов, изучая бизнес во всех подробностях. Свое дело помогло Валиду расширить круг друзей и партнеров, а нам удалось найти замечательных женихов для дочерей. Доходы от бизнеса позволили нам отправить сына в лучший университет Австралии.

Наши дочери, Дина и Лина, вышли замуж. Свадьбы получились чудесные. Динину отмечали на пляже: это было необычно, но ей хотелось

устроить скромный праздник только для самых близких друзей. Через несколько месяцев отпраздновали свадьбу Лины: пышное торжество в отеле, 700 человек гостей. Она непременно хотела пригласить любимого певца, это стоило целое состояние, но часть расходов оплатил жених. Подарки, приглашения и цветы поражали красотой: украшения из бархата и кружева в стиле викторианской эпохи, пышное рококо; царство блеска, сияния, позолоты и роскоши. Мой сын Талал женился на дочери нашего соседа, Ясмин, и устроил в честь их свадьбы торжественный прием. Он уже давно любил Ясмин, а ее родные были хорошими, приятными, уважаемыми людьми. Мы все радовались этому союзу.

Наши финансовые обязательства сокращались, жить стало проще, и однажды за ужином я предложила Валиду: может, этим летом нам все-таки отправиться в кругосветное путешествие, которое он уже давно мне обещал? Свою молодость мы посвятили детям – тогда это решение было естественным и правильным. Теперь, когда мы достигли зрелости, пришло время лучше узнать окружающий мир и самих себя. Муж согласился, что кругосветное путешествие – заманчивая идея. Мы говорили о местах, где никогда не были, но мечтали побывать: Южной Америке, островах Тихого океана, многих странах Азии. Мыслями я была уже где-то далеко, но тут муж сказал, что хочет кое о чем со мной поговорить. В жизни я не так уж много ездила по свету, но мне нравилось смотреть, как у мужа загораются глаза, когда он рассказывает мне о своих путевых впечатлениях. Я переняла у него страсть к путешествиям и с нетерпением ждала нашей предстоящей поездки.

– Конечно, – кивнула я. Мне было интересно, что он скажет.

– Пожалуйста, только выслушай меня до конца, – сказал он.

– Не понимаю, о чем ты, – ответила я. – Я всегда готова тебя выслушать.

– Только не отказывайся сразу, не подумав, – попросил он. – Для меня это важно.

– Если это важно для тебя, значит, и для меня тоже. Он улыбнулся и сказал:

– Я хочу взять вторую жену.

Мое сердце замерло. Из меня словно вышибли дух. Я не знала, что ответить. Мне хотелось возразить ему, но я ждала, пока он договорит. Я взглянула на него, надеясь, что он меня разыгрывает.

– Милый, тебе и одной много, – в конце концов пошутила я. – Зачем тебе вторая?

– Я серьезно, – сказал он.

– Если хочешь новых ощущений, съезди куда-нибудь, – ответила я. – Наиграешься – возвращайся.

– Дело не в этом, – возразил он. – Я влюбился.

– Дело именно в этом, – сказала я, – а ты просто убеждаешь себя в обратном, чтобы не чувствовать себя виноватым.

– Неправда.

– Кто она? – спросила я. – Надеюсь, не кто-то из моих знакомых? – Внутри у меня все сжалось, а комок подкатил к горлу.

– Нет, ты ее не знаешь. Она молодой предприниматель, хочет открыть сеть ресторанов. Она пришла ко мне за советом, последние несколько месяцев я показывал ей свои заведения и подыскивал места для ее собственных.

– Ты спал с ней? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал, несмотря на захлестнувшую меня боль и обиду.

– Нет. Ты же меня знаешь. Я бы никогда так не поступил.

– Я думала, что знаю тебя, но теперь я в этом не уверена... – Человек, сидевший напротив меня, мой муж, внезапно показался мне чужим и незнакомым.

– Послушай. Пожалуйста, не думай, что я тобой недоволен или в чем-то обвиняю. Ты же знаешь, я тобой восхищаюсь, ты моя любовь и опора. Но вспомни, как нам было интересно, когда мы вместе открывали свое дело. Вот и она сейчас на этом же этапе. Я хочу вернуть те времена. Я хочу заново пережить все это.

– Тут дело не в бизнесе.

– И в бизнесе тоже: совместное приключение. Я восхищаюсь ею. Я многому у нее научился. И полюбил ее. Честное слово, я не нарочно.

– Само получилось, – сказала я. Обычное оправдание. Меня начало подташнивать.

– Да! Само получилось.

– Она красивая?

– Не такая красивая, как ты.

– Что мне всегда нравилось в тебе, Валид – ты совершенно не умеешь врать. Я всегда вижу, когда ты говоришь неправду. Сколько ей лет? Она сильно моложе меня?

– Ей тридцать пять.

– Значит, между вами всего двадцать лет разницы, даже меньше. Хорошо хоть не малолетка. Откуда она?

– Из Ливана, – ответил он едва слышно, сгорая от стыда.

– Ясно, – сказала я. – Знаешь, отправляйся на поиски приключений без

меня. И вокруг света тоже. А я уж как-нибудь сама.

Я не подавала вида, но мысли у меня путались и в глубине души я кипела от переполнявших меня эмоций. Я не понимала, в чем же я провинилась и чем объяснить это его решение. Столько лет он даже не смотрел на других женщин – в том числе и потому, что я была рядом, всеми способами помогая ему в организации бизнеса.

Твердо решив помешать ему, я обратилась в местное бюро по религиозным вопросам и спросила, может ли он совершить то, что задумал.

– Вы родили ему детей? – спросили меня в бюро.

– Да, троих – двух дочерей и сына, – ответила я, особо выделив слово «сын».

– Вы вкладывали свои деньги в ваш брак?

– Да. Я работала на полставки после университета и вела семейный бюджет, чтобы скопить денег на его бизнес.

– Вы были ему любящей и верной женой?

– Да, очень. А он – любящим и верным мужем. Мы были счастливы. Очень счастливы.

– Конечно, он имеет право взять вторую жену, – ответил сотрудник бюро, – если второй брак не мешает и не вредит первому.

– Поэтому я и пришла, – сказала я. – Его желание второго брака разрушает мое доверие к мужу и подрывает мою и без того низкую самооценку. Я этого не выдержу.

– Я не об этом, – объяснил чиновник. – Я имею в виду, сможет ли супруг после этого брака содержать ваших детей?

– Наши дочери замужем, а сын живет отдельно, – признала я.

– А как насчет вас? Повлияет ли этот брак на ваше благополучие? Сможете ли вы вести привычный образ жизни?

– Привычный образ жизни? – переспросила я.

– Я не привыкла делить своего мужа с другой женщиной. Кто сейчас так поступает? Пещерные люди? Мой муж – образованный человек. Он много лет жил в Америке. Полагаю, его образ мыслей из-за данной ситуации не изменился!

– Прошу вас, мадам. Я имею в виду, в материальном отношении. Пострадаете ли вы?

– В материальном отношении – нет. Во всех остальных – да.

– Я приму ваше заявление, но ничего утешительного сказать не могу, – ответил чиновник.

Я проиграла битву, но была намерена выиграть войну. Вспомнив, как обычно поступают в Саудовской Аравии и Кувейте, если муж берет себе

вторую жену, я сказала Валиду, что дам ему согласие на второй брак, если второй этаж дома он отпишет мне. Не желая ссориться, он, не раздумывая, согласился.

Он начал готовиться к свадьбе, а я – строить планы мести. В тот день, когда он женился на своей драгоценной протее, я подала на развод. Поскольку Валид только что женился, суд сразу же удовлетворил мою просьбу. У них начался медовый месяц, а я наслаждалась продуманной сладкой мезью. Поначалу он собирался свозить ее на Гавайи, куда когда-то планировали поехать мы, но я потребовала немедленно выплатить мне положенную компенсацию. Теперь на Гавайи у него денег не хватало, и вместо этого им пришлось ехать в Малайзию: это было дешевле, и там тоже были острова, солнце и песок. У меня был альбом с видами тех мест на Гавайях, которые мы собирались посетить. Она никогда не увидит Перл-Харбор и Сансет-Бич, укромные пляжи Оаху и вулканы долины Ваймеа. Я позаботилась об этом.

С того дня, как мой муж впервые заговорил о второй жене, я начала работать над своей внешностью и откладывать деньги. Муж, сам того не зная, оплатил мне подтяжку груди, увеличение губ, пластику век, а также организацию моего собственного косметического бизнеса. Валид думал, что мне не сравниться с его молодой невестой тридцати с чем-то лет, но ко дню их свадьбы уже ей было трудно сравниться со мной.

Друзья и знакомые заметили перемену, и теперь меня провожали восхищенными взглядами, каких я не видела уже давно. Партнер моего адвоката, Наваф, тоже заметил, как я похорошела. Он сочувствовал тем страданиям, которые причинил мне поступок мужа, и всегда тепло и дружелюбно встречал меня, когда я заходила к ним в офис. Я начала бывать у них все чаще, мы оба получали удовольствие от наших встреч и общения. Он восхищался моей силой и работоспособностью, а главное – решительностью и умением не терять голову во время тяжелых испытаний. Узнав, что мне дали разрешение на развод, он сделал мне предложение.

Наваф, высокий, атлетичный мужчина, овдовел несколько лет назад, в двадцать девять: его молодая жена погибла в автокатастрофе. Пережив эту трагическую потерю, он резко повзрослел и стал мудр не по годам. Мы были хорошей парой. Я не хотела спешить с новым замужеством, поэтому объявила всем о нашей помолвке, но решила немного подождать, чтобы получше узнать его. Он оказался обаятельным и нежным: похоже, мои молитвы были услышаны.

Наваф уже давно обратил внимание на женщину с грустными глазами, регулярно бывавшую у адвоката; стал спрашивать обо мне и узнал о моих

жизненных обстоятельствах. Он очень уважал меня за то, что я не сломалась и не утратила своей гордости и свободолюбия. Наваф говорил, что я ему нравлюсь и он хочет провести остаток жизни рядом со мной. Он утверждал, что хочет быть счастливым, а мое счастье – залог его счастья.

Узнав, что я помолвлена, Валид был в ярости. Мои дети беспокоились за меня, боясь, что их отец захочет отомстить Навафу или мне. Никто из детей не одобрил внезапного решения отца взять вторую жену; решения, видимо, вызванного кризисом среднего возраста. Дети были на стороне Навафа. Они понимали, какую боль причинил мне мой бывший муж, и хотели, чтобы я была счастлива. Конечно, Валид был их биологическим отцом, но он решил завести новую семью, а такое не прощается.

Валид стал преследовать меня, звонить мне в любое время дня и ночи, беспрестанно слать письма и СМС-ки. Мне было все равно. На самом деле все равно. Он просто больше ничего для меня не значил. Для меня он перестал существовать и я не обращала внимания на его детскую ревность и любопытство. Теперь я была свободной женщиной и наконец-то расправила крылья – и это было прекрасно! Мой новый жених был из другого округа и, поскольку я не хотела жить вдали от дочерей, ездил ко мне каждые выходные.

Чтобы занять себя, я завела собственный блог и аккаунты в Инстаграмме и Фейсбуке, у которых вскоре появилась большая аудитория. Благодаря этому я могла знакомиться с новыми людьми, а также развивать и рекламировать свой косметический бизнес на более личном уровне. Бизнес процветал, и у меня появилась возможность сосредоточиться на себе и заняться тем, на что у меня никогда не хватало времени в первом браке. Я стала известным человеком, мне подражали, мною восхищались – ведь, несмотря на все трудности, мне удалось начать свое дело и преуспеть. Мой бывший муж не одобрял моей славы и выступлений на телевидении, но это не имело значения: у него больше не было надо мной власти.

Все восхищались мной и обвиняли его во всех грехах. Я больше не злилась на Валида и не мечтала отомстить. Он даже вызывал у меня сочувствие: столько насмешек, унижительной жалости и упреков доставалось ему со всех сторон. Я просто положила на волю судьбы.

Когда я вышла замуж за своего молодого возлюбленного, мы вдвоем поселились в моем доме. Не из мести, а ради удобства: мне хотелось быть поближе к родным, бизнесу и новым друзьям. Мой бывший муж не мог в это поверить. Его прежняя жена, с которой он прожил двадцать один год, и ее новый молодой супруг жили с ним под одной крышей. Этого он стерпеть не мог. Мой новый муж был приятным и красивым мужчиной – из тех, кто

своей учтивостью, смелостью и решительностью вызывает у других мужчин тревогу и зависть. Для Валида было невыносимо, что даже его новая жена стала засматриваться на Навафа. Само его имя обладало загадочной притягательной силой, а от его улыбки сердце таяло. Валид время от времени навещал наших детей, но при виде Навафа глаза у них загорались, а к отцу они относились равнодушно. И это обижало его до глубины души.

Мы жили в одном доме, и я каждый день спускалась на первый этаж вместе с Навафом. День ото дня я чувствовала себя все моложе и привлекательнее. В отношениях Наваф был полной противоположностью Валида. Он хотел, чтобы я росла и развивалась, и мы начали общаться между собой по-английски. Теперь я говорила даже лучше Валида. Мне нравилось учиться у Навафа, мы вместе смотрели иностранное кино в гостиной на втором этаже. С его помощью мне наконец удалось по-настоящему освоить язык.

Наваф дал мне все, чего не мог или не хотел дать Валид. Мы с ним съездили в Мекку и помолились вместе. Я повесила замок с нашими именами на мосту Влюбленных. Мы побывали на Гавайях, где гуляли по вулкану Килауэа и наслаждались солнцем, любовью и природой. Я жила полной жизнью, мне больше не нужно было играть роль секретаря или услужливой жены. Наваф хотел, чтобы я была счастлива. Он верил в поговорку «счастливая жена – счастливая жизнь». Я даже выступала на семинарах по личностному росту, рассказывая, как важно больше любить себя и радоваться даже самым маленьким достижениям.

Я стала известным и успешным человеком, а у Валида началась депрессия. Я не знала об этом – ведь я была слишком поглощена своей новой жизнью. Меня приглашали на телешоу, меня узнавали на улицах, в торговых центрах и ресторанах. А Валид начал терять друзей, сотрудников, а, в конце концов, и прибыль. Он пытался поговорить со мной, предлагал работать вместе, но я твердо решила расстаться с ним навсегда.

Скоро он начал ссориться со своей новой женой и медленно сходить с ума. Мы с мужем часто слышали, как они ругаются по ночам. Пару раз мы слышали крики его молодой жены и вызывали полицию. Когда он во второй раз попытался убить свою жену и угрожал покончить с собой, его отправили в психиатрическую лечебницу.

Сейчас я жду ребенка – мальчика, и наслаждаюсь новой насыщенной жизнью с мужчиной, который по-настоящему ценит меня.

Из князей в грязи

Мой отец из Ливана, работает хирургом-стоматологом в Нью-Йорке. Моя мать, наполовину ливанка, наполовину египтянка, – бухгалтер; она уехала в США в поисках лучшей жизни. Две одинокие души нашли друг друга: их объединял один и тот же взгляд на мир. Однажды встретившись, они больше не хотели расставаться. После головокружительного романа, длившегося всего несколько недель, они скромно отпраздновали свадьбу на пляже в Малибу, штат Калифорния.

Но когда после медового месяца они вернулись в Нью-Йорк, романтика тут же исчезла: мать начала требовать с отца, чтобы он переписал на нее часть дома и стала учить его, как вести дела, утверждая, что теперь она его полноправный партнер в бизнесе. Отец был гордым человеком, он сам с нуля сделал свою врачебную практику столь успешной, и с негодованием отверг и попытки жены лезть в его дела, и критику в адрес его бизнеса, который якобы шел недостаточно хорошо. Ему не нравились и ее попытки управлять его финансами, и настойчивые вопросы о собственности, и абсолютная убежденность, что в семье все должно быть общим.

К тому же ее брат, вечно безработный дядя Адам, приехал к нам в гости, да так потом и не уехал. Он облюбовал себе местечко на диване перед телевизором, где и устроился навсегда с пакетом семечек и освежающим напитком в руке. Дядя Адам со своим толстым пузом постоянно маячил у нас перед глазами. На моей памяти он ни разу не вставал с дивана, лишь, удобно развалившись, смотрел телевизор; ревностно охраняя свой напиток и отращивая живот, Адам ругал телепрограммы и даже имел наглость требовать у моего отца подключить спутниковое телевидение, чтобы смотреть футбол. Дядя Адам никогда нигде не работал, а деньги получал, видимо, от сестры или от случайной халтуры, ради которой он все-таки выходил из дому, что бывало нечасто. Отец не был вспыльчивым, но однажды его терпение иссякло, и он сказал матери, что больше не желает видеть ее бездельника-брата в своем доме. Разгорелась очередная ссора, мама встала на сторону брата и обвинила отца в том, что он забыл свои ближневосточные корни и пошел против семьи. Она утверждала, что семья превыше всего, а в чужом краю мы, иностранцы, тем более должны оберегать и поддерживать друг друга. И вообще, на что еще тратить деньги, если не на семью?! Щедрость – знак

любви!

Когда я родилась, вокруг меня бушевали страсти и дело шло к разводу. Мать пила антидепрессанты и постоянно злилась, что они с отцом поженились по религиозному обряду, без официальной регистрации. Теперь, если они разведутся, она получит меньше, чем ей было бы положено по закону. Деньги всегда были для нее прямо-таки камнем преткновения, угрозой жизни и причиной ссор. Мы ни в чем не нуждались, но чувство неуверенности сидело в ней слишком глубоко. Когда развод наконец состоялся, она не смогла получить достойное, на ее взгляд, содержание, потому что брак не был официально зарегистрирован. К тому же ей не удалось найти работу. Из-за этого, а также из-за агрессивного поведения и злоупотребления антидепрессантами, суд решил, что она не может выполнять родительские обязанности. Опекунство надо мной получил отец, а мать могла навещать меня только раз в неделю.

Я обожала своего любящего отца, который забирал меня из школы, пел мне песенки и рассказывал сказки на ночь. Весной мы устраивали пикники, а зимой лепили снеговиков в Колорадо. В отличие от других родителей, которые вечно куда-то спешили, папа всегда останавливался, если на нашем пути попадалась ярмарка с чертовым колесом и каруселями, или горка в виде гигантской тыквы на Хеллоуин. У меня было счастливое и беззаботное детство. Отец на самом деле любил маму, переживал из-за развода и старался заглушить боль чрезмерной заботой обо мне.

Зато я не особенно любила мать, которая приходила раз в неделю и поучала меня, хмурясь, ехидно усмехаясь и отпуская саркастичные замечания. Она вечно говорила гадости про отца и подчеркивала, какая я неблагодарная, хотя меня одевают в шелк, меха и бархат. Она утверждала, что я живу как принцесса, потому что папочка гребет деньги лопатой, и завидовала, что у ее дочери есть то, чего она сама оказалась в итоге лишена.

Мне не нравилась эта злая женщина, которая постоянно насмехалась над моими любимыми игрушками, моей одеждой и распущенными волосами. Она считала, что мне нужно заплетать косички. Иногда она сама заплетала их, да так туго, что я потом весь день ходила с застывшим, удивленным лицом и раскосыми, как у эльфа, глазами, мучаясь от головной боли. Я боялась матери и плакала перед каждой нашей встречей. Мне говорили, что она любит меня, но такой любви мне было не надо: целый час криков и едких монологов, после которых я долго не могла прийти в себя. Ей приходилось нелегко, а наши отношения были воплощением всех проблем, какие только могут возникнуть между матерью и дочерью. Иногда

она заговаривала со мной о своей жизни, и к завершению своего рассказа она всегда начинала плакать, а я еще сильнее пугалась. Мать показывала мне синяки – кто-то бил ее, оставляя следы на ее бледной коже. Следы швов напоминали мне детские каракули. От вида одних только шрамов у меня бывали ночные кошмары. Мой отец требовал, чтобы наши с матерью встречи проходили под надзором и чтобы со мной не разговаривали на неподходящие темы. Суд отклонил просьбу, и я каждую неделю со страхом ждала очередной встречи.

Однажды отец попросил мать провести со мной целый день, потому что днем у него была конференция, а вечером – торжественный ужин. Как только он ушел, мать поднялась к нему в комнату и открыла сейф, кодом для которого была дата моего дня рождения. Даже я, в свои пять лет, знала эту комбинацию. Я увидела как она вытащила паспорта, мой забрала, а папин сожгла в металлической мусорной корзине. Она сгрэбла в сумочку лежавшие в сейфе деньги, порылась в бумагах, нашла мою медицинскую карточку и тоже сунула ее в свою вместительную коричневую сумку. Это заняло всего несколько минут. Она позвонила кому-то по телефону, который стоял в спальне, схватила меня в охапку, торопливо вышла из дома и перешла дорогу, а там ее уже ждала машина. За рулем был дядя Адам. Когда машина тронулась, я испугалась и заплакала, умоляя дать мне поговорить с папой. Я все сильнее плакала от страха и просилась домой, пока мать не ущипнула меня за бедро, так, что я вскрикнула от боли.

– Мы должны были сидеть дома, – кричала я. – Няня Делфайн будет волноваться. Она заметит, что нас нет, и скажет папе. Я хочу домой!

– Сиди тихо и не вздумай шуметь, – сказала мать. Ее волосы были подстрижены аккуратным каре. На ней была шляпа: зима в тот год выдалась особенно морозной. Она поднесла длинный тонкий палец к губам и сказала:

– Шшш! Чтобы ни звука, пока не приедем.

В то утро она была особенно грубой, даже по ее меркам. Я хныкала от страха. По щекам у меня текли слезы. Я начала всхлипывать. Она дала мне пощечину, а дядя Адам рявкнул, что у меня на лице останутся следы побоев. Тогда она ударила меня по другой щеке, но уже без злобы: она хотела, чтобы обе мои щеки были одинакового пунцового оттенка, дабы не привлекать внимания.

– Не пропусти поворот и поезжай быстрее, – резко ответила она брату.

Машины гудели. Дядя Адам опустил окно и заорал на другого водителя. Я съезжилась на заднем сиденье, прикусив язык и стараясь удержать слезы. Мать порылась в сумке, а потом попросила у дяди Адама

закурить. Он дал ей сигарету, но она не смогла найти в сумке зажигалку и прикурила от его сигареты.

– Мама, куда мы едем? – спросила я, опасаясь, что она снова меня ударит.

– Домой, – ответила она, выпуская дым.

Я не понимала, что она имеет в виду. Мы уезжали все дальше от знакомых мне мест. Я решила, что все расскажу папе: о том как мама кричала на меня и как два раза ударила, а от дыма ее сигарет у меня слезились и болели глаза.

Тогда я еще не могла понять, что мы едем в аэропорт. Мать дала мне какую-то таблетку. «Чтобы не укачивало», – сказала она, но от этой таблетки я почувствовала себя ужасно усталой и вскоре уснула. Мать на руках пронесла меня через досмотр: естественно, я не могла ни сопротивляться, ни поднять шум.

Я проспала весь полет, а проснулась уже в жаркой, шумной машине, которая очень быстро куда-то ехала. У меня болел живот и хотелось в туалет. Я заметила, что одна из дверей машины не закрывается до конца и привязана веревкой. Мне было видно, как под днищем машины быстро уносится назад песчаная дорога. Пол машины был засыпан белым песком. Я сосчитала, что в машину набилось семь человек, включая меня. Дяди Адама среди них не было. Похоже, он остался в Нью-Йорке.

– Мне надо в туалет, – сказала я. – Пожалуйста. Меня била дрожь. Я боялась, что если опишусь, мать снова меня ударит. Впереди нас ехал грузовик, раскрашенный всеми цветами радуги. Машина затормозила, мать взяла меня за руку, мы вместе вышли на песчаную дорогу и остановились у высокого дерева. Она ожидала, что я схожу в туалет прямо здесь, но мне было страшно. Я никогда раньше не ходила в туалет посреди голой песчаной равнины с редкими деревьями. Мы вернулись в машину. Я спросила, когда мы поедem обратно домой.

– Хватит! – отрезала она. – Теперь ты будешь жить у меня.

– А как же папа?! – спросила я. Я вспомнила, как папа звонил ей, а потом приезжал за мной. Это меня успокаивало: в конце концов я всегда возвращалась домой, так будет и на этот раз. Несмотря на страх, я все-таки ждала, что кто-то приедет и отвезет меня к папе. Мать не ответила, и мы снова сели в машину.

За окном расстилалась бескрайняя, ослепительно белая пустыня. Дорога все не кончалась. Потом на горизонте показался большой город, издали похожий на Нью-Йорк, и я подумала, что мы все еще в Америке. Может быть, даже в Калифорнии. Я задремала, а когда проснулась, впереди

тянулась все та же дорога. Я вспомнила сказку о Гензеле и Гретель; надо было как-то отмечать свой путь, но он был слишком долгим и я никак не могла его запомнить. У меня по щекам заструились слезы: я поняла, что меня увезли далеко от дома и я могу больше никогда не увидеть папу.

Я родилась и росла в Америке, знала только английский и не понимала, о чем разговаривают люди в машине. Водитель в белой рубашке с короткими рукавами не переставая курил. Рядом с ним сидела полная темноволосая женщина, держа на пухлых руках ребенка. Наверное, она села в машину, пока я спала. Глядя на пейзаж, я думала, что мы в Техасе, и что если я обращусь к полицейскому, он отправит меня обратно в Нью-Йорк. «Техасцы» громко переговаривались, а мама ругалась на них. Я высматривала на дороге полицейских, но не видела ни одного.

Через несколько часов мы подъехали к маленькой хижине из глины, дерева, камня и соломы. Рядом паслись большая корова и бык с очень длинными завитыми рогами. Мать завела меня в хижину и сказала, что это мой новый дом. На земляном полу лежали соломенные циновки. Темные шторы заслоняли свет, проникающий из окон. Кондиционера не было – только громко жужжал вентилятор. Через неплотно прикрытую дверь внутрь залетали мухи. Но мою мать это, кажется, не волновало. Дома она обычно убивала их мухобойкой, ругаясь, что они разносят грязь, а здесь даже не пыталась их отогнать. Крыша была дырявая, и сейчас, да потом в дневные часы, в солнечных лучах было видно, как вьется пыль и клубами летает по хижине. Позже, в зимние месяцы мы обмазывали хижину дополнительным слоем глины, чтобы внутрь не проникала влага, но жестокий холод все равно пронизывал до костей. Одежда не грела, но меня спасали местные кошки, спавшие в моей кровати: я была благодарна им за мех и тепло.

Я все еще надеялась, что это просто дурной сон, и, в конце концов, я проснусь где-нибудь в Центральном парке на Манхэттене. Шли дни. Со временем я поняла, что язык, на котором здесь говорят – не английский и не испанский, а арабский. Совсем другой алфавит. Наконец я сообразила, что нахожусь в Египте, стране мумий и пирамид, а я боялась и того, и другого.

Мы жили у одного из притоков Нила, но здесь не было нормальных дорог, только колеи на песке, следы колес, напоминали о них. Электричество в наш дом шло по проводу, проложенному под землей на глубине нескольких дюймов. Люди носили яркую одежду и широко улыбались. У многих здесь были кривые или сломанные зубы: папа легко мог бы это исправить, но он был далеко – где-то в другой жизни. Сначала я

надеялась, что встреча с матерью закончится. Но шли месяцы. Я молилась, когда просыпалась, молилась во время еды, молилась перед сном, молилась, чтобы папа позвонил, приехал и спас меня. Я перестала спрашивать, скоро ли мы поедem домой после того, как мать от злости пнула меня и сломала мне ребро. Сине-лиловый синяк не сходил несколько недель. Меня регулярно возили в больницу, а мать шутила, какая я неуклюжая.

Я научилась сама лечить свои травмы, потому что чем тяжелее мы жили, тем сильнее становились побои. Каждый день я надеялась увидеть папу на пороге хижины, на развилке, у лавки торговца фруктами. Каждый турист напоминал мне папу, и я пыталась говорить с ними по-английски. Мать ходила за мной следом, смеялась надо мной, называя мечтательницей, и объясняла туристам: «Раньше мы жили в США, и теперь дочка считает себя американкой только потому что родилась в Штатах».

Мне не верили. Я чувствовала, что тону, но никто не замечал, что я медленно соскальзываю в холодную, темную, мрачную могилу. Со временем я выучила арабский. Здесь только торговцы в крупных деревнях знали английский и другие языки, на которых разговаривали туристы. Некоторые из торговцев были вообще неграмотными, но прекрасно говорили на разных языках.

Кто-то из детей, с которыми я играла, рассказал мне, что пирамиды – это гигантские склепы для королей, египетских фараонов. Египет пугал меня, а моя биологическая мать пугала еще сильнее. Порой она даже на людях била меня до крови. И не дай Бог, если кто-то попробует вмешаться – тогда она выходила из себя и говорила мне: «Ты сама напросилась! Когда ты уже станешь нормальным послушным ребенком?»

Я была послушной. Я делала то, что мне велели, но, будучи ребенком, не могла не плакать, если хотелось есть. А если я плакала, меня избивали еще сильнее. Сначала руками, потом ногами, палкой, а иногда и железным прутом, но от него оставались слишком заметные следы и мать перестала бить меня им, когда за меня вступился старейшина деревни. Она пыталась объяснить соседям, почему так жестоко обращается со мной; я была маленькой, тихой и запуганной, но никто особо не вмешивался в нашу жизнь, поскольку «маме виднее». Даже если я приходила в школу с разбитыми губами, подбитым глазом или прихрамывая. Как-то утром она сломала мне палец, когда я уронила ложку. Дома я боялась плакать, и заплакала только в школе, на уроке письма.

Мать моей матери жила через несколько домов от нас и каждый день заходила в гости. У нее были ярко-синие глаза, и она была из старой

аристократии, что, по мнению мамы, означало «ленивая и без гроша в кармане». Каждый раз, приходя навестить нас, она ругалась с моей матерью из-за ее поведения. Но ей было приятно увидеть меня, а я пыталась объяснить ей, что мне нужно обратно в Америку, к папе. Я даже приглашала ее приехать к нам домой в Штаты. Она смеялась и говорила, что ее дом здесь, в Египте. Она пробовала уговорить меня «остаться», хотя порой сердилась и в голосе прорывалось раздражение; так что и с ней я не могла быть до конца откровенной.

Но обычно моя бабушка была со мной терпелива и добра и мы часами сидели читали сказки из трех детских книжек, которые у нас были. Одна – «Красная Шапочка», другая, с картинками – «Золушка», третья – «Тысяча и одна ночь»: толстая книжка без картинок. Сама я ее не открывала, но любила, когда мне читали ее на ночь. Это была моя хитрость, мое убежище вдали от глинобитной хижины. Я закрывала глаза и представляла, что мы с папой на волшебном ковре-самолете летим в магазин игрушек, или что можно сказать «Сезам, откройся» и вернуться в родную спальню с чистыми простынями и мягкой постелью. В своих грезах я скрывалась от бедности, клопов и побоев.

Я ходила в деревенскую школу рядом с домом. Будучи сообразительной и старательной, вскоре я все равно начала отставать, потому что плохо знала местный диалект. Я в отчаянии умоляла учителей, продавцов в магазинах, даже прохожих на улице позвонить моему отцу в Америку, но никто не слушал моих просьб. Люди просто не понимали, как я страдаю. Да и откуда им было знать? Они видели перед собой худенькую девочку, которая вечно ноет, что хочет в Америку, и не желает признавать, что ее место здесь. В конце концов я подружилась с другими детьми из школы, мы вместе играли, и это успокаивало меня. Они были добрыми и разговорчивыми, жестами и выражением лиц помогали мне понимать их язык – они стали для меня настоящим спасением.

И все же я чувствовала себя как потерявшийся турист без паспорта. Однажды я заметила молодых американских туристов, одетых в военную форму, подошла к ним и попросила отвезти меня домой: «Пожалуйста, скажите моему папе, что я в Египте! Он ищет меня. Честное слово».

Я была так рада их увидеть, я так надеялась, что они свяжутся с ним! Я рассказала, что папу зовут доктор Самми Саад, что он зубной врач и живет в Нью-Йорке, в Верхнем Ист-Сайде, что у него черный Шевроле. А я его дочь. Мама увезла меня от него, и я не видела отца уже несколько лет. Я сказала, что скучаю по нему, что мне надо домой. Тут подошла мать и молча крепко взяла меня за руку. Я затихла.

– Дочка увидела американцев и немного увлеклась, – сказала мама. Она с беззаботной улыбкой болтала с туристами. – Когда-то мы ездили в Диснейленд и чудесно провели время. Может, еще когда-нибудь туда съездим, когда она подрастет.

Она угостила американцев сигаретами и сама закурила. Они в ответ заулыбались. Мои надежды развеялись как дым. Туристы решили, что я просто впечатлительная фантазерка, и ушли, поблагодарив маму за сигареты и пожелав мне когда-нибудь снова съездить в Америку.

Когда мы пришли домой, мать ударила меня глиняной миской. Миска разбилась, а я упала на пол и не могла встать. Глаза у меня были полуоткрыты, и мать решила, что я умерла. Я была худенькой, хрупкой, и меня уже не раз били по голове. Больно не было. Я вообще ничего не чувствовала. Было прохладно и спокойно, словно я лежала на облаке. Мне не было страшно, я просто потеряла сознание. Она орала, но я не понимала, что она говорит. Она пнула меня – наверное, думала, что я встану, но я не встала. Вошла бабушка и увидела, как мама пинает маленькое, хрупкое неподвижное тело ее внучки, а под головой с туго заплетенными косичками медленно расплзается лужа крови. Кровь шла у меня из носа и ушей.

Меня отвезли в Университетскую больницу в Асуане – главную больницу южного Египта. На этот раз все было серьезно. Я не могла толком прийти в себя. В глазах у меня стоял туман и я постоянно теряла сознание. Мучительно болела голова, меня тошнило воздухом и пузырьками, потому что в желудке было пусто. Я была как пьяная; все время клонило в сон. Не получалось внятно говорить, я не могла и не хотела встать. Я еле дышала. Мать поняла, что на этот раз перестаралась. Она плакала и выла, а я лежала у нее на руках как вареная капуста – не ребенок, а овощ.

Из-за черепно-мозговой травмы я лишилась чувств. Зрачки у меня были разного размера. Ноги были как ватные, рефлексy не работали, температура тела падала. Я чувствовала что умираю.

– Ты убила ее, злодейка психованная, – стенала бабушка, горестно раскачиваясь вперед-назад и с укором глядя на дочь. – Надо было оставить ее у отца. Бог тебя не простит. Не простит. Ты убила ребенка. Чудовище!

– Хватит, – сказала мать. Она нервничала. Она не рассчитала силу удара, не ожидала, что глиняная миска раскроит мне череп. – Откуда я знала! – крикнула она, осеклась и начала молиться. – Я не хотела бить ее. Она вечно ноет, что хочет домой. Ее место со мной! Самми мне не помогает ничем. Я думала, он будет давать мне деньги. Я не могу ее содержать. Он против меня, ты против меня, весь мир против меня!

– Надо было оставить ее с отцом, – сказала бабушка. – Ты себя прокормить не можешь, да еще и ребенка забрала. Теперь, дура, вы вдвоем с голоду помрете!

– Тихо, ты ставишь меня в неудобное положение. Ей просто кокос упал на голову. Так и говори. Иначе, если она умрет, меня посадят. О Боже! Я в тюрьме и недели не протяну. Мама, обещай, что никому не скажешь. Ты видела, как ей на голову упал кокос, я в этот момент была в доме, а потом... а потом вышла на улицу. Когда это случилось, меня вообще рядом не было.

– Замолчи, ведьма, пока твоя ложь тебя окончательно не погубила. – Бабушка была решительной женщиной. В молодости она изучала арабскую литературу и преподавала в школе, а потом вышла на пенсию и завела себе кур, уток и тесную компанию подруг: вдов и матерей, которые каждый вечер заходили к ней на чай.

– Мама, прошу тебя...

Пока я медленно умирала, моя мать дрожала за свою жизнь. Ее слезы падали мне на лицо, а я безучастно смотрела в больничный потолок.

– Теперь все будет по-другому, – сказала бабушка. – Все будет хорошо, но тебе придется изменить свое поведение.

Врачи боялись, что у меня травма позвоночника. Сделав рентген, они увидели, что у меня проломлен череп, и спросили, при каких обстоятельствах я получила травму. Мать рассказала историю про кокос и я слабо кивнула. Лучше известное зло, чем неизвестное. Я боялась, что меня отдадут чужим людям: ведь в больнице я видела много сирот в синяках и шрамах, и каждый мог много порассказать о своих злоключениях. Мне не хотелось стать одной из них.

Я решила ничего не говорить: тогда меня, может быть, оставят в покое. Врач пригласил маму и бабушку в кабинет и показал им рентгеновский снимок моего черепа, на котором была видна тонкая трещина. Затем они обе сели у моей кровати и стали обсуждать мое состояние. У меня было сотрясение. Врач пояснил, что оно может вызвать впоследствии головные боли и когнитивные нарушения, то есть я буду чувствовать себя как в тумане. Впоследствии, возможно, возникнут эмоциональные и поведенческие изменения и нарушения сна.

Я долго пролежала в больнице. Медсестры спрашивали, откуда у меня столько синяков, порезов и шрамов. Я решила ничего не рассказывать: вдруг в следующий раз мать ударит меня камнем и тогда я вообще больше не встану. Я не говорила, что хочу обратно в США, но трудно было не заметить, что я знаю героев Диснея и некоторые места в Америке, а еще что у меня отчетливый американский акцент.

Похитив меня, мать позвонила отцу, надеясь, что он будет финансово поддерживать нас. Он сказал, что это вымогательство и эмоциональный шантаж, отказавшись участвовать в преступной схеме, которую мать придумала, чтобы обобрать его. Он был вне себя от горя и орал в трубку, что я могу умереть от малярии и от сотни других болезней, от которых меня не прививали. И он оказался прав. В Египте я несколько раз болела малярией. Кроме того, он был моим законным опекуном и мать не имела права забирать меня из больниц. Он поклялся приехать, найти и увезти меня обратно, но мать пригрозила, что если он только попробует это сделать – она убьет меня. Насколько тепло и нежно отец относился ко мне, настолько же холодно и жестко он разговаривал с ней. Мать так испугалась его, что вообще перестала звонить. Я не видела отца больше тринадцати лет. Я не знала его номера и скоро забыла свой адрес, свою школу, лица и имена американских друзей.

Когда меня выписали из больницы, я вернулась в местную школу. После ее окончания я хотела поступить в хороший университет, но у матери не было на это денег. Она собралась с духом, позвонила отцу и попросила дать мне денег на учебу. Он согласился оплачивать мое образование, книги и репетиторов при одном условии: лето перед началом первого семестра я проведу у него. От радости я плакала сильнее, чем в тот день, когда меня похитили. У меня словно крылья выросли за плечами. Я улечу домой и больше никогда не вернусь в Египет. Но мне нужно было держать свои мысли, мечты и надежды при себе, пока я снова не увижу папу.

Отец женился во второй раз и вместе с новой женой переехал в Калифорнию. В их доме меня встретили объятия, поцелуи и двое детей: мои сестричка и братик. Из вежливости я сказала малышам «привет», но они были для меня пока еще чужими людьми. Моя комната была обставлена точь-в-точь как моя детская в Нью-Йорке тринадцать лет назад. Плюшевый мишка был цел, музыкальная шкатулка стояла на своем месте, на столике, платья висели в шкафу, ожидая моего возвращения. По стенам на цветных тесемках были развешаны мои рисунки. По всей комнате висели мои школьные фотографии – наверное, чтобы было не так заметно мое отсутствие. Почувствовав, что покрывало на кровати пахнет лавандой, я вспомнила прежние счастливые времена. Мне казалось, что я, как Белоснежка, спала много лет и наконец проснулась! Но мое счастье омрачала грустная мысль: отец перенес мое исчезновение и начал новую жизнь, а я – нет. У него была любимая жена и двое детей, и это смягчило горечь потери. И теперь он не знал, о чем со мной разговаривать. Я

чувствовала себя обманутой и брошенной. Новые члены семьи заняли мое место в отцовском сердце. Глядя на младшего ребенка, я вспоминала себя: когда меня похитили, я была примерно его возраста.

Теперь я выросла, но у меня осталось много вопросов без ответа. Может, отцу стоило лучше искать меня, когда я пропала? Я собиралась рассказать ему о пережитых страданиях: побои, болезни, зной, жестокие насмешки детей, не веривших, что мой отец успешен и богат, одинокие вечера, когда никто не рассказывает сказок на ночь и не целует перед сном. Но я не стала ничего говорить. В его новой жизни я была помехой: ведь семья, которая заняла мое место, жила своей счастливой, размеренной и благополучной жизнью.

Я забыла родной язык и говорила по-английски с иностранным акцентом и чувствовала, что меня не понимают так же, как одноклассники в начальной школе, когда меня привезли в Египет. Тогда я была нищей, но сейчас все было еще хуже. Даже когда папа давал мне деньги, мне казалось, что все смотрят на меня снисходительно, как на сиротку-приемыша. Я стала чужой в собственном доме. По убежищу, которое я выстроила для себя, словно пронесся торнадо, оставив мне только хаос и острые осколки разбитых воспоминаний. Мне казалось, что меня снова похитили и увезли на чужбину. Я чувствовала себя совершенно потерянной. За время моего отсутствия мой родной дом стал для меня чужим. Отец изменился, постарел, и я была для него уже не «маленькой принцессой», как когда-то, а помехой, нарушившей привычный ход его жизни. Мне это было не по душе. Я просто хотела вернуться домой, но со мной обращались, как с почетным гостем, и даже разговаривали как-то робко. Я была как ценная фарфоровая кукла, которую сначала потеряли при пересылке, а потом, наконец, доставили по адресу, однако сделав это слишком поздно: день рождения и Рождество давно прошли, время игр и счастья закончилось.

В Египте меня чуть не убили за то, что я говорила что думаю. И вот я приехала в свободную Америку, но никому не могла рассказать того, что жгло меня изнутри. Я чуть не плакала, видя, как счастливы мои брат и сестра и как несчастна я. Они были такими наивными, им так мало надо было для радости. Когда-то и я была такой же, но мне пришлось пережить слишком много страданий и психических травм; теперь мое сердце не пело, как прежде, а молчало. Мой разум и душа были не такими как прежде, все было не таким, как когда-то. Говорят, что бы ни случилось, жизнь продолжается, но мою жизнь резко и грубо оборвали. А я лишь мечтала вернуться домой, но дома у меня больше не было.

Погода стояла чудесная, но меня не радовало ни солнце, не легкий

летний бриз, ни пляж. Пляж Малибу – райское место для тех, кто любит солнце, но мне все лето было холодно. Для меня не хватало места в машине, в доме теперь жила большая собака, и я ее боялась. Мой брат Рэмси сказал мне, что пес наполовину ирландский волкодав; эту породу вывели, чтобы охотиться на оленей и волков, а когда Рэмси был младше, собака с легкостью катала его на спине. Она все время пыталась лизнуть меня, а мне казалось, что она пробует меня на вкус, а ночью придет и съест. Я понимала, что надо взять себя в руки, и всеми силами пыталась отогнать нездоровые страхи, не превращать любое милое лицо в гротескную маску.

Мне было неудобно, что папе приходится обедать на диване, а я сижу с его женой и детьми за столом, рассчитанным только на четверых. Дети радовались, что у них есть сводная сестра из страны фараонов и пирамид, и засыпали меня вопросами. Их интересовало то же, что и всех туристов: мумии, пирамиды, золото и, конечно, террористы. Я отвечала, что не видела ни одного. Мы разговаривали о религии, политике и свободе слова на Западе и на Ближнем Востоке. Они хотели как-нибудь приехать ко мне в Каир, и я сказала, что буду рада. У меня не было друга, с которым я могла бы поделиться своей абсурдной проблемой: я так мечтала вернуться домой, это случилось, спустя столько лет ожидания, но теперь я считала дни до отъезда обратно. Я купила билет в Египет и улетела на неделю раньше: мне было душно в этой стране приторного счастья, потому что она больше не была моим домом. Солнечная погода, вкусная еда, милые люди... Но я все время чувствовала себя лишней. Мне не удалось забыть о перенесенных страданиях. Дети, папа, мачеха – все они были чисты и невинны, а то, чего увидалась за свою жизнь я, могло навсегда разрушить их душевный покой.

Я прекрасно провела каникулы, но была счастлива снова оказаться в Египте – на земле, которая стала мне матерью. Я вернулась в ее лоно и радовалась удачам, которые выпадали мне на моем трудном пути. Поступив в университет, я уехала из южного Египта в северный. Теперь я жила в Каире: огромном, шумном и многолюдном городе, полном жизни и увлекательных приключений. На каждом шагу меня ждали новые открытия. Люди казались такими разными, а преподаватели – умудренными, как ходячие пыльные энциклопедии: не зря большинство из них продолжали работать в университете до глубокой старости. В этом оживленном мегаполисе можно было встретить людей со всех концов света, а его стены дышали тысячелетней историей. У каждого в Каире была своя история: о любви или о несчастье, и любой был рад рассказать свою или чужую историю, или даже историю своей страны первому встречному – просто ради удовольствия. Каир был пыльным и пряным, за бесчисленные

века он не растерял своего древнего очарования. В Каире люди много работали и их всех – и меня тоже – объединяло чувство принадлежности к одной из древнейших цивилизаций Земли, и от этой мысли мое сердце начинало биться чаще. Я любила Америку, но Египет не отпускал меня. Он был мне как мать – не биологическая, а, скорее, как мать-земля, приютившая меня и подарившая другую жизнь.

По пятницам я работала в благотворительных организациях: это была моя психотерапия. Это были места, где, помогая другим, я могла исцелиться сама. Словно срасталось сломанное в детстве ребро. Я была благодарна Богу за эту возможность, я повзрослела и больше не боялась ответственности ни в университете, ни в клубах. У меня было много друзей и я радовалась этому. Жизнь наконец-то начала налаживаться.

Университет был для меня волшебным городом, он обещал увлекательные открытия и приключения. И, в конце концов, сдержал обещание. Здесь учились студенты разного возраста, из разных стран, с разным цветом кожи, но все они были согласны в одном: что в кафе напротив университета были самые вкусные в мире кофе и чай. Турки, голосистый торговец, продававший бублики рядом с кафе, точно был волшебником: его выпечку мы готовы были есть на завтрак, обед и ужин. Он утверждал, что рецепт бубликов передается в его роду из поколения в поколение и достался ему от предков – они, по его словам, были родом из Турции, поэтому у него голубые глаза. Якобы и свое имя, Турки, он получил из-за турецких корней.

Мальчишки смеялись над его волосами, потому что они смешно курчавились и торчали по бокам головы в форме пирамид, а макушку и лоснящийся лоб прикрывала *такия*. У него было квадратное лицо с толстыми губами и плоским носом, а ресницы завивались не слабее, чем волосы. Когда его спрашивали, откуда у него такие синие глаза, он с довольным видом сообщал, что его однажды даже приглашали сниматься в кино, вот какую замечательную внешность даровал ему Всевышний. Он часто улыбался, показывая крупные белые зубы с зажатой в них палочкой *мисвака* – арабской «зубной пасты», богатой фтором: ее мягкие волокна так хорошо очищают рот, что мусульманский Пророк, мир ему, советовал пользоваться ею еще 1400 с лишним лет назад. Турки со своими вкусными бубликами всегда стоял на привычном месте, высокий и крупный, в серой полосатой *галабее* – своей повседневной униформе, в складках которой скрывалось множество полезных вещей и мелочей со всех уголков мира.

Своей насыщенной атмосферой Каир привязывал к себе, приглашая местных жителей пройтись вновь по своим улицам. Говорят, Нил –

заколдованная река: каждый, кто испил его воды, непременно вернется сюда. Теперь и он и страна были моим домом, моим утешением.

После возвращения из Америки мои отношения с матерью не изменились. Мы вместе переехали из глинобитной хижины в Каир, в маленькую квартиру. Жили бедно, спали на одной кровати и питались самой дешевой едой, да и той не хватало. Мама пыталась работать, но платили мало. С возрастом ее приступы гнева только усилились.

Однажды она так избивала меня, что я снова попала в больницу. Я несколько дней не ездила в университет, потому что в трясущемся поезде мне было больно – ныли сломанные ребра. У меня было внутреннее кровотечение и синяки, как будто меня сбивала машина. Корсет на шее, рука на перевязи, подбитый глаз, разбитая губа, лиловый синяк и два шва на щеке. Все однокурсники решили, что я попала в автокатастрофу; сложно было найти этому другое объяснение. И с этим трудно было поспорить: я действительно чувствовала себя так, словно меня переехало автобусом. Одна из преподавательниц заметила, что я вся в синяках и мучаюсь от боли, и решила помочь мне. Она считала своим долгом выяснить, кто это сделал. Преподавательница на самом деле желала мне добра и говорила очень искренне – это чувствовалось. Когда я рассказала ей, что дома меня избивает мать, она не удивилась. Ибо видала и не такое. Она взяла дело в свои руки, позвонила моему отцу и предложила ему поселить меня в университетском общежитии. Еще один ангел на моем пути, еще одно божье благословение. Бог всегда хранил и оберегал меня, посылая мне людей, которые защищали меня, заботились обо мне, помогали, становились мне как сестры, матери, братья и отцы. Пути Господни неисповедимы.

Никто из моих друзей не знал, как плохо мне приходится. Чтобы скрыть неприятную ситуацию, я никого не приглашала в гости и говорила, что моя мама на юге, ухаживает за больной бабушкой. Мне не хотелось, чтобы друзья слышали, как она жестоко насмехается надо мной и отпускает едкие комментарии в адрес любого, кто живет лучше, чем мы. Я боялась, что ее ехидство обидит моих друзей и отпугнет даже самых смелых. Друзья же могут заменить семью и поддержать в жизненных невзгодах. Кроме них у меня никого не было.

Когда я поселилась в общежитии, стало намного легче. Я подрабатывала, это давало мне и общение, и практику: подготовку к будущей работе. Для себя я обнаружила, что у меня много верных друзей, которые всегда были готовы помочь, пускай втайне и не верили, что мой папа богат. В женском общежитии я нашла себе подруг и сестер, которые

стали поддержкой и опорой для моей потерянной, одинокой души. Дух взаимопомощи в Египте очень силен. Люди здесь большие идеалисты и верят, что все будут относиться к ним так же, как они относятся к другим.

Странное дело: когда судьба что-то у тебя отбирает, Бог взамен посылает тебе неких тайных ангелов, которые возвращают твоей жизни смысл. Я находила утешение в маленьких радостях; скажем, когда у меня не было денег на булочку, добрый Турки угощал меня бесплатно только лишь потому, что я – постоянный покупатель. Мне стало легче переживать трагикомедию своей жизни, когда я смирилась со своей участью и стала по-настоящему ценить все то, что выпадало на мою долю: и хорошее, и дурное, и обидное. А хорошее в моей жизни было: например, своей прилежной учебой и активной работой в клубах и благотворительных проектах я обрела уважение товарищей. Из грустного: пришлось принять тот факт, что постепенно я утратила эмоциональную привязанность со своими родителями и теперь семью мне заменяли мои друзья. Обижало же меня то, что я училась в дорогом частном университете, но у меня не было денег. Но зато я обрела друзей, которые были рядом со мной и в учебе, и при работе над проектами, в путешествиях, в веселых компаниях и на подработках. Если нужно, они всегда находили мне место в своей машине, в своем доме, за своим столом. Теперь у меня был собственный уютный мирок, и я знала, что все будет хорошо.

Бог милостив, и я благодарна за все, что он мне дал. Глубоко в душе поняв это, я отряхнула с себя прах прошлого и смело взглянула в глаза жизни. Через некоторое время я основала собственный бизнес по организации праздников, и теперь управляю успешной фирмой. Думаю, в нашем безумном мире страстей и изменчивых мод бывает даже полезно пережить личную катастрофу: так ты способен научиться справляться со страхом и постоянной неуверенностью в завтрашнем дне. Я сумела усвоить этот урок: после всех невзгод я приобрела мудрость, внутренний стержень и умение с улыбкой переносить любые бури.

На данный момент я переехала в Саудовскую Аравию и не виделась со своей матерью вот уже несколько лет. На Рождество, Пасху и летний отпуск я езжу к отцу в Америку. Мои брат и сестра сейчас фрилансеры, сотрудничают с саудовскими компаниями и регулярно приезжают ко мне. Они стали мне добрыми друзьями. Мы все повзрослели и теперь нам проще общаться. Я свозила их в Каир. Они никогда раньше не бывали в Египте, и мне было забавно наблюдать на их лицах и в их эмоциях наивность и восхищение. С ними я впервые съездила на пирамиды, потому что местные туда не ездят, их посещают только туристы. Осмотрев

гигантские склепы, мы покатались верхом в районе Харам, неподалеку от пирамид. Есть люди, которые в прямом смысле живут в этих гробницах: странно было наблюдать, как они выходят на улицу из пирамид, будто из домов с высокими крышами. Удивительно, но дети, выбегая наружу из этих мрачных строений, улыбались. Такова египетская жизнь.

Жить рядом со смертью.

Ничего не бояться.

Слушать музыку жизни.

Я сильный и счастливый человек, и главное – я благодарна судьбе за все. Ведь я выстояла.

Спасибо, Египет.

Свобода в крови

Тюремщик опасной бритвой сбрасывал мои длинные каштановые локоны, и кровь стекала у меня по лбу. Мои губы были разбиты, и вязкая струйка теплой, липкой крови медленно перемещалась с лица на шею. Бритва была ржавой и сломанной. Сколько женщин до меня уже познакомились с нею и скольким это еще предстоит... Тюремщик говорил, что это хорошее наказание для непокорных женщин, и утверждал, что так велит ислам. Но я знала Священную книгу: этот человек выдумал свою собственную религию для борьбы с непокорными. Я же хотела только одного: права голоса, соблюдения прав человека, и получения возможности занять достойное место в обществе...

Меня зовут Джамила, я мусульманка: наполовину арабка, наполовину алжирская берберка. Сколько себя помню, я всегда горела идеалами свободы. У меня было множество идей, как способствовать развитию общества и приучить граждан открыто выражать свои мысли. Мы десятилетиями жили в условиях тирании и несправедливости; французское владычество стоило жизни миллиону наших сограждан. Отношение французов к нашему народу емко выразил подполковник де Монтаньяк, который в 1843 г. писал другу:

Я лично предупреждаю всех солдат, которыми имею честь командовать, что собственноручно изобью саблей каждого, кто приведет ко мне живого араба... Дорогой друг, вот как надо воевать с арабами: убивать всех мужчин старше пятнадцати лет, забирать их жен и детей, грузить их на корабли и отправлять на Маркизские острова или еще куда-нибудь. Одним словом, уничтожать всех, кто не согласен ползть у наших ног как побитая собака.

При французах мусульмане составляли 90 % населения, но получали только 20 % национального дохода.

Считая, что европейская культура далеко превосходит любую другую, французы закрывали арабские школы и вводили образование по французскому образцу. Алжирцам не позволялось даже говорить и писать

на родных языках – арабском и берберском.

Французы защищали свободу и демократию в родной стране, а в Алжире устроили почти апартеид. Даже в 1947 г., когда была создана алжирская Национальная Ассамблея, половина ее членов представляла интересы 1,1 миллиона немусульманского населения, а другая половина – интересы всех 6,85 миллионов мусульман.

Малочисленность мусульман в алжирской Ассамблее вызвала возмущение. Особенно учитывая, что во время Второй мировой войны мусульмане составляли половину вновь образованной французской армии. Алжирские воины в составе Французского экспедиционного корпуса помогали освобождать Италию, Германию и саму Францию.

Во время демонстрации за политические права в Сетифе в мае 1945 г. произошли столкновения мусульман с полицией. В беспорядках погибло сто полицейских. В наказание французская армия убила шесть тысяч алжирских мусульман.

В конце концов французское правление закончилось, но 132 года под властью французских угнетателей нанесли нашему народу глубокую рану. Алжиру и его жителям предстояло заново обрести свою идентичность, заново постичь свой язык и свою судьбу. Даже те, кто не верит в Бога или не знает о нем, порой в трудный час обращаются к небу с мольбой. Народ стремился вновь отыскать свои корни, но молодые ростки самосознания дрожали от каждого порыва ветра. Алжир враждовал со своим собственным народом, который был в смятении и тяжело переживал последствия культурной оккупации.

События моей жизни разворачивались на фоне репрессий и их последствий. Я была лучшей ученицей в классе и хорошо успевала по всем предметам. Мои товарищи восхищались мной и считали меня будущей гордостью нации: мне предстояло стать врачом, ученым или инженером, работать на благо народа, чтобы помочь ему забыть о французской тирании. Мне и в голову не приходило, что из-за того, что я девушка, меня будут считать существом низшего ранга или не позволят избираться в президенты, как я мечтала.

17 лет – самый бунтарский и бесшабашный возраст. Мы не боимся ни танков, ни правительства, ни мамы с папой, ни незнакомцев, ни бешеных собак, ни даже жестоких людей с оружием. Мне было как раз семнадцать, когда в Алжире установился безумный деспотический режим. Я была на передовой протестного движения. Выступала перед публикой. За мою непокорность режиму мне обрили голову и посадили в тюрьму. Моим родным пришлось давать взятки, чтобы меня выпустили. Только имя и

деньги моей семьи спасли меня от побоев и бессрочного заключения в одиночной камере. Остальным повезло меньше.

После моего освобождения родные отправили меня в соседний Тунис к родственникам. Я стыдилась своей обритой головы и шрамов, оставленных бритвой. Родители же боялись, что меня снова арестуют, ведь я открыто выступала против режима, который силой захватил власть в Алжире.

Перед моим отъездом родители сообщили мне, что нашли для меня хорошего мужа, образованного и многообещающего. Я попросила хотя бы показать мне его фотографию, но не смогла уговорить родителей; они якобы не хотели, чтобы что-то отвлекало меня от образования и карьеры.

Прожив неделю в Тунисе, я должна была улетать в Париж, в колледж. Хотя Франция и была виновата в оккупации Алжира, мне не терпелось вернуться в столицу этой страны. Лететь до Парижа всего два часа, но казалось, что тысяча лет отделяет его от безумцев, преследовавших меня в Алжире. Я не таила обиды на французов, ведь их большинство в Алжире были простыми солдатами и страдали почти так же, как и мы, местные. Виной всему был самовлюбленный милитарист на самом верху, который хотел взять себе больше, чем принадлежало ему по праву. Мои французские друзья были приятными людьми и хорошо ко мне относились.

Пропустив вперед женщин с детьми и инвалидов, я прошла к выходу на посадку и села в самолет. Стюардесса указала мне на мое кресло. Дойдя до своего ряда, я увидела, что на моем месте сидит какой-то красивый незнакомец. Я сложила ручную кладь в отсек над сиденьем и достала из сумочки посадочный талон.

– Прошу прощения, это мое место, – сказала я, показывая ему свой посадочный талон с номером кресла.

– Я всегда прошу кресло у прохода, – объяснила я.

Незнакомец встал и с улыбкой ответил:

– А вживую ты еще красивее, чем на фото.

– Простите? – не поняла я. – Кажется, вы меня с кем-то путаете.

– Надеюсь, что нет, – сказал мужчина, с восхищением глядя на меня.

От его взгляда мне стало не по себе, но раз уж я не побоялась выступить против режима, то и скучающего бизнесмена не испугаюсь.

– Вот номер моего кресла, – сказала я, протягивая ему свой посадочный талон.

– Конечно, милая, хочешь сидеть у прохода – сиди. Меня с детства учили, что муж должен защищать жену. Но, в конце концов, мы не на алжирской улице и сейчас не Средневековье, – он деланно засмеялся,

видимо, в попытке разрядить напряженную атмосферу.

– Жenu?! Сэр, я не знаю, кто вы такой и почему так со мной разговариваете, но, по-моему, это очень некрасиво и оскорбительно. Извините за мой тон, но я помолвлена, и ваше поведение мне совсем не нравится. Пожалуйста, не разговаривайте со мной до конца полета, иначе я попрошу пересадить меня на другое место.

Мужчина пораженно взглянул на меня и спросил:

– Ты же Джамила, верно?

Я посмотрела ему в глаза, думая, что он шутит или издевается, но, кажется, он действительно был озадачен.

– Да, – сказала я. – А вы кто?

– Я Карим, – с видимым облегчением ответил мужчина. – Твой муж.

Я не могла поверить: родители не сочли нужным сообщить мне, что без предупреждения выдали меня замуж!

– Пожалуйста, сядьте в кресло, – сказала подошедшая стюардесса.

У меня не было выбора, пришлось сесть. Я заплакала. Молчаливые слезы превратились в громкие рыдания, а я не понимала, как родители могли так со мной поступить.

Муж пытался успокоить меня, убеждал, что он добрый человек, что он хорошо образован, учился в университете США и в Канаде. Он обещал свозить меня туда и показать мне Нью-Йорк, Ниагарский водопад, Вашингтон, Скалистые горы.

Все было без толку. Я проплакала весь полет. Карим пытался отвлечь меня, описывал наш дом в Париже, нашу собаку, соседей, свой офис. Он говорил, что будет отвозить меня в университет и забирать после работы. Но все это казалось каким-то сюрреалистичным. Я сидела, всхлипывая и глотая кофе, и мечтала только об одном – очнуться от этого кошмара.

По правде говоря, Карим действительно был красивым, образованным, добрым и прогрессивным. Любая женщина мечтает о таком муже. Он взял меня за руку и не отпускал до самого приземления. В Париже на время нашего «медового месяца» мы поселились в отеле: он сам привел меня в номер, всю дорогу держал за руку, и даже перенес через порог. Он всеми способами пытался показать мне свою любовь, но в ванной, пока я умывалась перед сном, меня била дрожь. Ведь мне предстояло отдаться мужчине, которого я знала всего несколько часов. Ощущения были как в голливудском фильме, когда женщина зовет к себе домой мужчину, с которым только что познакомилась в баре. Мне было всего семнадцать, а сейчас мне предстояло потерять девственность. Не так я представляла себе свою первую брачную ночь...

Карим усердно выполнял все обязанности мужа, но, несмотря на свой добрый характер, был скуп на эмоции, как в беседе, так и в любви. Моя первая брачная ночь стала тяжким разочарованием, как и последующие дни и ночи. Я страдала от невероятного одиночества, но скоро забеременела. Постепенно я нашла свое счастье в детях, карьере и других занятиях.

В алжирском аэропорту мне пришлось отказаться от политической борьбы. Я любила свою страну, но когда тебя преследуют и не признают твоего права на существование, остается только молиться и мечтать. В конце концов все стало медленно и мучительно возвращаться на круги своя. Ситуация в стране улучшилась и теперь я чаще бывала в Алжире, с радостью наблюдая за переменами.

Во Франции я хорошо училась и была одной из лучших в группе. После окончания университета меня и еще сорок девять человек – из трех тысяч кандидатов – взяли на работу по специальности «банковские инвестиции» и, в конце концов, руководство моей фирмы доверило мне управление самыми крупными и важными европейскими инвестиционными портфелями. Все силы, которые раньше уходили на политическую борьбу, я теперь вкладывала в свою карьеру.

Профессионально я вполне состоялась и добилась успеха, а вот семейная жизнь казалась мне пустой и безрадостной. Но, несмотря на разочарование, мысль о разводе ко мне не приходила. Во-первых, не хотелось, чтобы дети росли без отца, во-вторых, моим родным так было спокойнее: они знали, что обо мне есть кому позаботиться. Для моих ровесников это не так уж важно, но старшее поколение – совсем другое дело.

Моя карьера складывалась удачно, я зарабатывала больше мужа и каждый франк приносила в семью. Завидуя моему успеху, муж постоянно выискивал способы пустить семейные деньги на ветер. Он пристрастился к азартным играм и уже дважды брал кредиты под залог дома.

Прошло пятнадцать лет. В моей семейной жизни были приятные моменты, в основном связанные с моими чудесными сыновьями и нашим уютным домом. Но мой брак разваливался на глазах. Карим дважды заводил любовниц, и каждый раз это был тяжелый удар для нашей совместной жизни: первый раз – потому что я этого не ожидала, второй – потому что после первого раза муж обещал, что больше это не повторится. Узнав о втором предательстве, я с удивлением осознала, что никогда не любила Карима. Наш брак организовали родители, а моего мнения никто не спрашивал. Мы оба делали все что могли для его развития, особенно сначала, но у нас ничего не получилось.

В один прекрасный день я поняла, что мне всего 32 года, и жизнь еще не кончена. Я не могла смириться с нескончаемым однообразием бессмысленной совместной жизни.

Собравшись с духом, я попросила развода. Карим с негодованием отказался. Он был поражен, что я вообще осмелилась заговорить о разводе: как может женщина жить без мужчины?! Несмотря на все его измены, он никак не ожидал, что его жена, устав от безрадостной жизни, соберет вещи и уйдет. Неслыханное кощунство. Безнравственность. Безумие. Но я никогда не отличалась смирением и все равно получила у него развод.

После расставания с Каримом мне пришлось выплачивать кредиты, которые он оформил на мое имя, но хуже всего было то, что мои сыновья остались без отца. И все же я знала, что приняла правильное решение.

Несколько лет мне приходилось нелегко, но, в конце концов, я выплатила долги и выкупила из заклада дом. У меня снова были и деньги, и свобода, но все-таки пережитое потрясло меня до глубины души. Я долго корила себя за неудачу и предательство, мучилась чувством вины от того что бросила мужа. Но я знала, что не согласна выстраивать свою жизнь вокруг другого человека, что у меня есть более важная цель. Если бы не заботы о благополучии детей, я, возможно, даже решилась бы вернуться в Алжир и тихо жить в окружении старших сестер, братьев и других родственников, вдали от любых скандалов и неприятностей, которые могли подстергать меня после развода. Но я никогда не следовала чужим ожиданиям – такой уж я родилась. Огонь, который пылал во мне, когда мне было 17, снова зажегся в моей душе, очистив и закалив ее.

Обеспечив свое будущее и будущее сыновей, я уехала из Европы ближе к своим культурным и религиозным корням. Теперь моим домом стал Дубай. При переезде я продала все, что могла, и начала строить новую жизнь. Я добилась успеха, ведь в Дубае ценят трудолюбие, и каждый может занять в обществе место, которого заслуживает, независимо от пола, расы и религии. Теперь я работаю на руководящей должности в крупном банке и по праву горжусь собой и своей жизнью. Теперь я, полуалжирка-полуфранцуженка, говорю на родном языке и живу в культуре, которую понимаю и люблю. Судьба была ко мне сурова, но мне не на что жаловаться. На все воля Божья. Я поступала по велению сердца и не жалею об этом.

Надеюсь, все мы когда-нибудь научимся делать свой выбор сами, а не по указке французских колониальных властей, экстремистов или родных. Надеюсь, мы победим сексизм и преследующие нас кошмары, освободимся от призраков прошлого, перестанем бояться свободы и смело взглянем в

лицо будущему и своей судьбе.

Как пела знаменитая французская певица Эдит Пиаф: *Je ne regrette rien*
– «Я не жалею ни о чем».

Благодарности

Я хочу поблагодарить свою мать, Мару, отца, доктора Файсала, а также всех сестер и братьев за любовь и поддержку. Большое спасибо бабушке, которая показала мне, что исполнять мечты никогда не поздно.

Я хочу поблагодарить Брэдли Стеффенса за то, что он помог мне правильно «подать» эти рассказы и книгу в целом.

Я в большом долгу перед женщинами, которые поделились со мной своими рассказами о настойчивости, выживании и успехе. Для соблюдения конфиденциальности я изменила имена героев, но все описанные события действительно произошли в стране пустынь.

Table of Contents

[Аль Кассеми Хинд Черная книга. Истории женщин востока](#)

[Искренне твой](#)

[Принцесса и нищая](#)

[Не покину тебя никогда](#)

[Зеница ока](#)

[Трава на чужом участке](#)

[Плата за любовь](#)

[Вуду в Нью-Йорке](#)

[Кошмар за деньги](#)

[Первая любовь](#)

[Без ума от тебя](#)

[Из князей в грязи](#)

[Свобода в крови](#)

[Благодарности](#)